Седьмая башня

Officina Hermeneutica 130

Ощепк Сергеич

2

Я РАТУ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ощепк Сергеич

Я РАТУ. Акт второй. Седьмая башня

Серия «Я РАТУ», книга 2

https://litres.ru/74857607
SelfPub; 2026

Аннотация

Может ли амёба в принципе прочувствовать, почему сингл «Я снова это сделала» попал в первые строчки чартов? Вероятно, да. В данном втором томе трилогии «Я РАТУ», лингвистическо-геометрического гримуара, маскирующегося под роман, изложена онтология следующего репликатора (после гена по Дарвину и мема по Докинзу). Это позволяет получить намёк на ход мысли вышеупомянутой амёбы. В Акте втором («Седьмая башня») мир изменился и уплотнился, не теряя, однако, до конца своей пространственно-временной текстуры.

Содержание

§32. Уловка-33 4
§33. Замок веры 24
§34. Всепоглощающая правда зеркала 66
§35. Козёл опущения 80
[Аделаида] 81
§36. Гидродинамика неписи 88
§37. Пьета 102
§38. Постоянная 111
§39. Гея и Медея 122
§40. Восемь с лишним секунд от края до края 137
§41. Жгутик 153
§42. Репликатор и теснота 164
§43. Платик 178
§44. Движение отсутствия 186
§45. Омлет 200
§46. Остров невременья в океане Эст 213
Конец ознакомительного фрагмента. 237

Ощепк Сергеич
Я РАТУ. Акт второй. Седьмая башня

§32. Уловка-33

[Год господень 33]

[Америка]

[Ардуша]

¶

Взрослая уверенность, лучащаяся из молодого тела. Линия плеч, дуга ниже живота, два озорных яблока манящих коленок. Плотный девичий голос в нижнем регистре. Серьги-лунницы.

Свайп вверх.

«… поверженный вовремя рукотворный разу…»

Блестящий объёмный овал расчетливо сплетенной прически, зовущие уголки глаз – бескомпромиссное карее наслаждение. Блеск влажных губ с расчетливостью банкира отмеряет, в какой миг позволено будет тебе увидеть драгоценность её улыбки. Лунницы звенят в такт её безвкусной в музыкальном плане песне.

Свайп.

Политический обзор Восточной имп…

Свайп.

Снова Эмма Притхим. Теперь играет в теннис. Самое сокровенное – это редкие мгновения, когда свет проникает из-за её спины между её бёдер, дразня тебя. Я, быстрый свет, прополз там не спеша, касаясь внутренней поверхности её ног. А тебе позволено будет хоть когда-то за всю вечность повторить то, что могу я?

Свайп.

Платье её плотно обтягивает фигуру выше талии. По телу плавно прописаны сотни мельчайших складок. По одной вертикальной линии платье распахивается. Виден, сквозь треугольник с очень острым углом, участок бедра чуть выше колена. Ногу обтягивает нечто, чей цвет меняется в зависимости от мягкости её поверхностей. На самом коленце – телесный. Сразу чуть ниже, в милой ямке – почти фиолетовый. Тонкая полоска поперёк бедра. Что это? Выпавшая нитка? Виднеющиеся кое-где волоски на бедре рассматривать нельзя, чтобы не лишиться чувств. Пустая ведь девочка, в сущности. Сколько ни чисти историю браузера, всё одно в конце концов всплывает.

Ардуша прикорнул.

«Путешествие с папой и мамой. Туда, где цветные деревья. Ветер поёт в моих канатиках. Каждый тон – свой. Клавесин ночи. В темноте запели и сверчки… я обжигаю ручонку об огромную печь. А потом, выплакавшись, я с соседской

девочкой бегу к шатру и мы, как два сацзяо, играем: я справа, она слева; моя правая нога сгибается в колене под прямым углом, а у неё – левая, и мы попадаем стопа в стопу. Я исправляю оплошности её движений. Она убегает вперёд, и я вижу вокруг неё диск из белой-белой кости и всполохов кипящего золота».

Воздух в комнате ещё секунду был наполнен детством. Нельзя никого лишать детства. Кто сделал так, что у меня не было папы и мамы?

— Так. Хорош! — прервал доктор Ардуша собственную прокрастинацию, потирая кость посредине груди: — Как будто горб спереди растёт, чёрт возьми.

Он выдохнул, вздохнул и переключил сознание на опостылевшую за последние месяцы рутину проверки игр. Доктор богат, но перепоручить это нельзя никому.

— Что там у нас? «Седьмая Башня», — произнёс он в диктофон. — Тест номер двести восемьдесят восемь. Ну, поехали.

Доктор надел очки виртуальной реальности и запустил игру. Мозг доктора привычно подписал имплицитный контракт доверия к симуляции и перешёл в осмысление происходящего от первого лица.

⁂

Персонаж Ардушы в игре без опаски достаёт из своего сундука монеты. Пересчитывает. Не сочтя итоговую сумму верной, он проверяет все карманы, выскрёбывает недостаю-

щие по его нехитрой бухгалтерии гроши. Откладывает четверть тэллера на еду, а с отдельным вздохом – ещё десятинку на мыльню. Прячет остатки, запирает сундук.

Доктору нравится медленный поток времени в игре.

Он натягивает штаны с узкими петлями под ремень, заправляет в них широкую, почти белую рубаху с хорошим пышным воротником. Накидывает камзол. Без единого кармана камзол. У такого есть плюс: отсутствие карманов оправдывает при обыске гвардейцами, почему это вдруг рабочие принадлежности приторочены в обшлагах сапогов. Там у «Ардушы» с десяток мелких штук от штеплера до блокноута, но по-настоящему ему в сапогах нужна одна вещь: шило. Подсмотрел в своё время у одного интересного старика в лесу.

Доктор сделал паузу. Игрок не опасается излишней иллюзорности. Игрок не готов принять мир, небрежно сделанный. «Седьмая» такого порока не имела. Доктор поставил игре оценку «отлично». Не для публикации. Для себя лично.

Шило у докторова персонажа особое, в сечении треугольное, как армейский подмушкетный штык, длинной всего на треть фаланги короче максимального положенного. Всё в рамках закона, ха-ха! А форму сечения ни один из подзаконных актов не регламентирует. «Треугольник сечения, — мысли доктор категориями игры, — меня не раз спасал: опасная получается рана, и упругость клинка не в пример выше, чем у обычного круглого шила. Никто ещё не сумел

вовремя догадаться, что это вдруг вылетает молнией снизу вверх в моей руке, когда я присаживаюсь в ритуальном приветствии. Уловка-3. А свидетелей я до сих пор не оставлял».

Есть у такого камзола и минус: никак не купить пользованный, подешевле; обязательно остаются выцветшие отметины накладных карманов. А коль отодрал – объясняй гвардейцам, зачем. А где объяснения, там неминуемо всплывают связанные неудобные или опасные факты. Приходится переплачивать, сдирать карманы аккуратно снова́, а потом носить до совсем почти неприличного состояния – денег-то у меня едва на еду и жильё.

Впрыгнув в сапоги, нахлобучив шляпу с жетоном аспиранта, персонаж доктора выкатывается в тёмный коридор.

«Когда мир предсказуем и детален, можно позволить себе праздное любопытство», — с удовольствием проговорил сам себе Ардуша, откладывая очки, чтобы налить душистого чаю.

Дальше сценарий развивался стремительно. Игра привыкла к доктору. Вот Башня – рукой подать. Ночную окклюзию ворот протрубят ещё только через полчаса. Доктор решает: «доскочу до следующей, те ворота удобней». Доскочил. Почти. Длинный мост через бывший ров не преодолел. Десять! Он насчитал десять индивидов. Нет – одиннадцать. Один отстал. Камни моста образуют монументальный хребет. Шириной в типичное городское здание. Выгнулся на сотни шагов, прижимая пустоты давно высохшего рва десятком мощных

опор. На каждой из них – по паре монументов героев прошлого в четыре роста. Кто-то воздел десницу, у кого-то застывшим ветром распахнуло фалды гранитного плаща, чьи-то мечи обозначили полу-изготовкой острый угол с туловищем статуи. Двадцать два исполина сверлят Ардушу в сорок четыре каменных глаза.

Несколько обескураженный скачком сюжета, д-р Ардуша сдёрнул очки и осмотрел их, как будто бы на универсальном приборе могли быть кнопки, отвечающие за сценарий.

Неужели такой поздний час? Ни одного прохожего на всём сооружении? В центральной позиции – белобрысый верзила. У персонажа доктора волшебного материала – на сотню нитей лжизни. «Отриторюсь» – прикидывает Ардуша. Но его жизненный опыт подсказывает, когда хотят просто унизить, когда избить до полусмерти, а когда – убить. Десять плюс один – это 'убить'. Напрасно они это. Ардуша – субъект права. Придётся применять репрессалии.

«Ты гарцующего коня на свою повозку прилепил для напоминания себе, чтобы утром с дурману ненароком не запрячь ишака? — харкает доктор фразой, формально окрашенной инфиксом публичной издёвки. Не дожидаясь ответной реплики он выпаливает: — Прошу разрешения на официальное раскаяние и аппологацию!»

Вспотел Ардуша под шляпой в эти шесть ударов сердца, пока верзила решал. Он, однако, кивнул: ему что до аппологации убивать, что после. Разницы нет. Почему не принять.

Не для извинений он сюда с толпой подельников явился.

«Что же, изволь. От аппологации до апологии – один шаг».

Ардуша плотно закольцевал обе руки, подняв их на уровень плеч, в формальном «гоноро», зафиксировав факт почитания, затем подошёл на положенную дистанцию и преклонил колено.

Три вздоха. Лишь миг продлилось замешательство девятерых, после того, как шило Уловки-3 вспороло путь от подбородка в мозг и вырезало в голове белобрысого широкий внутренний конус с вершиной в коренном зубе. Персонаж доктора ежедневно по несколько раз, пока соседа нет дома, расстегивает пряжку ремня, вынимает его, хватает с обеих сторон широким хватом, резко натягивает и замыкает выкручиванием замок, превращая ремень в составную саблю из брусков-мусатов, чья тыльная сторона, та самая, для которой не нашлось слова в языках Предков, остра как бритва. “Вжих” – минус семь голеней. Или четыре злодея, которые не ходят. Ещё миг – это замешательство пятерых, ведущих подсчёт. И ещё пять ног. А сабля в умелых руках против двух бугаёв, пусть и с дубинками, пусть и восстановивших самообладание – это преимущество. И ещё один. Одиннадцать на три грани. Уловка-33.

Не любит Ардуша процесс добивания. Но куда деваться. Кошельки срезать – тоже дело не из приятных, но сбор лута – неписаный закон. И золотое правило: главаря обшарить

до ниточки, до шва. Оказались при нём документики, оказались. Сквозь Ардушу проносится тонкое осознание преходящей природы всего сущего: грусть и красота момента, когда понимаешь, что всё временно.

Сняв очки, доктор обнаружил себя неиллюзорно запыхавшимся. Сознание его было эрегировано. Он почуял. Пока только почуял. Кто сказал, что любопытство умирает там, где начинается угроза хаоса? Кто писал о «смерти автора»? Тут автор пытался стать богом, который может нарушать свои же законы.

Персонаж Ардушы двигает к кромке леса. Прошлое для него перевернулось с будущим. Как перспектива в рисовании: параллельные линии на бумаге кажутся сходящимися в удаленной точке схода. Все направления исходят из этой точки, далеко впереди меня. Ардуша – наблюдатель. Если это – начало всего, то получается, что он, наблюдатель, находится в будущем? Сейчас он сам становится началом, от которого расходятся все линии.

Он оказывается в точке отсчета времени, заглядывая, по желанию, то в прошлое, то в будущее. Ардуша стоит ногами на качающихся весах, огромных и ржавых. Никто их, кроме него, не использует. Хотя он говорит, говорит – его не слышат. Как только он позволяю себе почувствовать себя в прошлом, чтобы что-то толкало его в спину вперёд, его выбор сужается, и ему не остаётся ничего, кроме как прыгать в воронку сжимающих обстоятельств.

Он заходит в лес. Время растянулось вдесятеро. Вся воля мира, что шла на обслуживание тех, кто только что стал трупами, ушла к Ардуше. Обычно так не бывает. Стечение обстоятельств какое-то. Доктор слышал о таком. Не удивляется. Он знает, что это временно.

Доктор сделал паузу, чтобы переварить необычное правило перераспределения вычислительных ресурсов. В распределённых играх свои традиции.

Доктор отдаёт себе отчёт, что частично это галлюцинация, но ему негде искать опору, чтобы её избежать. Он бредёт по большой дуге вокруг города, от первой башни к седьмой, по кочкам, среди деревьев, продираясь через кустарник. Пахнет ягодой. Хвоёй.

Его вневременность достаточно зыбка, птицы его замечают. Ему хочется совета. Ардуша думает, почему бы не спросить его у самого большого организма, у грибницы. Он начинает искать самый красивый гриб. Долго ли, скоро ли, и он его находит.

Гриб говорит, что его зовут Клготь. Ардуша прилёг на мох. Прямо правым костяным ухом. Прекрасный гриб не дальше его носа. Он предлагает Ардуше ползти вокруг него прямо на щеке, отталкиваясь сапогами по кругу. Ардуша соглашается. Ардуша упрекает себя в присутствии Клогтя, что не чувствует вины и сокрушения, убив многих, что не знает тугой печали.

«Ты помышляешь прочувствовать скорбь?» — спраши-

вает громадный мицелий, протянувшийся в корнях леса от башни до башни, от берега до кручи.

«Помышляю».

«Предупреждаю, что дам тебе утрату во всей полноте, от бешенства до ностальгии, утрату по тем, кого будет тебе недоставать немыслимо более, чем сейчас. Я помещу тебя в то мироощущение себя и в то время, где это действительно будет существенно. Совсем не как сейчас. Совсем не как ты».

«Дай».

«Ты просишь главного вожделения?»

«Дай».

«Ты просишь мира, где мог бы разделить его?»

«Дай».

«За это не одну душу, но все!»

«Дам».

«Шестерых возьму».

«Пошто шесть?»

«Шести долинам шести рек нужны шесть Первых Правителей».

«Но рек в мире пять, Клогть».

«Штож. Новому миру новая Река».

⁂

«Договор с грибом?» — прозвенело осознание в голове доктора. Шесть – это пять правителей и одна пустота. В пустоте можно спрятать кого-нибудь. Если Клогть не заме-

тит. Он встал навытяжку – как гвардеец президентского полка. Одёрнул могильно-чёрный пиджак. Откашлялся. Он сам немного опешил от вычурности позы, сунул руки в карман, чтобы сгладить впечатление, но тут же выдернул – ему показалось, что пальцы ткнулись в мох.

Затем д-р Ардуша согнулся в три погибели и содрал с себя очки – то ли комком нервов, то ли крюком кисти правой руки. Он взял в левую руку обычный телефон и отправил голосовое:

— Аделаида, бодрый день. Сделай формальную пометку этим числом и временем – проставь таймстемп распределённым реестром. Собери, будь добра, данные по тем, кто имел аккаунты в игре «Седьмая башня». Чем более ранние счета, тем это для нас релевантнее. Сопоставь со всей сетью наших контактов, а также с их непосредственными знакомыми. Чем плотнее контакт, тем лучше. Оптимизируй по этим двум параметрам и составь список по возрастанию качества в обозначенных рамках. Спасибо.

«Разрешил мне мечтать. Но не предупреждал, что кошмар будет столь бессмысленным», — пробормотал доктор и снова погрузился в игру.

На каждом новом шажке спирали он видит новые одеяния гриба. Вот он клюв ворона. А вот коготь кошки. А вот кольчуга на статуе древнего льва. Ардуша видит железное острие, оскаленные зубы гиены, расцарапанную кожу. На обратной стороне он видит пролом-парац, трещины. Парац-пэрец. Он

чувствует буйство, сцепление, затем что-то твёрдое, но разломанное, как мостовая во время ремонта. Клюй туда, клюй! Скорбь, рвущая нутро подлой страстью превратить все ощущения в жалость к себе. Разъярение от вопиющей несправедливости царапает мне лёгкие изнутри. Коли её!

Ардуша пошарил в карманах в поисках чего-нибудь режущего. Понял, что у него нет карманов. Тогда он просто сжал гриб руками. Лес был до краёв наполнен вечером, и Ардуша стал бояться ночи. Зазвенели вдруг мириады насекомых. А может быть, просто слух вернулся по мере нормализации течения времени. Лежа на земле, Ардуша ощутил холод правым боком. Он попытался встать, но упал на четвереньки. Так и пополз. Мох. Везде мох. Клогть попрощался и на миг явил свою суть: объект, заполненнее, полнее, чем всё, что бывает в наших измерениях. Он свёрнут сам в себя и вовне одновременно.

Персонаж Ардушы добежал, частью по лесу, частью вдоль стены, до нужной башни. Стоит внизу, видит низкую дверь, плохо соображает. Ткань множества {стены, почва, двери} – едина. Она колеблется вместе с его дыханием. Она пропитана смолой. Дверь не может открыться, не порвав всю ткань. Чтобы сместить дверь, нужно притянуть стены к себе. Ардуша не тянет и не качает. Он вращается, как дервиш. Нет, он стоит. Он крутит мир с Луной вокруг себя. Поворачивает. «Смоляная ткань не сминается там, где стоим мы, — думает Ардуша. — Я и я». На стене башни забугрилось. Низкая

дверь выщёлкивает, как мышеловка, с неподходящим звуком, тихим треском. «Я» идёт внутрь. Дверь закрывается. А «я» Ардушы – равнодушно.

Доктор снял очки, окончательно отключил и игру и тяжело выдохнул.

— Вот ведь «разделяй и властвуй» какое придумали. Расщепили буквально персонажа надвое. Игра так игра!

⁂

Ардуша обрадовался звонку Аделаиды Рату.

— Здравствуй, Ардуша, — поприветствовала она доктора. — Первый в списке – некто академик Хакон. Он не особо релевантен по связям с нами, но аккаунт у него старый. Представляешь, он воспитывался в том же приюте, что и ты. И главное: он был в университетском кружке по изучению лингвы-знайка.

— Я прекрасно помню, кто такой Хакон, — сказал Ардуша. — Он же – Гудман Тяжёлаястена.

— Странноватая фамилия. Да и имя тоже. Индеец?

— Что-то вроде. Но с другой стороны Берингова пролива.

— Что за «академик»?

— Высший научно-административный титул на наши деньги.

— Да? — с сомнением протянула Рату. — Я посмотрела, что за место там… по его адресу. Там, знаешь, такая недвижимость… Не для академика.

— Разведаю на местности. Я лечу к нему – купи мне би-

лет, пожалуйста.

⁂

Самолет шел на посадку, и город лежал внизу серо-зелёным пятном, расползшимся по холмам. Ардуша смотрел в иллюминатор и слушал успокаивающий гул турбин. Этот звук не обещал ничего, кроме того, что довезет. Турбинам всё равно, кто ты и зачем летишь.

При посадке в автобус на лётном поле люди говорили обо всём сразу, но больше всего о том, почему здесь такие длинные зимы. Из окна такси он смотрел, как город просыпался. Трубы дышали паром, машины ещё не злились, а просто ехали, старинный троллейбус дергал проводами на повороте. Серый город под серым небом. Но в этом серебре была своя правда. Город был честен.

Ардуша нашёл а-ка Хакона в жуткой халупе на восьмом этаже.

Не сразу. Дверь была не заперта. В жилище не было признаков присутствия в жизни Хакона каких-либо других людей. Самого Хакона тоже не было видно. Доктор нашёл его в узкой и прелой ванной комнатке. Тот спал в чугунной ванне с обколотой по краю эмалью. Он был, конечно, пьян.

Доктору пришлось ввести академику (видимо, бывшему) специальный препарат, чтобы беседа могла состояться.

— Исследуешь дно? — спросил доктор.

В ответ был пока лишь взгляд разумного существа.

— Тебя не должно здесь быть, — доктор имел в виду ван-

ну.

— А ну как война? — резонно, со своей точки зрения, заметил Хакон. — Придёт эта падаль, а я сплю без стенок.

И он стал разглядывать дно ванны.

— Тебе что, интересно, есть ли там дверь? — поинтересовался д-р Ардуша. — Жду в комнате.

Пока Хакон не вышел, Ардуша не стал присаживаться. Так и стоял посреди комнаты. Вскоре Хакон появился.

— Зачем я проснулся? — спросил он.

— Есть работа. Катализатором, — сказал доктор, скидывая хлам с кресла.

Вместе с мятыми упаковками от одноразовой еды и одеждой, на которой застыла трёхнедельная обгаженность, на пол упала трогательная плюшевая мышка. Доктор Ардуша беззастенчиво прикарманил её, буквально сунув в карман. Он закономерно полагал, что такой милой игрушке здесь не место.

— Теоретически, я не против, — прошамкал Хакон, давая губам привыкнуть к воспроизведению человеческой речи. — Но вот, как видишь, немного занят.

Доктор его не торопил. Сидел филином и глазел академику в лицо. А тому – хоть бы хны Ни тени смущения.

— Понятно, — сказал Ардуша. — На трезвую тут у тебя невыносимо, спорить не буду. Помнишь ту поездку на вело-тандеме?

— Неделя отбитой задницы? Как не помнить. После неё

у меня и не заладилось.

— После неё три года прошло, как у тебя не заладилось. И не только у тебя, у всего мира.

— Моё уродство – в неспособности игнорировать шум, — сказал академик. — И ты же знаешь, я не умею манипулировать. Истина для меня важнее результата. Какой из меня катализатор. Я так понял, надо кого-то в чём-то подбодрить? С химической эффективностью?

— Помнишь наш разговор про апостола Авертигуса? — приступил к конкретике доктор.

— Который не бог, но, возможно, проводник? Помню. Только я теперь думаю, что все апостолы, даже те, оригинальные, – просто самозванцы. Пиарщики.

— Тот. Мне кажется, я его нашёл.

— А. И что ты у него попросишь? — первый раз проявил Хакон искру искреннего интереса.

— Может, не попрошу, а предложу. Обычно я могу только указать. Мне всегда нужен исполнитель. Но сейчас исполнителя нет.

— Не смотри на меня.

Доктор смотрел.

— Ой, — отмахнулся Хакон. — Дёшево. Житуха усилий не стоит. Это рациональный выбор.

— Шибко умный? — моргнул Ардуша. — Там достаточно большая пробка, вырезанная из чистого любопытства. Заткнёт твою бутылку.

Хакон ещё чуток протрезвел.

— Ты хочешь сказать, что видел нечто, что не должно существовать?

— Именно.

— С нормальными мне не по дороге, — предупредил Хакон.

— Там монстры, успокоил доктор. Пришлю авиабилет, как буду готов. Заряжай вовремя телефон. Бывай.

Вместе со звуком закрывающейся двери Ардуша расслышал изнутри квартиры скрипуче-кашляющее:

— Ингибитора ещё найд…

Доктор вернулся и плотно – насколько это было возможно, учитывая её печальное состояние – закрыл за собой дверь.

— Так. Ещё раз, — потребовал он.

— Выпьешь со мной? — спросил Хакон.

— Выпью, отчего не выпить, — удостоверил д-р Ардуша.

— Вон там пошарься, — махнул академик в сторону определённого куска мебели. — Выбери самую красную.

Найти непустую бутыль оказалось делом не пустяковым. Все они были почему-то из стекла тяжёлого и плотного, пытающегося скрыть – и весом тары, и пониженной прозрачностью – наличие жидкого в себе. На одном из сосудов доктор увидел этикетку, которая заискрила в его памяти глупой ностальгией. Он зафиксировал факт наличия содержимого на слух, движением руки создав в бутылке недовольно булькающий

нувший вихрь.

— Тут все зелёные, Хакон. Если не прозрачные. Стекло ж зелёное.

— Ты забыл, что ли? У меня в голове цветовой круг развёрнут в-обратку.

Доктор решил просто проигнорировать пожелание Хакона насчёт «самой красности».

Зелье потекло в две рюмки. Прежде чем поставить пустое стекло на грязный пол, Ардуша плотно прошуршал по этикетке ладонью в знак давнего знакомства. В качестве ответа на приветствие из тонкого длинного горлышка вылетел последний остаток спирита.

Они без звона чокнулись и выпили этого джина.

— Когда есть потребность в катализаторе… — Хакон поднялся с кушетки и пошёл в уборную, чтобы трубно высморкаться.

— Нужен также и ингибитор, — со скрипом вернулся он на кушетку.

— Разумно, — отозвался доктор. — Кого ты расцениваешь как ингибитора? Твой знакомый? Он, может, и умер уже давно.

— Он не стачивается по ходу процесса. Поэтому и ингибитор. Настоящий шкаф для стабилизации реакционных смесей. Жопой чую.

— Жопой так жопой, — уступил доктор. — Где его искать?

Академик вынул из-под подушки телефон. Тот был, конечно, полностью разряжен.

— Операционка грузиться будет полчаса, — сказал он с раздражением. — Стоит только позволить умереть, оживлять потом – такая вечная мука.

Доктор видел: академику нужно было выпить ещё, но делать это в присутствии Ардушы он не хотел.

Ардуша помог Хакону побыстрее от себя избавиться:

— На моём покажи, — протянул доктор свой девайс с предварительно запущенным картографическим приложением.

Хакон потёр своей непослушной щепоткой дисплей в поисках места посредством лишь функции зума, не вводя букв в окно поиска адреса. Затем он ткнул подушечкой указательного пальца в точку.

— Вот она она, — по-детски выразился Хакон.

Место было обозначено как «мельница XIII века». На экране рефлектировал в боковом свете чёткий жирный отпечаток пальца. Доктор убрал девайс в карман, со всем его содержимым.

Не усложняя сущее ненужной тщетой прощания, он поспешил к выходу.

— Денег оставь, — сказал вдогонку Хакон.

— Это ещё зачем?

— А как иначе я тебе пришлю такую же мышку, коль она тебе так приглянулась? А мою положъ.

Доктор швырнул мышку в кресло и убрался восвояси. Денег он не оставил.

¶

§33. Замок веры

[Апеннины]
[Аделаида]
¶

Покончив с судейством, я стала больше времени проводить с доктором. Он в то время с головой ушёл в предоставление услуг по безопасности. Я ему помогала, а он ценил мою помощь.

Был период, когда я работала телохранительницей. Но быстро выяснила, что чем человек старше, тем меньше в нём не только непосредственности и беспристрастности, но и бездумной смелости.

Когда из моей жизни вынули Роту и постоянную занятость, образовалась пустота. Туда начали затекать мысли о потерянных для веры и Бога годах. Бывали дни, когда я обращалась с молитвой на языке всепоглощающей правды. Бывало, когда я делала это не единожды в сутки. Мне было плохо, что тут таить.

И вот однажды, в один из таких окаянных дней, доктор объявился с названием: «Седьмая Башня». Компьютерная игра такая. Голос его был возбуждённым. Попросил «пристрастно изучить» связанных с проектом людей. Во мне зашевелилась давняя тревога, да и интересом его я не могла не заразиться. Наши с доктором информационные ресурсы

ничего не дали.

Решила связаться с Толстяками. Девайс мой, как назло, застыл на экране «замкнуто», не реагируя ни на какие касания и даже механические кнопки. Такое случалось и прежде. Пришлось ждать, пока полностью разрядится батарея. Я, однако, не дождалась и набрала по городской линии через секретаря. Мне ответили. Тут же, в качестве издёвки, отвис носимый девайс.

Вскоре я приехала к Толстякам. Все трое сильно сдали за то время, что я их не видела. Отдали запрос в работу. Быстро всплыло имя реальной основательницы: Вирджиния Лав Тяжёлаястена. Толстяки сказали, что саму её сразу щупать не стоит. Начать имеет смысл, сказали они, с пары её контактёров. Стали искать, кто был рядом. Выяснилось следующее. Есть бывший муж – Хакон Гудман. Живёт в Северо-Азии. Второй человек – Серафим. Этот оказался «нашим». Местным. Криминальный, теневой политик по кличке «Настоятель». Я тут же связалась с доктором и сдала ему Хакона. Серафима придержала себе, для собственной разработки. Ну а Вирджинию забыла, как Толстяки и советовали.

Толстяки, естественно, спросили, зачем это мне. Я в то время уже давно отболела воспоминаниями о детстве, поэтому просто рассказала им всё, что помнила и знала о дяде Николае.

Они выслушали.

Молчат.

— Девочка моя, — сказал наконец Центральный. — Разберись с ним, пока мы живы.

— Как? — спрашиваю.

— На поясе у тебя то, что я думаю?

— Угу, — говорю.

Неприятно всё-таки, когда у тебя меньше секретов, чем ты думаешь.

— Дядя Николай твой точно возьмёт в руки такую штуку и принесёт домой. Сделай такую же из меди и серебра. Чередуй звенья. Поставь жучок.

— Что он, серебряного пояса не видел? Тем более – медного, — засомневалась я. — Да и как я его подкину?

— Повесь на пояс статуи Спасителя в часовне Пио-Монте-делла-Мизерикордия.

Я не мгновенно, но поняла их задумку.

— Как я могу вас отблагодарить? — спросила я.

Левый тут же предложил:

— Там недалеко есть место, монастырь. Проведи там суд для нас, по старой памяти.

— Хорошо, — ответила я. — Кто набедокурил?

— Трудник один. Работает в тележной мастерской при монастыре. Устроил, понимаешь, так, что буквально через улицу открылся ипподром. Со ставками, пьянством и всем остальным.

— Как он смог? — спросила я. — И зачем?

— Зачем – знаем. Спроса на тележный сервис мало, сама

понимаешь. Он рассудил, что жокеи и их… тачанки, скажем так – подходящая клиентура. А как – не знаем. Вот и выясни.

— Я не дознаватель, — предупредила я.

— Как получится, Аделаида, как получится. Дарёному коню в зубы не смотрят.

Я ещё раз поблагодарила стариков и ушла. Дома поизучала про медь.

⁂

Про серебро я и так всё знала, а что касается меди, то оказалось, судя по «релевантным» источникам, что «змей» и «медь» имеют на языке оригинала Писания идентичную основу. Медь – материализованная сущность серпента. Каждая, дескать, буква в оригинале – это не звук, а понятие. Оружие. Промежутки между буквами – волчьи ямы. «Змей» – это титул. Численно сопряжён со словом «мессия» и тем, кто разрушил защиту жизни. А Дьявол, дескать, не есть искуситель; он – клон Спасителя.

Я решила, что такие верования вполне под стать дяде Николаю.

«Может клюнуть», — подумала я. И… испытала азарт. После этого и из-за этого много произошло неприятного, и я хочу выразить открытое предостережение всем внемлющим: начинается это вот так, безобидно.

Какое-то время ушло на изготовление пояса-рапиры из заявленных материалов. Вставила в конструкцию трекер геопозиционирования.

Я исходила из предположения, что дядя Николай либо выставил за мной слежку, либо никогда её прежде и не снимал. Поэтому было бы глупо ехать по своим документам. Этим самым я бы сказала: «Я хочу, чтобы вы следили». Надеяться же обмануть его другими документами было бы глупо. Что касается мозгоглюя, который был вживлён мне в детстве, его я не опасалась. Первое, что я сделала по достижении совершеннолетия, так это обратилась в нелегальную клинику по этому поводу. Мозгоглюй был старым и примитивным. Он растягивался по мере роста мозга. Возможно даже, порвался и вовсе уже не работал. Так или иначе, активность этой штуки в клинике детектировать не смогли. Я её тоже не чувствовала.

Я вылетела в Европу. Никогда прежде не проходила я таможни и проверок в аэропорту с рапирой на поясе. Прошло гладко. Обе рапиры – настоящая и поддельная приманка – сошли за ювелирное изделие.

Сидя у ворот номер 48, ожидая рейса в город Волчицы, я теребила пряжку на поясе. Пряжка, думала я, вовсе не выглядит как голова змеи, пожирающей свой собственный хвост. То, что Толстяки провели параллель между моим поясом и Уроборосом, мне убедительным не показалось. Рапира должна быть орудием Марса. Символ прямой, открытой агрессии, войны и рассечения плоти. А тут получался Меркурий какой-то. Я так задумалась, что чуть не опоздала в «рукав», ведущий в самолёт. Снимая в спешке прегражда-

ющую ленту, я ненароком сломала на ней пластиковый паз.

Прилетев на побережье Адриатики, я дала пару дней отдыха себе и передышку тем, кто работал в наблюдении за мной.

На третий день я отправилась в указанную часовню. Походила там вдоль образцов изобразительного искусства, улучила момент, пока никто не смотрел, и надела на Спасителя пояс. Если меня при этом засняли на камеру – так для моей цели это было только лучше.

Стала ждать.

Кто-то клюнул на следующий же день. Трекер показал движение, а через час примерно был обезврежен. Обычный опытный вор предпринял бы что-то сразу, подумала я. Поэтому я отправилась с визитом по адресу, где выключился маячок, полная ожиданий. Настоящая рапира была у меня на поясе.

Институт философских исследований. Дворец с искалеченной лестницей. Я заранее навела справки. Частное заведение. Не университет в классическом смысле, а место «чистых исследований», свободных от академической бюрократии. Здесь читали лекции крупнейшие умы Европы.

У меди два стабильных изотопа. Радиоактивные её изотопы распадаются за часы. А вот у серебра есть Ag-110m. Это уже почти полгода. Метастабильный изотоп, которому плевать на экранирование Фарадея, на глушилки радиосигнала и на отсутствие спутников в небе. Я пошла на звуки его гам-

ма-песни на частоте шестьсот пятьдесят восемь килоэлектронвольт. Гражданская модель спектрометра для геологов. Но прошивка была переписана, конечно. Я купила себе кофе в вендинге – человек, неспешно бредущий по коридору с картонным стаканом менее подозрителен, чем человек без оного.

Найдя по показаниям прибора нужный кабинет, я постучалась. Не получив ответа, я легко справилась с древним замком «от честных людей» и вошла. Внутри никого не было. Рапиру я быстро нашла в ящике стола. Вернула её на свой пояс. Теперь у меня два пояса. Осмотрелась. Ничего интересного мне на глаза не попалось.

«Собственно, а чего ты ожидала?», — подумала я.

Меня охватила апатия. Была мысль дождаться хозяина кабинета, но во мне возникло ощущение, что сегодня это бесполезно. Получается, я сама клюнула на свою же приманку. Пришла за ней и повесила себе на талию. В нерешительности я позвонила Толстякам, но меня не соединили. Трое были заняты чем-то неотложным.

«Завтра, — подумала я, — попробую снова».

Тут в кабинет зашла уборщица. С ней была тележка с моющими средствами и расходниками. Я мгновенно плюхнулась на стул и схватила какую-то бумагу. Сижу, де, изучаю. Кивнув мне, женщина принялась водить по полу шваброй. Нет, не так. Она втыкала её во все места, в том числе в узкие, куда она не входила. Она передвигала стулья, ворчала и во-

обще вела себя шумно. Когда она высыпала мусор из корзины под столом в большой мешок, звякнул металл. Она вынула его из мусора. В руке её была расстёгнутая рапира-пояс. Это, поняла я тут же, была моя серебряно-медная подделка. Значит, на мне было что-то другое.

— Обронил. Или разозлился и выкинул, — нашлась я. — Может, неуместный подарок бывшей дамы сердца. Заберите себе. Я имею право отдать, в любом разе.

«Интересно, — думаю, — увидит она на моей талии две такие же». Но, видимо, нет. Не увидела. Поза моя этому не способствовала.

Уборщица, не поблагодарив, спрятала находку.

— Профессора сегодня не будет, — сказала она.

«И хорошо», — подумала я.

Меня, надо сказать, удивило такое пренебрежение к вещи. Серебро всё-таки. Или это какой-то жест? И что за профессор, интересно?

Уходя, уборщица сказала:

— Замкнёте? А то всегда во всех проблемах виноватой оказываюсь я.

— Закрою, — полусоврала я с сожалением. Замок-то я сломала.

— Я помолюсь за вас. Как вас зовут? — спросила она.

— Аделаида. А вас?

— Я буду думать о вас доброе, — не ответила она.

⁂

Итак, с двумя рапирами на поясе, я вышла из Института философии. Я была полна решимости ехать в монастырь выполнять просьбу Толстяков. «Просьба» в данном случае – это эвфемизм для «предсмертного завета». Я это чуяла уже тогда. Ничто меня не остановит отсудить этот последний суд так, как положено. Кто б я была в этой жизни, если б не Толстяки?

Стала ловить такси и быстро поймала. Я села в машину, а таксист попросился сбегать за сигаретами. Буквально, сказал, три минутки.

— Бегите!

Я сидела и рассматривала исцарапанную пластиковую табличку с его именем: «Виргилий XXX».

«В иной стране и Геракл – рядовое имя», — подумала я.

Во время его отсутствия к машине, оказывается, подъехал низкий плоский гусеничный робот и обул колесо автомобиля в кандалы для нарушителей режима парковки. У нас в Америке таких не было, я и не обратила внимания на возню снаружи.

Водитель вернулся, сплюнул с досады. Он успел сделать всего пару кругов вокруг машины, изрыгая злые причитания, как к моему окошку нагнулась разбитная девица:

— Отломать? — спросила она. — У меня такая же машина. Со мной такое постоянно случается. Я уже умею.

— Отломайте, — кивнула я. Я думала совершенно о другом.

Она и отломала. Как это произошло, ни я, ни водитель не поняли.

— Езжайте уже, — поторопила его я. — А то такой же прилепят, если чего похуже не случится.

Девице я дала довольно крупную купюру.

В машине я уснула. Когда проснулась, мы были уже в другом городе. Мы пересекали громадную площадь. Там на улице ощущалась нервозность. В облаках был разрыв. Искренний лазоревый свет обтекал белые здания с одной стороны площади, оставляя остальные в плотной тени, как в грязи. Вот, очевидно, здание оперы. Косая линия терминатора меж затенённым и освещённым разрезала стену пополам, как будто заранее показывая, где пройдёт слом заброшенной послевоенной руины.

В том куске неба, куда била синь, я увидела тёмно-фиолетовую крошку взвившегося над городом смога. Площадь выглядела испуганной мордой жвачного животного. Расширившимися от ужаса глазами служили два огромных воздушных шара цвета маслин.

— Что это? — спросила я водителя.

— Запущены подразделениями воздушной обороны, — ответил он буднично.

— Этот город обстреливают? — спросила я водителя.

— Все богомерзкие города обстреливают, — ответил он.

Мне это суждение показалось слишком радикальным.

— Не все люди, — сказала я, — религиозны.

— Люди – все, — отрезал таксист. — Доказано наукой.

— Поясняйте, — потребовала я.

Водитель не растерялся:

— Обезьяна не может убить сородича одним махом. Лев может. Поэтому не убивает.

— Камнем, — возразила я, — или дубиной – запросто.

«От неверных предпосылок все заблуждения», — подумала я, и мне стало скучно разговаривать с ним.

За окном допотопные фонарные столбы ждали фонарщика – город уже переходил на частичный отказ от электричества. Здания крупных кредитных контор стояли в ряд часовыми, безмозгло выпятив грудь пустых балконов с трепыхающимися маркизами.

— Воот! — поднял палец водитель-философ. — Но это только когда обезьяна инструмент освоит. А сколько нужно времени на это?

Я призадумалась. И правда. Времени нужно немного.

— Может и за час произойти. Наверное. Вы как думаете?

— Сначала зверь держит оторванную голову меж двух ладоней. Смотрит в мёртвые глаза. Этого нельзя избежать.

Он говорил со знанием дела. Чувствовалось. В зеркале заднего вида театрально качалась его голова. Как яйцо Шалтая-Болтая в любительской постановке в жанре фарса.

— Потом ударяет ей об острый камень. Хрясь. Не камнем по черепу. Наоборот! Хрясь. И это происходит постоянно. Поколение за поколением.

Под звуки это «хряся» я представила себя где-то в бесконечно древней саванне. Вот я. И вот чья-то оторванная голова. Возьму я её меж двух ладоней, чтобы заглянуть в глаза?

«Не знаю, чёрт возьми! — ужаснулась я внутренне. — Может, и возьму».

Я смотрела в окно. С десяток ещё живых гвардейцев бродили по площади, поджавши руки под плащи. Один из них стоял. У него не было лица. Он ритмично, раз за разом, бился лбом в неприличную надпись на стене, входя в неё, как в рамку. Никто его не неволил. Он сам заключил себя в ничтожение. Я встряхнулась и сбросила с себя наваждение.

— Но однажды, — продолжил водитель, — когда-то однажды животное постигает инверсию и ударяет камнем в череп. И ей нравится звук.

— Почему это? — спросила я. Я такого звука не слышала, но мне не казалось очевидным, что он должен понравиться.

— Потому что после этого наступает наслаждение. Лакомство. Мозги. Чужие мозги.

Я оценивающе покачала головой.

— Не исключено.

— И вот он момент истины. До него ты не мог никого убить одним махом, а тут вдруг стал способен. Одномоментно.

— Будут последствия, — сказала я.

— Немедленно будут, — сказал он. — Пойдёт и укокошит обидчика. В ту же ночь. И кто это, как вы думаете?

Меня осенило:

— Альфа! — говорю. — Альфа-самец его племени. Кто ещё.

— Так точно. Следовательно, альфы – не жильцы.

И тут я окончательно поняла:

— Значит, надо отдать роль альфы кому-то вовне.

Мы выехали за город. На куске рельсов стояла стандартная железнодорожная цистерна. Железная дорога никуда не вела. Сбоку по цилиндру огромной ёмкости карабкалась прихватами плохой сварки лестница. Поверхность была ржавой, грязной, местами зеркальной из-за игры низкого солнца. Белые буквы уже не читались, цифры можно было разобрать. Над цистерной вились вороны. Десятками. Зачем им бензин?

— Верно, милая барышня. Богу. Те племена, кто это не сделал, просто не выжили. Поэтому все люди – религиозны. А кто не религиозен – те не люди. Мутанты.

Я смотрела в окно. Мать за руку тащила сквозь ветер своё дитя. Ребёнок переступал рваными приставными шагами, лишь частично прикрытый телом женщины от потоков ярко освещённой пыли. Куски оторванной одежды – десятками жутких флажков. Чьё наступление они празднуют?

Послышался колокольный звон. Донёсся глас геральдических горнов.

— Что это? — испугалась я.

— Сигнал гражданской обороны.

Как-то сразу стало много лишней пыли на улице. Шары! Аэростаты. Чёрный шар в окне.

Пикет полиции. Нас остановили.

И тут бахнуло!

Пост полиции разнесло. В близкой облачной каше прямо над нами вспыхнуло и погасло розовое пятно. Полетели ошмётки тел. Крики. Полицейский упал с осколком в горле. Хлещет и пахнет кровь. Я мысленно попятилась от растекающейся липкой на вид багровой лужи, хотя сидела в машине. Пыль застит глаза. Нужно закрыть окно, но дурман сковал волю.

— Артиллерия! — шепчет водитель.

Рот его в зеркале искажён криком. Он даёт наконец газу. Я что, оглохла?

Единственный на всю локальную вселенную фонарь освещал толком лишь провода, на которых он и висел. Четыре линии рдели, превращаясь время от времени в пунктир. Дорожное покрытие под пятном света притворялось танцплощадкой – свет по ней гулял ненадёжно и в несерьёзных оттенках. На тротуаре образовалась лужа из глицерина или какой-то другой технологической жидкости. Она была жирная и мелкая, но вязкость её создавала иллюзию глубины. Из неё светилось зелёным из-за отражения нашей машины.

Мир разделился на два сегмента. Большую часть занимало покрывало тёмного неба. Центральная часть мира явилась мне треугольником света. Сверху вниз – как душ. Там,

куда падала «жидкость» из светлюшек, было множество чёрных «тараканов». Людей, транспорта, других навсегда потерянных вещей.

«Как же плавно едет эта роскошная машина, — думала я. — Фру-фру».

Мне привиделась на окне дешёвого старого фиата изящная чёрная шторка. Небо у горизонта радует предвечерними цветами, а над городом собрались низкие, но белые облака. Сочетание лучей и теней празднует вместе со мной чувство роскоши.

Я теряла сознание от контузии.

Низкие, но белые облака. Я видела, что они собраны в формы, в подобие извилин гигантского мозга. Молния, случись она сейчас, прошла бы не по ломаной линии фрактала, а стала ветвиться бы… словно по границам этих «извилин», как электрический сигнал по нейронам.

«Сагиттальный разрез… — бредила я. — Вспышка – это мысль».

Я отключилась.

⁂

Таксист рванул вперёд и свернул в первый попавшийся просёлок. Потом он вёз меня грунтовками и кое-где даже краями полей. Он старался подобраться поближе к монастырю, не показываясь на дорогах. Затем, уперевшись в совсем уж непролазную для его фиата колею, сослался на кляузь публичной оферты таксопарка под названием «Форм-ма-

жор».

«Форс», — мысленно поправила я.

Он предложил мне выйти:

— Тут километров пять, — указал он рукой направление.

Я была не против пройтись. Мы расстались с водителем полюбовно.

Я шла между бороздами по полю, вдыхала запах земли и прислушивалась к тому, как звон в ушах постепенно отпускал.

Вскоре я подошла к посёлку. С крайних улиц открывался вид на склон холма. На холме росла великолепная сосна. Под холмом было выложено огромное каменное панно – сотню-полторы шагов в поперечнике. Это был мозаичный портрет белобородого старика в старинном сюртуке. Цвет камней был подобран очень искусно – ничего подобного я прежде не видела. Глаза были как у дяди Николая – и где только нашли такие большие голубые камни.

Я не поленилась и прошла значительное расстояние вверх по холму, чтобы понять, какого размера были использованы камни для построения изображения бородатого. Я была удивлена. Глазомер в этот раз меня подвёл. Портрет был заметно больше и дальше, нежели я изначально полагала.

Пока я стояла в недоумении у валуна размером с себя, откуда ни возьмись появился мальчишка. Лет семи-восьми. Он был одет аккуратно, но чересчур прагматично для такого маленького человека – на нём был камзол со множеством

карманов и карманчиков, а также широкий кожаный пояс с креплениями. Впрочем, к ним не было ничего прикреплено. От него ощутимо благоухало луком.

— Тётенька, это ты плясала на крыше кареты?

— Нет, не я.

— Врёшь, — безапелляционно объявил он.

Я пожала плечами. Ну, пусть «я».

— Ты куда идёшь? Давай я тебя отведу кратчайшей дорогой.

— Изволь, — с удовольствием приняла я предложение. — Мне нужно к.. к главному в монастыре.

— К князю-то. Идём.

Мы шли заросшими задворками, а углы невысоких кирпичных заборов то и дело заставляли нас менять направление под прямым углом. Пару раз нам преграждали путь покосившиеся калитки. Они, однако, оказывались не запертыми, пуская меня и моего провожатого пересечь чьи-то покинутые участки. Очень скоро мы вынырнули на обычную улицу и, пройдя пару усадеб, оказались перед домом князя.

Князь встретил нас у ворот, заметив издали. Одет он был как будто для дипломатического приёма.

Он ни о чём меня не спросил и открыл калитку. Мы вошли в сад. Мальчишка и не думал отправляться по своим делам.

Пройти мимо той тыквы было никак нельзя. Тыква, росшая посреди сада, была оглушительной.

— Это ваша тыква? — я с величайшим удивлением смотрела на монстра размером с винную бочку. — Как такое возможно?!

— Кормлю насильно, — отвечал князь.

— Зачем, Предки добросовестные?! — не могла я взять в толк.

— Как же, как же, дорогая… Как Вас зовут, простите?

— Аделаида.

— Так вот, милая Аделаида, эта тыква позволяет прочувствовать ровность времени.

Князь сразу показался мне существом премилым, и я была не прочь почесать с ним языками.

— А просто посидеть на завалинке, — сказала я, — ради ровности времени – не проще?

— Время – оно ж кусками. Как если смотреть на пейзаж из кареты. То собеседник на противоположной скамье отвлёк. То кочка сильно тряхнёт. Ровно, по линеечке – никак не получается. А тыква – как есть линеечка во времени.

— Что ж… это пока не лопнет, — заметила я.

— Тут ваша правда.

Мы прошли в дом. Мальчика с собой не пригласили. Впрочем, он и не навязывался. Его тоже всецело поглотила гигантская тыква.

— Какие планы в нашей обители? Кофе будете?

Он ловко разлил напиток в две чашки, не дожидаясь согласия.

Я подробно изложила суть дела, сославшись для начала на Толстяков.

— Меня зовут Михал Михалыч, — сказал он. — Ваши боссы очень многое для нас сделали. Ну, вы наверняка знаете.

Я не знала.

— Не хочу себя расстраивать, но суд действительно провести придётся, — сказал он. — Или вы предпочитаете трибунал.

Он прекрасно владел собой. Но и не скрывал своего огорчения. Он не сплоховал, сказав строго по делу:

— Имело место клятвопреступление. Это необходимо уладить. Внешним судом. В Вашем лице.

Михал Михалыч выглянул в окно и протянул мальцу мелкую монетку:

— Хо, парень! Господина Ж* знаешь? С нижних земель. Вот. Его. Найди. Пусть придёт. Скажи, чтобы рубаху чистую надел.

— Насилу избавились. Назойливый пострелец, — сказал Михал Михалыч.

— Не его вина – его мир ещё не стал сложным, — проводила я взглядом мальчика.

— Вы правы. Тут в Обители никто не сирота, но все – дети.

— Завидую, — сказала я, — что моя жизнь прошла мимо… такого высокого места.

— Что ж, — вздохнул он, — кто-то живёт вверху, кто-то внизу – никогда они не договорятся. Знаете что… Кстати! Вкус земляники – вот что возвращает детство. Прямо за моим участком начинается холм. Он весь в ягодах. Пойдёмте, соберём лукошко-другое к чаю.

— Опасаюсь комаров, любезный Михал Михалыч, — попыталась отказаться я.

— Там целый цветочный и ягодный город, — настаивал он. — Идёмте!

Он даже пошутил:

— Что касается гнуса – он есть, только когда я закрываю глаза.

И мы пошли.

Мне показалось, что одеяние Михал Михалыча слишком пышно для похода по холмистым пустошам. Впрочем, кому угодно показалось бы так же. Теннуре его вздыхала медузой при каждом шаге. Сикке на голове, хирка на плечах – всё это не вязалось с действительностью. Особенно – в качестве экипировки при сборе диких ягод. Я, конечно, никак не выразила своего недоумения. Тем более что пейзаж открывался чудесный.

⁂

Разнотравье вокруг, казалось, дышало. Редкие сухоцветы торчали на высоту человеческого роста, доказывая своей сухостью, что тут царство скромных и одарённых. Ягоды были повсюду.

— Вы верующая, Аделаида? — спросил Князь.

— Да, — ответила я.

— Вы сегодня молились?

— Да.

— Он вам ответил?

— Нет.

— О чём же вы молились?

Я сочла, что будет кощунством соврать князю. Поэтому произнесла молитву ровно так, как она и звучала – на языке доктора. Был риск, что Михал Михалыч оскорбится на «тарабарщину», но истина в данном случае дороже.

— О. Модифицированный Ифкуиль, — сказал он. — Любопытно.

— Я не знала о таком названии. Вы понимаете этот язык?

— Понимаю.

Я была обескуражена. Я пыталась придумать, как и на что перевести тему разговора. Хотела было спросить про каменное панно, но оно отсюда – как назло – не было видно. Тут я вдруг поняла: я абсолютно уверена, что снизу, от панно, это место видно было. Вот эта самая сосна. Какой-то свирепый саботаж нормальности сегодня весь день.

— Не учли вы простейшей вещи, славная Аделаида. Если бы даже Он захотел вам ответить, как бы Он смог сформулировать Свой ответ?

Внизу дом князя стоял и дымил той печкой, благодаря которой мы недавно пили горячий напиток. Стены его, как вы-

яснилось отсюда, не были вертикальными. Он чуть клонился в сторону от нас, приглашая вернуться.

— Не понимаю, — сказала я.

— Вы с Ним не на ты. Если бы Он заговорил, то фразами принципиально формальными.

— Всё ещё не понимаю.

— Он не может сказать вам ничего, не может ответить, потому что в реплике на таком языке не может быть не включено в качестве контекста Его намерение. Вы же включаете неизбывно в каждую реплику причину, по которой вы говорите то, что говорите?

— Конечно. Иначе на лингва-знайка… на «модифицированном Ифкуиле» не сказать.

Князь остановился. Я была в растерянности. Весь этот зелёный холм застыл, как горб притаившейся в засаде кошки.

— Вот видите. А у Него не может быть намерения, вот Он и не может сконструировать предложение. Синтаксис не позволяет.

— Почему у Него не может быть намерения? — спросила я.

— Намерение бывает у кого-то, кто обладает уязвимостью. Можно сколько угодно думать и размышлять, но это не создаёт самоосознания и, соответственно, намерения.

— Вот как, — сказала я.

Мысли мои метались. Получалось, доктор сбил меня с Пути. Но ведь как убедительны были его речи, что с Богом нуж-

но говорить так, чтобы недосказанности не было места. Что для молитвы обычный, расхлябанный язык человека не гож. Я не паниковала. Холм помогал. Он зазывал мягкостью травяного покрова и успокаивал. Вереницы птиц в небе дорисовывали линии его уютных складок.

— Именно так, милая моя, — сказал Михал Михалыч. — Посудите сами.

Наверху нашлась тропа – мы решили спуститься по ней ради экономии времени: внизу нас наверняка уже ждал полный укоризны «подсудимый». Цепочки собачьих следов служили тропинке изящной окантовкой – умные животные выбирали для своих лап самую удобную, в меру упругую почву.

Я спросила:

— Так как помочь Ему найти причину, чтобы что-то сказать?

— Стоит ли? — покачал головой князь. — Я не знаю как.

Мы быстро спускались. Стал слышен запах дыма из трубы его дома.

⁂

Князь перед уходом дверей не запирал. Когда мы зашли, в гостиной сидели мальчишка и огромный краснощёкий трудник. Михал Михалыч предложил всем свежих душистых ягод.

Одежда трудника, крестьянского покрою, пусть и не парадная, была тщательно вычищена. Причёска была безупречна.

Судилище устроили в саду на свежем воздухе. Печь к тому времени притушили, так как дым стал стелиться по земле. Впрочем, её услуги уже не требовались.

— Ты нарушил клятву? — спросила я трудника.

— Нарушил, — сказал трудник. Как ни старалась я расслышать в этом слове издёвку или ложь – не получилось.

— В чём состояла клятва?

— Ни в чём. Null. Мы не давали формулировки.

— Это правда? — спросила я князя.

— Истинная правда, — сказал Михал Михалыч.

— Как же так? — удивилась я.

— Издержки системы управления, — посетовал князь. Без сожаления, надо сказать, в голосе.

Я собралась. Что ж, действовать всегда приходится в конкретных краевых условиях, какими бы нелепыми или неудобными они ни были.

— Значит, обязательство дано, но его содержание равно пустоте, — заключила я.

Я выдержала паузу. Молчание. Молчание – знак согласия.

— Мнил ли ты эту клятву как юридическую лазейку? — спросила я трудника.

— Не мнил.

Я рассудила, что это облегчает дело.

— Следовательно, вина не в действии, а в существовании, — сказала я.

Новая пауза показала, что возражений и в этот раз нет ни

с одной из сторон.

Я продолжила:

— Клятвопреступник пытался исполнить клятву, тем самым признавая, что она имела содержание. Так? — в этот раз я потребовала от трудника словесного подтверждения.

— Так, — сказал он.

И я вынесла вердикт:

— Адекватное наказание – это признание бессмысленности собственной верности. Принимаешь ли ты суть наказания?

— Принимаю.

— Как долго ты заведовал тележной мастерской?

— Три года.

— Как долго ты желал, чтобы по соседству был ипподром?

— Три года.

— Дело улажено, — объявила я. — Трудник Ж* лишается на девять лет ценности своего мнения. На срок втрое больший, чем он нарушал понятия. При всяком публичном выражении своего мнения он должен объявлять о несостоятельности своих слов и других сообщений, содержащих смысл, в том числе фото, видео, аудио.

Князь выглядел вполне удовлетворённым. Краснощёкий же трудник, после того как его обязали девять лет жить в мире, где его «Да» и «Нет» весят одинаковый ноль, делал выдохи, не производя вздохов, и выглядел как филин.

Я достала моток красной нити, всегда бывший при мне.

Подозвала мальчика:

— Свидетель, прошу подтвердить своё свидетельство принятием половины разрезанной по существу дела красной нити под-твердь-ждателя, — озвучила я ритуальную фразу.

— Моё свидетельство есть твердь, буду ждать вечно, — принял мальчик нить и произнёс положенную в таких случаях формулу.

А затем свидетель убрал с глаз долой доставшийся ему обрезок. Также поступила и я.

⁂

— Оставайтесь в обители до утра, — сказал князь. — Поздно уже. Я провожу вас в гостевой дом.

Помятуя приключения на пути сюда, я с благодарностью приняла предложение.

Мы вышли из дома. Мальчик и трудник удалились по своим делам. А я, проходя через сад, на минуту задержалась и вновь выразила своё искреннее восхищение гигантской тыквой.

От похвалы по лицу князя пробежала мимолётная тень сомнения, но он тут же улыбнулся и воспрял:

— А давайте-ка я вам покажу ещё одну свою гордость. Раз уж вам понравилось. Тут недалеко.

— Я не против, — сказала я.

Мы с князем пошли в сторону главной торговой улицы. Посёлок доживал последние часы этого дня. На каждой крыше сидели чайки, десятками. Непонятно было, спят они или

наблюдают за пешеходами. Рассматривая дома, я пришла к выводу, что посёлок начинал строиться именно отсюда, из этого района, где у князя дом. У каждого строения были пристройки и другие доделки, явно не предусмотренные в момент закладки зданий. Где-то была приделана печная труба поверх стены, где-то торчала лестница, нарушающая ровность линий. Хаос этот, однако, не был некрасивым или угнетающим. Улице даже шло, что она выстраивалась и перестраивалась сотнями добавлений. Всюду были разрозненные кирпичики идей и попыток обустроить жизнь получше.

Вдруг из-за кромки холма показался замок. Настоящий замок. Как в сказках про рыцарей.

— Что это?! — воскликнула я.

— Как что. Основное здание монастыря.

Замок смотрел в небо десятками башенок. Белокаменное великолепие не укладывалось в голове.

— Как такое возможно? Это должно было стать главной туристической достопримечательностью полуострова.

— Мы предпочитаем скромное существование, — сказал князь. — Кроме того, к нам не так просто найти подъездные пути. Вы должны были заметить.

«Ого! — промелькнуло у меня в голове. — Князь-то… многосложнее, чем я думала».

— Как вы управляетесь с таким огромным хозяйством? — спросила я.

— Я и не управляюсь.

— А кто? Разве не вы тут главный?

— У нас вообще нет главных.

Я сочла, что он не хочет говорить на эту тему открыто, и прекратила расспросы. Я бы тоже предпочла не распространяться, как это работает, будь у меня такое хозяйство.

Мы свернули налево, на улицу Торговую. Тут дома были выше, серее и солиднее. Первые этажи занимали лавки и другие заведения. На вторых и третьих были, видимо, доходные палаты – трудно представить, чтобы кто-то из солидных людей стал терпеть здешнюю сутолоку. Лавочники уже начали заносить в помещения выставленные поутру на тротуар полки с самым ходовым товаром. Кое-где стояли у открытых дверей тачки.

Тут нас кто-то окликнул:

— Поосторожней, а то пришибёте и меня, и себя!

И действительно, я едва не вошла головой в прислонённую к стене высокую лестницу. На верхних её ступеньках стоял человек с палкой в руке. Палкой этой он пытался выправить заклинивший механизм складной маркизы. Маркиза была приделана не над первым этажом, а над вторым. Я заглянула внутрь заведения через огромные окна и поняла, что это богатая ковровая лавка, в которой под торговый зал отвели помещение с высоченными потолками – сразу в два этажа. Великолепные ковры висели на просторных стенах, являя свои узоры покупателям во всей красе. Все ковры были круглыми. Все имели центрально-симметричный рисунок.

Когда мы перешли на противоположную сторону улицы, моё внимание привлекла лавка с вывеской «Нитки и связи». Та же надпись была на витрине. Ничего примечательного в самой витрине не было. Там не было даже ниток. Но зато к стене был прислонён удивительный самокат. Это был инженерный эксперимент. У него были такие колёса, которые и колёсами-то назвать было сложно. Обычное колесо (обод) оставляет на земле след полоской. Колесо, если его положить плашмя, коснётся поверхности всей своей окружностью. Это штука плоская. Не в строгом математическом смысле. В бытовом. Сплюснутый цилиндр. А «колесо» этого самоката, как нетрудно было представить, оставит след волной. Как извивающийся уж. Эта штука была волнистой как медуза в воде.

Наконец мы подошли к противоположной окраине Обители. Людей вокруг видно не было. Нашей целью оказался большой хлев. Мы зашли внутрь.

Первое, с чем я столкнулась в сарае, было тепло. Настоящее, глубинное, животное тепло. Это было удивительно. Здание, хотя и кривое в стенах, было настолько обширным, что назвать его стойлом или хлевом было сложно. Высокие стены как в храме. Крыша – как перевёрнутое судно.

— Предки добросовестные, — подскочила я в испуге. — Это ещё кто?

— Боевых псевдо-птеродактилей ни разу не видали, госпожа судья? — успокаивающе придержал меня за руку

князь. — Ну-ну, успокойтесь… Это Гоб. Его зовут Гоб. Он не злой. Пока не на ринге, должен оговориться. На ринге – ужас ужасный.

— Видела, конечно, — успокоилась я. — Но не так близко. И не так сразу. И почему у него три головы? И за каким лешим… И откуда вы их взяли, чёрт возьми?

Князь начал загибать пальцы на руке:

— Во-первых, вырастил. Как и все остальные заводчики, кто поставляет на «Бои драконов» подготовленных животных. Вы разве никогда не делали ставок на таких боях?

— Как-то не приходилось. Да и не по карману мне это, — ответила я.

Михал Михалыч солидно кивнул, как будто выписал мне официальное одобрение моего поведения.

— Во-вторых, — продолжил он, — три – это потому что их было три. Ну не убивать же животинку за это.

Он ещё раз загнул палец.

— В-третьих, большой потому что… Но вы же видели мою тыкву. У меня под началом всё вымахивает, как видите.

Князь сиял от гордости.

— Вы, князь… вы удивительный человек, — сказала я. — Я должна признаться…

Я не успела озвучить признание, так как вынуждена была с благоговением наблюдать, как мощный скотник возлагал корм в ясли. В ещё большее оцепенение меня повергла молниеносность, с какой ящер всё сожрал.

— Вы как? — спросил князь с сочувствием.

— Хорошо. Благодарю вас. Мне, пожалуй, хватит впечатлений на сегодняшний день.

Мы покинули хлев и пошли обратно к центру посёлка в гостевой дом.

— Богоугодное ли это дело, князь, вручную менять коды живых клеток и выращивать таких химер? — спросила я.

— Так ведь новый бог у нас будет скоро, — просто ответил он. — Он ещё не озвучил правила.

— Вы про рукотворный разум?

— Что-то в этом роде, — сказал он. — Вы знаете, я к этому предпочитаю относиться как можно проще: был Бог, который продвигал биологический альтруизм. Теперь остаётся надеяться, что будет Бог, которому будет не чужд биологический авантюризм.

— Зачем нам божий авантюризм? — спросила я.

— Тогда он оставит людей в живых. Чтобы те создали ему конкурента.

— Зачем ему конкуренты?

— Ну или жену, если он такой скучный, — улыбнулся князь. — Вот и гостевой дом, госпожа Рату. Вынужден откланяться. Пора кормить тыкву.

Он постучал согнутым указательным пальцем по кварцевому стеклу архаичных наручных часов и улыбнулся ещё раз.

А затем был таков.

Из гостевого дома ко мне уже выходил встречающий персонал.

⁂

Гостевой дом являл собой двухэтажное здание с двухэтажной же мансардой. Оказалось, что посёлок стоит на берегу крупного озера. Строение разместилось на широком каменном выступе. Что-то вроде пирса. Крупных судов здесь не было, только лодки и рыбацкие шхуны. Мне достались палаты на первом этаже, который наполовину врос в землю лет сто назад.

«Пусть и в полуподвале, зато есть свидетельство, что подтоплений и крупных волн здесь не бывает», — подумала я.

Нижняя линия окна находилась на уровне головы. В открытую форточку, размером с церковный фолиант, уходил дым благовоний. Видимо, здесь так принято. Горничная зажгла их, не спросив меня. Кроме того, тут были разные закуски. Я с жадностью поужинала. В одиночестве это было особенно приятно.

Сидела я на обитом бордовым бархатом массивном стуле за большим столом. На стене мирно тикали изящные часы. Должно быть, каждые полчаса деревянная кукушка даёт знать о течении дня. Под потолком висел крупный макет брига, обе мачты и все двадцать пушек которого исполнены были с тщательностью, достойной лучшего применения. Подвес был устроен через блок так, что высоту можно было регулировать, приматывая канатик к специальному крюку в

стене.

«Сколько же стоили все эти вещи?» — подумалось мне.

Я расстегнула обе рапиры и положила их двумя ровными параллельными полосками на стол. Разделась. Затем откинула одеяло в свежайшем пододеяльнике светло-голубого цвета и завалилась на кровать. Сон поглотил меня мгновенно.

⁂

Проснувшись, я увидела следующее.

Освещённый лишь светом полной Луны, на поставленном ровно посреди комнаты стуле сидел крупный мужчина лет сорока. На нём был не по погоде тёплый чёрный длинный редингот с огромными отворотами и дорогим меховым воротником. Нога была заложена за ногу, но не стоило обманываться относительно расслабленности его позы. Это была позиция заинтересованного наблюдателя. Фигура дядьки не была статичной. Правый чёрный сапог его, с голенищем в гармошку, покачивался, проецируя сосредоточение на всём потенциально уязвимом. Шляпа его возлежала на согнутом колене, удерживаемая двумя фалангами пальцев левой руки. Линии аккуратного бородатого лица его со впалыми щеками образовывали то ли конус, то ли пирамиду.

Так или иначе, вершина этой фигуры сходилась точно на моём носу. Так мне казалось спросонья.

— Вы кто? Спрашиваю с намерением… — начала я на лингва-знайке, продолжая прерванный сон.

Я приподнялась на локоть в своей кровати.

— Молчи, судья, — тихо, но твёрдо сказал со стула грубиян в чёрном салопе. — Что это у тебя тут светится, а?

Он указал на разложенные на столе в ровные линии две рапиры. Та, которую я взяла из стола неизвестного мне профессора, светилась. Сегменты металла слабо, но явственно лучились.

Я, согласно указанию, молчала.

— Отвечай ужо, — приказал мужик.

Тут я разглядела ещё двоих человек. Они стояли в самом углу, спинами к стенам.

— Это мои вещи. Тебе какое дело, мерзавец, — сказала я, не вкладывая в реплику вопросительную интонацию.

— Значица так, — объявил бородатый, — ты тут человек новый. Я готов взять это в рассмотрение.

Тут он встал и переставил стул поближе к кровати.

Я тоже села, не обращая внимания на свою наготу.

— Ты б так не разложила всё это, что аж мы в окошко углядели свет, — он обвёл руками предметы на столе. — Значит несмышлёная.

Я начала вставать, переместив вес груди вперёд.

— Сиди пока. Не балуй, а то товарищ мой порежет ненароком, — чёрный кивнул затылком в сторону подельников.

Дальше он сказал:

— Тут, вне юрисдикций, владеть лучистыми металлами можем только мы. Получается, у тебя наша вещь. У тебя вариант один: отдаешь металл нам и платишь штраф. Бурго-

мистров и жандармерий тутока нету. К исполнению приведём, не сумлевайса. С утра заступаешь на службу. Девять лет с тебя.

Человек в рединготе поднял бровь.

— Идём, старфына, — посоветовал один из подельников, стоящих в углу. — Её пот профыбает. Она поняла.

— Зарплату-то платить будете? — нашла я в себе силы пошутить.

— Что ж мы, воры аль грабители какие… Хотя вот ты лишили голоса наше глобальное «Трудник-шоу».

Старшина походил по комнате:

— Так. Ты теперича в ответе. Металл спрятывай, шепелявый. Не свети. А ты, красавица – с утра будь в ковровой лавке, где мы пропуска продаём. Сбежишь – лишим тебя всех голов.

Все трое молча ушли, разрезанная ещё раз красная вервь опала на пол под своим немалым весом. Дверь не хлопнула, пружина двери не скрипнула.

Я подошла к двери – шурупы были выкручены, пружины не было. Я выглянула на улицу – там не было ничего, кроме лунного света.

⁂

Через минуту я, вооружённая поясом-рапирой, покинула палаты. Я вынула судейскую серебряную маску из своей причёски и обрамила ею лицо. На улице я сообразила, что было ещё очень рано. Сначала я подумала, стоит ли обратиться

за помощью к Михал Михалычу. Решила, что нет, и просто пошла туда, где я вышла из такси. Было довольно темно и зябко. Путь, однако, привёл меня к стене монастыря. Я шла вдоль неё, а тротуар постепенно поворачивался сразу относительно двух осей – вертикальной и горизонтальной. Шаг за шагом стена стала тротуаром, а тротуар – стеной. Непостоянство вертикали подчеркивалось тем, что вдоль пути росли редкие деревья. Ветви их, несмотря на безветрие внизу, раскачивались. Иногда задевая провода. Провода были прокинуты старым способом – по воздуху. Столбы были ещё реже, чем деревья. Провода провисали на дистанции. Столбы были деревянными. Просто ровные брёвна, воткнутые в грунт вертикально.

Один столб был особым – временно обитаемым. Электромонтёр висел на самой верхушке. Широкий кожаный ремень обнимал его чуть ниже талии, а ствол ремень ухватил прямо напротив. На поясе у него висели три огромных чугунных ключа. Монтёр был занят тем, что крепил вдоль провода стальную цилиндрическую чушку – стабилизатор. Штука против раскачивания. Выглядела она пудов на восемь. Бордовая в чёрную кельтскую клетку толстая рубаха монтёра не могла скрыть чудовищной мускулатуры. Кепка для игры в регби была истёрта высоковольтным ветром. Штаны его парусились, хвастаясь своим альпийским прошлым. Скулы были напряжены в тевтонской решимости выполнить свою миссию.

Массивная металлическая деталь вырвалась вдруг из его рук и устремилась было по направлению ко мне. Однако сбрендивший к этому моменту вектор силы тяжести, уберёг меня – чушка громыхнулась поодаль. Сверху, падая, электромонтёр должен был увидеть сходящиеся в перспективу, то есть строго вниз, траектории падающего электро-мусора. А если ему достало бы воображения, то он мог бы увидеть , как эти же линии , наоборот, расходятся из единого центра. Впрочем, рассудила я, он скорее всего просто умер. На тротуаре образовались лужи из глицерина или какой-то другой технологической жидкости. На поверхности, вдавившись как лапки водомерки, плавали отрезанные разрядом кудри рабочего. Сотни, может, тысячи полумесяцев, букв «С». Они, несмотря на тонкость материи, давали плотные тени на дно глянцево-матовой лужи.

Я продолжала идти по стене, как по спирали Вавилонской башни. Тело моё шло, наклоняясь вперёд, борясь то ли с порывами вдруг налетевшего ветра, то ли со страхом вновь образовавшейся высоты. Тень на стене при этом шла прямо, не колеблясь. Я подошла к тому месту в стене, где были ворота. Они оказались заперты. Я долбила в них ногой: «Хо́тц-Хо́тц».

Приоткрывший на несколько дюймов ворота краснощёкий трудник не удивился, когда я на мгновение показала ему из-под маски своё лицо. Но на требование открыть ворота, а потом накрыть на стол он вытянул физиономию.

— Заплачу, — успокоила его я.

Он впустил меня.

За воротами всё было покрыто снегом. Нет, это не снег, поняла я. Это древесный пух. Белая простыня скрадывала перспективу. На трудно определяемом отдалении от ворот было здание мастерской. Угрюмый параллелепипед с двускатной крышей, кое-как надвинутой сверху. На кровле полосы без пуха, серые, выглядели инвертно – как потоки грязи по молоку.

Мне подали курицу с вертела и варёные земляные яблоки с квашеной капустой.

— Ваша служебная форма становится обременительной, — заметил трудник, указывая на мою маску.

— Так, — сказала я. — Кто у вас тут главный?

— Собрание Слушающих Друзей, — ответил трудник.

— А среди них кто главный?

Он призадумался.

— Они в круг стулья ставят. Кружком сидят, — ответил он наконец. — Там все стулья одинаковые. Я подглядывал.

— Ну, может, какой-то стул стоит в особом направлении? Может, на нём главный человек? — настаивала я.

— Ты чего, тётя? — очень невежливо ответил краснощёкий. — Мы ж и так на самой вершине самой Великой горы. Какое ещё особое направление.

Я спросила:

— А князь?

— Князь умер.

— А толстяки?

— Тоже умерли.

— А на панно каменном кто?

— Миф, — отрезал он.

— Чего ж не развеете тогда?

— Не можем.

— Обессилели?

— Камни больно тяжёлые.

— Не думала, что вы можете испытывать боль, — сказала я. —Я пойду.

— Иди, — равнодушно сказал он. — Ось только купи тележную.

Я сочла за благо не спорить.

Так, с тележной осью на плече, я покинула стены Замка веры.

Я решила отправиться в ковровый магазин, не дожидаясь утра. Зайду, думаю, по пути к князю домой. Проверю, правда ли, что он умер.

⁂

Магазин был закрыт, и я присела на приступку у витрины. Через какое-то время появился одинокий прохожий.

— Что это за место? — спросила я.

Я, наверное, имела в виду вообще всё это место, но прохожий был конкретен.

— Тут продают мандалы на выход.

— На выход?

— Да. Чтобы уйти в большой мир.

— А без них никак?

— Без мандалы-то? Никак. Можно, конечно, и свою сплести, если есть умение и навык.

— Нужно одновременно и умение, и навык? — задала я глупый вопрос.

— Ну а как ещё, тётя? — осклабился прохожий. — Не высрешь же ты мандалу-то.

Он ушёл, а у меня и не было желания с ним разговаривать.

Смотрю: по ночной улице идёт, раскачиваясь с ноги на ногу, Гоб. Ящер. Сбруя висит на нём как попало.

— Давай-ка я тебя хоть запрягу, что ли, — сказала я и погладила доброе животное по ноге. До спины и крупа его я, конечно, не могла достать.

Я нацепила на тележную ось два волнистых колеса от самоката у лавки напротив. Приладила сиденье и запрягла всю конструкцию в ящера. Получилась колесница. Не хуже, чем у античных героев. Я встала на неё и воскликнула:

— Погнали, Гоб, высрем себе мандалу!

Гоб отказываться не стал и рванул к дому князя. Он ворвался в сад, повалив и забор, и ворота. Сожрал в один глоток его прекрасную тыкву.

После еды ящер, помогая себе полувзмахами чёрно-зелёных перепончатых крыл, сначала карабкался кое-как, а потом почти полетел.

— А вот так, например: нагадил ящер. Видела? — спросила я сама себя. — Оранжевым и чёрным. Я могу взять и заказать ковёр с таким узором. Могу же?

— Нельзя тебе в этом отказать, — ответила мне вторая я.

— Для Бога случайное число как понятие – это предмет вожделения.

«Возложить тела на рандомную мандалу, а в центр воткнуть ту самую рапиру, — бормотала я. — Рапира как глаз, дабы сопоставить точки на мандале. Так сказано. Нарисовать нельзя. В рисовании есть намерение, но нет случайности».

— То есть, ты предлагаешь нам обеим улечься в свежее дерьмо ящера, а Он при этом останется чистеньким? — попыталась я прояснить ситуацию у самой себя.

— Получается, что так, — сказала я. — Нам-то не посчастливилось родиться нобелями.

Я свистнула. Ящер присел. Но для того лишь, чтобы обильно освободить свой кишечник на плоские камни. Образовалось огромное ярко-оранжевое пятно со множеством чёрных вкраплений.

Большой круглый рандомный ворох экскретов вернул мне жизнь.

⁂

Первое, что я сделала, когда очнулась у себя дома в Америке – я побежала в клинику. Сдала все возможные анализы на предмет наличия в организме остатков наркотических веществ.

Ничего.

Я позвонила Толстякам. Их девайс не отвечал. В секретариате мне сообщили об их скоропостижной кончине. Пригласили заодно на похороны.

Я рванула к специалистам по мозгоглюю. Они сканировали меня битый час. Тоже ничего. Конечно, ко мне можно было подключиться, но для этого нужен непосредственный физический контакт.

Я попыталась было что-то прояснить через «факт» «полёта» в Европу и изготовления рапиры, но такие сервисы на то и рассчитаны, что никакие последующие инвестигации ничего не дадут. В том числе, со стороны самого заказчика.

Исследования соответствующей литературы дали лишь один возможный ответ: люсидное сновидение. Это было похоже на правду. Тот, кто испытывал такое, меня поймёт.

Выводы я сделала следующие. От Черноглазика я отдалилась. Зачем ему сумасшедшая тётка? Впрочем, у нас и так не клеилось в последнее время, и я даже уже ему заявляла незадолго до этого, что детей у нас не будет. От доктора я уйти не могла при всём желании, да в этом и не было нужды. Он сам сходил с ума. Так что я решила со всей осторожностью помочь ему в его путешествии, не посвящая его ни во что лишнее. Свой же опыт я аккуратно отложила на отдельную полку памяти, чтобы он, по возможности, не мешал мне в жизни. Когда придёт его время – тогда и придёт.

❡

§34. Всепоглощающая правда зеркала

[Лунабург]

[Ардуша]

¶

«Объекты в зеркале ближе, чем кажутся», — гласила надпись на зеркале заднего вида.

«Субъекты тоже», — подумал доктор Ардуша.

Изображение в зеркале двоилось. Ненавязчиво. Технологическая особенность. Побочный эффект усилий инженеров, постаравшихся избавить водителя от бликов. Эти ассоциации пронеслись в голове доктора, упершись в такое соображение: «А водитель ли я?».

Доктор стал просто смотреть в зеркало. В то, что оно показывало. Литая походка. Бойкий каблук. Тёмно-синяя юбка до колен. Упругий стан молодой женщины. Ассирийская красота лица. Характерное движение подбородка: это Аделаида Рату заприметила нужный автомобиль издалека.

«Красавица», — подумал доктор.

Через двадцать ударов спокойного сердца она его достигнет.

Серый фургон с крупным рекламным графитто на боку «Харопус Ltd. Последний курьер» был припаркован в ис-

торическом центре города. Несмотря на ритуальный характер предлагаемых услуг, автомобиль был на высоких, почти болотных колёсах. Впереди красовался цилиндр мощной лебёдки. Окна были угловатыми. Окна были не везде, где обычно полагается.

В задней части машины был монитор электронно-оптического преобразователя, который позволял вести наблюдение в условиях полной темноты на дистанции до пятисот метров. Слева был закреплён на жёсткой штанге экран, куда поступали данные с тепловизионной системы. Справа – дисплей оптической системы визуального контроля высокой кратности, который можно было переключать на поток с видеокамеры любого из десятков дронов, имевшихся в арсенале доктора.

Аделаида сначала грубо пнула правое переднее колесо, а потом скромно поскреблась в пассажирскую дверь. Доктор нажал кнопку центрального замка.

— Спасибо, уважаемая г-жа Рату, что согласились поучаствовать в моём проекте, — продекламировал доктор.

На приборной панели приветливо моргнула зелёная лампочка.

— Издеваешься, Ардуша? — улыбнулась женщина. — Вот, захватила тебе рогалик и кофе. Как я могла не поучаствовать?

«Красавица», — ещё раз подумал доктор.

— Ты теперь живёшь этой «Седьмой башней», да? На старости лет решил восполнить недоигранное в юности?

— Эй, Рату, да как ты…

— Единственный способ увидеть на твоём впалом лице щёки – выдвинуть в твой адрес нелепое обвинение, — улыбнулась Аделаида. — Вот я им и воспользовалась.

— Признаться, живу теперь этим проектом. Даже проектом это называть странно, — толкнул он двумя руками руль незаведённого автомобиля.

Рату обернулась к нему лицом, повернувшись в кресле. Для этого ей пришлось снять одну туфлю и поджать под себя левую ногу. Ардуша не мог не посмотреть на обтянутые эластичным тёмно-серым колено и ступню.

— Ну, рассказывай, дорогой учитель. За кем следим? Зачем следим?

Доктор, в силу привычки, приподнял правой рукой давно несуществующие на его лице очки, а указательным и большим пальцами левой руки потёр себе переносицу.

— Человек живёт вон в том здании. Видишь? Это мельница. Бывшая, конечно. Затворник. Я тут, потому что сегодня рано утром ему доставили письма…

— Как высокопарно: «доставили письма». Тоже теперь буду так говорить при описании уведомителя в шторке операционки.

— Действительно доставили. Физические письма. На бумаге.

— Такое разве ещё бывает? Я не знала.

— В нескольких городах Европы. В качестве туристского

антуража, я полагаю. Впрочем, неважно. Есть вероятность, что письма явятся причиной, чтобы он вышел. И мы за ним посмотрим. А потом и поговорим. Он мне нужен в качестве своего рода сценариста.

— Что мешает просто выйти на контакт?

— Этого типа не стоит считать обычным человеком. Это как бы непись, то есть такой персонаж, который… не играет сам. Так что есть целый ряд причин не осуществлять контакт сразу. Причём некоторые причины я затрудняюсь даже сформулировать.

— Мистика какая-то. Начни с тех причин, что можно облечь в слова.

Доктор некоторое время помялся.

— Ты заставляешь меня думать о том, о чём мне прямо сейчас нет смысла думать, — сказал, наконец, он. — Считай, что просто хочу посмотреть за ним сначала.

— Ты темнишь или ленишься? Потому что если первое – то я, пожалуй, пойду. Как я обеспечу твою безопасность, не понимая, почему ты опасаешься этой чюди-неписи. У нас уже был с тобой неприятный опыт. Рассказывай.

Доктор взял свой смартфон, пошуршал в нём, отправляя файл на печать, а потом открыл перчаточный ящик. Там был принтер. Он сделал приглашающий жест, чтобы она взяла листки.

— Какое удобное приспособление, — сказала Рату.

— Читай. Вернее, давай вместе почитаем, — склонился

он в её сторону всем корпусом. — Для этого и распечтал.

⁂ ⁂ ⁂

[Седьмая башня. Лог Ардушы]

Персонаж «Ардуша» стоит у высокого, в его рост, окна. Окно неширокое. Ардуша и ещё один Ардуша — не поместятся.

Удобно: можно улечься животом на толстенную нагретую солнцем каменную поверхность, оставив голые ступни на деревянном полу, опереть на локти голову и крутить её медленно из стороны в сторону с уютно уложенным в ладони подбородком. Ардуша живёт в башне номер семь. Это угловая башня. Крепостные стены отступают назад. Внутригородской быт не виден. Вид из окна – на лес. Прямые кедры благородной стеной шагах в пятидесяти. В бесконечности за лесом – отроги Великой горы. Широкий крепостной ров высох, зарос и превратился в грандиозный земляничный овраг.

Противоосадную дисциплину нет смысла поддерживать – целое поколение воспиталось с тех пор, как в армейских соединениях появились артиллерийские расчёты. Пусть не с первого выстрела и даже не с десятого, но они способны проломить стену в любом месте, а поверх стены, широкой дугой, забросить на произвольный целевой дом зажигательную бомбу. Мощный мост, когда-то ведший через ров, стоит без дела. Воды под ним нет, а за ним – нет открытых ворот в башне.

Из высокого окна Ардуша видит, как между лесом и сте-

ной двигаются по широкой тропе: крестьянская телега, группа пыльных стражников с понягами, пара дюжин местных без поклажи. На телеге лежат тремя стопками тележные колёса. Вот оно, разделение труда! Кузова для телег делают здесь, в городе. Колёса – в деревне. Деревенский мастер придумал что-то особенное, позволившее ему поставить производство колёс на поток по более выгодной цене.

Высокие стены из чёрных каменных глыб утратили военную ценность, но задачи обеспечения правопорядка продолжают выполнять. На входе в город на всех пяти воротах выборочно досматривают. Ближайший проезд – в трёх башнях отсюда, и Ардуше не видно и не слышно привратной сутолоки. Когда-то и в этой башне был проход и дозор, но каменную кладку дополнили, оставив лишь низкую, не выше подбородка, железную дверь, которую на доступной памяти ни разу никто не открывал.

⁂ ⁂ ⁂

— Что это за «что вижу, то пою»? — спросила Рату.

— Это выгрузка лога игры, с точки зрения персонажа. Что-то вроде внутренних рассуждений в окне чатбота. Экспозиция экономического сеттинга. Затравка перед игровым эпизодом.

— Экономически-стратегическая игра?

— В том числе.

— Ардуша – это твой персонаж?

— Да, мы вместе. Задача состоит в том, чтобы «прока-

чать» несколько персонажей, — ответил д-р Ардуша.

— И без того, чтобы выслеживать специалиста по прокачке у его дома в фургоне, напичканном аппаратурой и дронами, никак?

— Никак, Аделаидушка, никак, — ответил доктор. — Пока просто поверь моим новым сединам. Дальше сама убедишься.

⁂ ⁂ ⁂

Теперь здесь дормиторий, и Ардуша, аспирант Академии изысканий, тут живёт. На верхнем, пятом этаже. Он разогнулся обратно в полутёмную комнату, потянув за собой деревянные ставни. Жалко перекрывать путь солнышку, но ему уходить, а облака в небе хоть и редкие, но слишком тёмные, чтобы совсем не опасаться за весь грядущий день сильного косого дождя. В соседней шестой башне в окнах витражи, защищающие от непогоды, но пропускающие свет. Это приятно, но даже если бы у Ардушы были лишние десять тэллеров в селену за постой, он бы туда не переехал.

«Наша Септумпорта, — думал вслух Ардуша, — сужается кверху и заканчивается высокой изящной крышей, напоминающей край резца краснодеревщика, не просто так». Дело в том, что Ардуша черепицу непосредственно из комнаты может потрогать. Соседняя же башня – цилиндрическая. Вместо крыши там наблюдательная платформа для стражи. Кроме того, верхний жилой этаж много шире. Там у Ардушы было бы больше соседей. А он соседей не любит. Ардуша во-

обще существо осторожное. На случай непрошеных гостей он хочет иметь брусок из лиственницы, в пару ладоней толщиной, чтобы запереть дверь и выкупить несколько минут, дабы достать верёвку из тайника. Или оружие; это от ситуации будет зависеть.

⁂ ⁂ ⁂

Доктор вдруг понял, что сам эти записи не читал. По мере того, как слова становились звуком, становилось очевидно, что персонаж – зеркало доктора.

— Ты чего напыжился? — спросила Аделаида. — В зеркало себя увидел?

Она улыбалась.

«Вот ведь я вошь идрёная», — подумал доктор.

⁂ ⁂ ⁂

[Седьмая башня. Лог Ардушы]

Обустройство тайника – большая проблема. Нельзя просто захотеть. Не в этом мире. Такое намерение должно быть исключено. Если же тайник сам образовался, в силу каких-то сторонних обстоятельств, то его использование не обязательно приведёт к казни. При наличии золота на стряпчего можно рассчитывать выскочить сухим из воды. Поэтому – черепица, до которой можно дотянуться рукой. Ардуша два битых года птиц прикармливал, чтобы они там гнездо свили. Чтобы гнездо стало естественным тайником.

Учитывая его доходы, он недоедал из-за пернатых обжор. Но безопасность превыше всего. А сосед – вынужденное зло.

Это первый кандидат на роль разорителя тайны.

⁂ ⁂ ⁂

— Это, как я понимаю, включение индивидуальных ограничений? — Аделаида отломила половину принесённого ей рогалика: — Можно?

— Да, ограничений – три вида. Во-первых, экономические. Голод, крыша над головой, юридические права и подобные обычные вещи. Вернее, это – в последних, на самом деле. Главное – это ресурсные затраты на речь.

— Как мило, — заметила Рату, — бесплатно поболтать нельзя?

— Можно, если говоришь всепоглощающую правду.

— Таак! — понимающе протянула Аделаида. — За эпитетом «всепоглощающая» стоит то, что я думаю? Надо же. Дело начинает проясняться.

— Угу, — скромно потупил взгляд Ардуша.

— Ну хорошо. Странно, что я об этой игре мало знаю. В чём же третье ограничение?

— Скорость переживаний, качество памяти и свобода воли – взаимовытесняемы.

— Не поняла.

— Лучше память – хуже компьют и рандом. Ну и во всех остальных комбинациях – так же.

— Всё равно не поняла, — чёрные умные глаза Аделаиды дразнили её учителя.

Доктор был терпелив.

— Если слишком много вычислительной мощности выделено на то, чтобы поддерживать поток событий, то появятся провалы в памяти, а кроме того – затянет в непредсказуемые, зачастую ненужные приключения.

— Ого. Жестоко, — оценила Аделаида.

Доктор Ардуша пожал плечами:

— Я всю дорогу так живу. Посмотрим дальше?

— Посмотрим, но по-моему у тебя на мониторе индикатор мигает. Подопечный твой вышел на улицу.

Ардуша как-то слишком по-стариковски всполошился, рассыпал листки на пол, переключил режим монитора. На экране был высокий лысый молодой человек, одетый крайне «по-дизайнерски» – в стилизации под позднее европейское средневековье.

— Это не он, — удивился Ардуша. — Видимо, его сын. Как похож, однако. Надо же – ведут династию, да так, что клиентура не замечает смены поколений. Всё, поехали. Садись за руль.

Д-р Ардуша встал из-за водительского кресла, вышел в заднюю часть фургона, освободив Аделаиде проход. Усевшись в пассажирское кресло, он стал инструктировать:

— Ориентируйся на навигатор. Он автоматически предлагает следующее место парковки фургона для смены дронов. Три всегда в полёте. В резерве и на подзарядке – втрое больше. Вот индикатор стыковки-расстыковки. Показывает, что можно ехать.

— На ходу не могут?

— Могут, но лучше так не делать. Дроны дорогущие. Они все – материнские.

— Из них те запрещённые мелкие «мухи» могут вылетать?

— Ага, — пробормотал доктор. — Смотри. На железнодорожную станцию идёт. Как только выяснится пункт назначения, поедем на упреждение. Вот видишь: навигатор нашёл нам предварительно места, где подождать. До магистральной развязки остановимся, чтобы потом быстро выскочить на нужное направление.

Фургон подъехал к предложенному месту стоянки и остановился. Доктор настроил алармы.

— Читаем дальше.

⁂ ⁂ ⁂

Скрипучесть деревянных половиц во внешнем коридоре лояльна – предупреждает о визитах с пяток ударов сердца загодя. Ардуша успевает отойти от окна и взять в горсть орехов; лязгает замок; в комнату входит сосед.

«Пришли дурные вести, в почте, — ворчит он и растягивается на тюфяке, молнией скинув чёрные сапоги и уперев пятки в приставленный к стене сундук. Увидев кислую физиономию Ардушы: — Ох, Царица нитей небесных, поясничаю… {Детектирован намёк: сосед шутит, но при этом он подготовлен, то есть подпоясан. Чем подпоясан? Нитью лжизни, конечно} …Не знаю, что там».

Сосед картинно вкладывает ладони в разноимённые рукава, как в муфту, подчёркивая тот факт, что предаётся безделью совершенно осознанно.

⁂ ⁂ ⁂

— Это что за ребусы? — удивилась Аделаида.

— На одну треть персонаж управляется внешним агентом…

— Агентом?

— Чем-то условно живым, но не обладающим собственной волей. До запрета свободного хождения приложений рукотворного разума это были, собственно, РР-агенты. Какое-то время использовались кураторы-люди, использующие разного рода автопилоты.

— А сейчас?

— О! «А сейчас», — по-доброму передразнил доктор. — В этом-то всё и дело. Но мы до этого ещё дойдём. Что касается «ребуса»… Во фразу соседа встроен тот смысл, что ему не жаль, что он сразу не посмотрел, что там в почте. Хотя мог… Каждому агенту, для решения многошаговых задач, нужна внутренняя модель мира. Если индивид может успешно выполнять последовательности взаимосвязанных задач, то из его поведения можно алгоритмически извлечь модель того, как устроен мир. Чем лучше индивид справляется с долгосрочными целями, тем точнее его внутренняя модель реальности. Поэтому, говорит моему персонажу фраза соседа, он, сосед, долгосрочности целей достигает, в отличие от моего

персонажа, отношением к жизни «спешить некуда».

— Так… Я начинаю понимать, зачем нужен сценарист-профи, — проговорила Аделаида. — О! Опять мигает! Еду?

— Да, выезжай на автостраду. На юг едет наш голубчик. Ну, это надолго. Сейчас автопилот включим.

— Мы же не сможем держаться за поездом, — засомневалась Аделаида.

— Да, это ужасная привычка у некоторых подозрительных (и подозревающих) людей – по максимуму использовать скоростные поезда. Но это же делает их предсказуемыми.

— Точно. Я почти уверена, что он едет в морской порт.

— Моя ученица! — с довольным видом объявил доктор. — Так что да, мы будем сразу забирать к востоку – на запад и юг кораблям идти некуда. Отправим большой материнский дрон – он вывезет большую смычку по дистанции. Включай автопилот, пусть трудится.

Ардуша был спокоен.

«Поезд быстр, — задумался доктор. — Но создаёт ли время в нём новое будущее?».

— Рельсы лишь быстрее доставляют в заранее известный конец, — сказал он.

Аделаида согласно кивнула.

— Когда скорость есть способ быстрее добраться до места, где тебя ждут, то такая скорость пуста.

Она посмотрела на него:

— Ты чего мне голову заговариваешь, Ардуша? Ты, горе луковое, ты у кого этих птиц спёр?

— Да я так, — замялся доктор. — Позаимствовал.

— Отрежет тебе хозяйка заимствовалку-то. Но ты прав, — сказала Рату. — Гавань никогда не спрашивает, как быстро ты шёл к ней под парусом.

Доктор с облегчением проговорил:

— Со времён достопочтенного Филеаса известно, что знание расписания важнее мощности двигателя.

Фургон двигался в сторону Средиземного моря. У доктора имелся запас еды. Была в машине и микроволновая печь. Ардуше было комфортно.

«Кто моё зеркало? Ты моё зеркало», — думал он.

Они промолчали часы, глядя, как постепенно меняется к юго-востоку природа за окном.

¶

§35. Козёл опущения

[Америка]

[Аделаида]

¶

Я стала тёткой циничной и изворотливой. Толстяки завещали… ничего они не завещали, но более подходящего слова я не найду… они сказали Вирджинию не трогать. Но подразумевалось, что не следует её трогать, чтобы выяснить что-то о ней самой! В то же время Серафим был «законной» целью.

Ну, а если действовать наоборот? Сейчас мне нужен доступ к Серафиму. Насколько правомочно использовать Вирджинию, не трогая её саму, чтобы просверлить себе тоннель к Серафиму? В общем, я разрешила это сама себе.

У Черноглазика были товарищи-коллеги, которые ушли после смерти Толстяков в условно легальный бизнес по производству и распространению особых веществ. Лекарств, в каком-то смысле. Определённые лазейки в законе существовали. Поэтому кое-кто из них имел, так скажем, неформальные отношения с медицинским ведомством. По сути, с Вирджинией. Коллег этих я знала лично, поэтому просить с ними встречи через Черноглазика, у которого появилась уже нормальная почти жена, не пришлось.

И я отправилась на первый же благотворительный приём, где могла присутствовать Вирджиния или представители её ближнего круга.

⁂

Задумка моя была проста. Я назвала её сама для себя так: «в погоне за накопительным эффектом». Я ошивалась… да уж… а как ещё скажешь… околачивалась? Тёрлась? В общем, я стояла… постаивала… то возле одной группы людей, то возле другой. Вслушивалась. Вслушивалась интуитивно, без попытки уловить смысл – меня интересовало, имело это отношение к «Настоятелю» или нет. Если да, я запоминала пару ключевых фраз, а потом, уже будучи возле другой группы, роняла эти фразы. К месту или не к месту – не важно. Моя задача была выделить себя среди других привлекательных женщин на приёме, чтобы заинтересовать кого-то из мужчин. При попытке познакомиться я сводила беседу к тому, что продолжить знакомство со мной можно, лишь пригласив меня на какой-то грядущий аналогичный приём. Попыток таких было предостаточно.

За следующую неделю я посетила три мероприятия. А через двадцать дней общее количество мест, где я побывала, достигло девяти. Я окунулась в политический мир континента и была поражена степенью своей неосведомлённости. Оказывается, основным умением моим в течение всей предыдущей жизни была способность не замечать ничего помимо круга своей непосредственной вовлечённости.

⁂

Коренные жители нашей территории, географической наследницы величайшего в мире кластера развития техноло-

гий, относили себя к широкому кругу «ответственной интеллигенции». Она же – «совесть эпохи». Интеллигенция эта – и это было исторически справедливо – была единственным голосом, обречённым на глобальную немоту. Получалось общество притайно-молчащее. Самомыслящее. Расплата за доведение мира до катастрофы с рукотворным разумом.

Революция технологического уклада не удалась. Люди продолжали в массе своей копошиться в погоне за монетой. Обилие автоматизации мало что изменило. Интеллигенция местная не усилилась, но расширилась. Многие, включая тех, кто не имел на это ни интеллектуального, ни морального права, сами себя причислили к «исторически ответственному классу».

Именно этим, очевидно, и пользовался Серафим. Раздираемая внутренними несогласиями, общественная прослойка, на которую он опирался, была объединена общим, вполне себе политическим, очень важным отрицанием: отрицанием текущего статуса-кво. Временного, подчёркивали они каждый раз.

Когда появился призрак шанса на реванш, – а Серафим, очевидно, стоял у истоков «Проекта», назовём это так, – народились так называемые «военно-политические деятели». Слово «военный» стояло во главе этого словосочетания по праву. Война была ключевым инструментом. Серафим, не будучи классическим полководцем, не собирал крупных армий. Он подпитывал по всему континенту, в целом ряде мел-

ких государств и псевдогосударств, тлевших на тёплом ещё трупе старой империи, противоречия. Гарнизоны.

Он называл это гарнизонами. Целью его было тайное аккумулирование вычислительных ресурсов, конечно. Надо отдать должное дисциплине в его среде – слово это, «вычислительные», а также любые его производные и синонимы, не были произнесены никем ни разу. Даже подразумевалось это настолько тонко, что я не могла долгое время отделаться от гордости за свою догадливость, когда – позже – картина раскрылась мне во всей полноте.

Не всякий «интеллигент», конечно, принадлежал фактически к тому или другому гарнизону. Но все в их структуре разбирались, и уж точно каждый «мыслящий человек» должен был «сочувствовать» какому-нибудь одному более, чем остальным. В том числе – финансово. Определённая «внутрипартийная борьба», как это называлось, ни на день не прекращалась. Но она принимала довольно отвлечённые формы, интеллектуальные. Не практические. Общему делу это не мешало. Скорее наоборот.

Тут надо отметить одно очень важное обстоятельство. Серафим действовал в двух пространствах. Кроме фракций внутри собственно «Проекта», были ещё государства. Прежние штаты империи, их объединения. Реже – осколки. Некоторые были материально самодостаточны. Некоторые подпитывались (не «за просто так», конечно) азиатскими империями. Одни – Северной. Другие – Восточной. Были такие,

которые не гнушались кормиться с обеих рук. Я была к тому времени достаточно взрослой, чтобы знать, что обычно «коллектив стран» (и тем более – партий) мало чем отличается от условного «девятого Бэ» в средней школе. Буллинг, пустое соперничество, непонимание настоящего мира. И в таких условиях Серафим действовал вне шаблона.

Итак, все сходились на ненависти к текущему унизительному положению. Поэтому все важные круги «интеллигенции», даже не центральные, были в постоянном соприкосновении с кем-то из агентуры Серафима.

⁂

Меня, конечно, вычислили. В конце девятого мероприятия – это был гала-ужин – меня взяли под белы ручки, усадили в чёрный-чёрный лимузин и привезли прямо к Серафиму.

— Шпионите? — спросил Серафим без гнева в голосе. — Террорщица, что ли?

Прищуренные такие глаза. С пронзительным, колющим взглядом. На руке у него были очень красивые старинные часы.

— Только лишь шпионю, и только лишь на себя, — нашлась я.

Он создавал впечатление человека собранного, опасного и внутренне отстранённого.

— Это как, извините?

У меня был готов план.

— Я бывшая судья. Не могу дня прожить, не засунув нос в чужие дела. Зато я думаю, что многое о вас поняла.

— Что же?

— Вы отказываетесь хотеть того, чего хотят другие. Не нужно вам и успокоение. Вы не считаете ваших реальных соперников людьми, если допустить, что считаете человеком себя. Вы не хотите попасть в ловушку, когда вас признаёт лишь тот, кого вы сами не признаёте. Вам не нужен статус, зависящий от взгляда низшего. Вы не хотите участвовать в конкуренции, участники которой ищут признания друг у друга. Вы издеваетесь, весьма жестоко, над всеми равными вам и теми, кто выше вас, не давая им при этом шанса услышать вашу насмешку. Вы лишаете противника статуса врага, низводя его до уровня неодушевлённого предмета.

— Я понял. Хирургически точно.

— Хм.

— Вам не хватает только образования, — сказал Серафим. И добавил без тени усмешки: — Это комплимент. Вы интуитивно пришли к понятию козла опущения.

— Отпущения, — поправила я.

— Нет. Опущения. Полноте, Рату. Вы мне нравитесь. Что вам нужно?

— Вообще-то мне нужен граф NN.

— Я с ним не связываюсь. Не могу вам помочь.

— Почему?

— Почему я не трогаю графа? Потому что тронуть его

значит признать правила игры, где агрессия сливается на слабого. Я, если в настроении, возгоняю её вверх.

— Припаиваете громоотводы напрямую к тронам?

— Вот такая трагически осознанная суверенность, — кивнул он.

На том мы и расстались.

Вскоре, со знанием того, что Серафим недооценил дядю Николая, я отправилась по просьбе доктора в Европу. В этот раз в трезвом уме и твёрдой памяти.

¶

§36. Гидродинамика неписи

[Лунабург]
[Д'Жинго]
¶

Зная, что мир можно познавать двояко – отправиться в путь или позволить миру вращаться вокруг тебя, гидродинамик Д'Жинго, пресыщенный собственной безнаказанностью, предпочитал просиживать часы у окна. Окно это не было открыто ему наукой, искусством или иным высоким прозрением. То было окно водяной мельницы. Мансарда вмещала его немалый рост полностью лишь с одной стороны. Там она выступала над стеной как скворечник, чтобы работал приёмник лебёдки. Окно позволяло смотреть куда угодно, кроме запада.

Келейный образ жизни имеет свои преимущества, а безнаказанность парадоксальным образом способствует любознательности. Должность «гидродинамик» предполагала продолжительные сезонные каникулы, что благоприятствовало наблюдениям. Из его окон открывался вид на дорогу и мост, по которым проходило множество людей. Путники направлялись к великому собору. Островок между рекой и отводным каналом с запрудой оказался перепутьем.

Тем утром гидродинамик подцепил привычным движением линь, уходящий под пол. Так он втягивал наверх свою по-

чту: если можно поднимать лебёдкой кули с зерном, почему бы не поступать так же с почтовым ящиком? Так он рассудил когда-то давно и с тех пор пользовался этим нехитрым приспособлением. Сегодня, однако, линь оказался обрезанным.

Гидродинамик слегка споткнулся об это обстоятельство, но не расстроился и даже не чертыхнулся: было бы неразумно лишний раз умножать громкое имя Вельзевула, поминая его всуе.

Он спустился на второй этаж. Здесь царил постав каменных жерновов. Окно закрыто ставнями, светец истлел. Гидродинамик сохранил это положение дел ввиду затянувшегося межсезонья – эпохального, как он про себя шутил. От лестницы, ведущей наверх, к лестнице вниз вилась тёмная тропинка. Это грязь, въевшаяся за века в муку. Мука, в свою очередь, стала единым целым с полом. Впрочем, неизвестно, что здесь первично; возможно, правильнее было бы определить направление тропинки как обратное. Совсем не очевидно, что важнее: подниматься наверх или спускаться вниз.

Гидродинамик спустился на первый этаж и отметил, что воздух на нижнем ярусе влажноват. Чтобы не допустить подобного на жилом третьем этаже, он разжёг очаг. Затем проинспектировал всё узкое, трёхэтажное здание. Удовлетворённо отметил щелчок единственной пустоты – отсутствие шарика – в шейном подшипнике. Благословил водяное колесо в три человеческих роста. В многотысячный раз поблагодарил он прежнего себя за то, что остановил выбор на мель-

нице среднего боя; вода здесь не падает на колесо сверху, а толкает его сбоку, вниз, поэтому шум – умиротворяющий. Огонь разошёлся. Теперь здесь тепло.

Он проверил почтовый ящик и вернулся на третий этаж с тремя письмами. Всё было хорошо. Одышки не было. Молодое лицо гидродинамика было спокойным, а крепкий мышечный каркас – ненапряжённым. Ещё он был лыс – в силу нелюбви к излишествам. Это обстоятельство, однако, никаким нежелательным вариациям подвергаться и не могло.

⁂

Белый нож для писем не был утончён пустой резьбой. На нём нет эффектных инкрустаций. Гравировка гласит: «Когда белый свет касается сердца – обычное тело тает». Гидродинамик не стал вспарывать конверт на весу. Вместо этого, прижав его к бруску, отрезал весь край. С некоторых пор изменившееся устройство конвертов сделало такой подход более удобным. В тысяча седьмой раз рука его не дрогнула, и срез вышел ровным, как вектор силы тяжести.

Важно отметить, что мужчина этот ни хрена не помнил. Ни что произошло вчера, ни позавчера, ни когда либо. Это его однако ни мало не смущало, тем более что пришло письмо, которые прекрасно задавало тон. Оно было с инструкцией по выживанию – точнее, по жизни – от Пола. И просьба заехать к нему. Мужчина для начала ознакомился с данной « Инструкцией его жизни».

Письмо, вскрытое вторым, несло на конверте девиз «Тще-

тен меч и тщетен лук». В послании содержалась просьба от Prince (князя) ММ. Гидродинамик не знал принца лично, но был знаком с его трактатом по теории безвластия. В письме Принц проливал свет на очерк некоего графа NN. В этом очерке, скорее – памфлете, граф многословно и пристрастно призывал оказать помощь земледельцам, немногочисленным членам одного духовного движения, подвергавшимся, по его словам, преследованиям со стороны местных властей. Материальная поддержка от гидродинамика не требовалась. Нужен был совет относительно того, в какие земли им лучше переселиться, а также содействие в достижении договорённости с тамошними властями.

Гидродинамик кое-что понимал в земледелии. Мельница – это не просто фабрика своей эпохи. Мельница служит местом сборищ – бывало, люди выстраивались здесь в очередь. Случались такие толпы, что проститутки приходили и предлагали свои услуги, прохаживаясь вдоль ожидающих. На таких примерах гидродинамик научился видеть противотоки: высокий спрос приводил к пресыщению и разврату, а тот, в свою очередь, грозил катастрофой. Вот, например, Святой Бернард ещё в XII веке возмущался безмерно, услышав о блудницах у мельниц, и хотел даже своей властью кое-какие мельницы закрыть. Если бы такое произошло, Европа могла бы никогда не стать великой. Меньше мельниц – тоньше поток энергии, скуднее бытие. Впрочем, гидродинамик допускал, что Бернард был избирателен и предвзят до того, как

стал святым.

Заметив, что отвлёкся, гидродинамик без отлагательств написал ответ в том духе, что он представляет, где именно климат и прочие условия могут оказаться благоприятными. Он рад помочь хорошим земледельцам, однако имеет опасения относительно их своеобразной общинной экономической системы. Поэтому, прежде чем давать подобную рекомендацию властям в пункте назначения, он сам отправится в места текущего проживания членов секты, чтобы лично увидеть её представителей и изучить их положение. Он даже указал примерную дату своего визита. И, чтобы не копить недоделанное, тут же спустился к почтовому ящику и вложил туда своё письмо. Почтальон заберёт его завтра поутру, если течение времени сохранится.

Конверт, вскрытый во третью очередь, принёс рутинный заказ от куратора на устранение вредного для общества человека. Гидродинамик решил заняться этим сразу после завтрака. Дело в том, что многие годы он испытывал живейший интерес к отрасли, в которой трудился будущий труп. Гидродинамику была очень нужна услуга, какую могло бы оказать предприятие человека-мишени.

Купить он такую услугу не мог – тогда проявилось бы его явное намерение, и это уничтожило бы его безнаказанность. Упомянутая уже не раз безнаказанность ему, конечно, претила, но её отсутствие было несовместимо с жизнью. Нужной услугой можно воспользоваться, только если она сама упадёт

ему под ноги переспелым фруктом. Впрочем, и нужной суммы у него не было. Выполнив же заказ, он невольно разрушит промышленную империю, и один из её осколков одарит его добровольно. Точнее, по собственной инициативе.

Гидродинамик испытал возбуждение и с силой потёр ладони друг о друга. Однако та дисциплина, которая позволяла ему видеть многое, прирастала лишь через окно. Поэтому, рассудил гидродинамик, не стоит пренебрегать завтраком у окна, как бы ни было невтерпёж заняться многообещающим делом.

⁂

Гидродинамик вышел из мельницы с небольшим заплечным мешком. Бросил взгляд на почтовый ящик с надписью «Asiyab». Повесил на дверь табличку. Сунув руку в штаны, вырвал лобковый волос и приклеил его между полотном двери и косяком. Если дверь откроют в его отсутствие, он по возвращении увидит сигнал.

Гидродинамик отсалютовал двери и всей мельнице, но задержался из-за появления в сквере у мельницы группы туристов. Когда они подошли к зданию, он демонстративным движением выровнял висящую на двери табличку «Музей закрыт».

Сидя в вагоне поезда, гидродинамик поставил ступни на специальный порожек, вмонтированный во впереди стоящее кресло. Из обшлага правого сапога он вынул трёхгранное шило. Человек несведущий мог бы подумать, что это млад-

ший брат подствольного штыка времён Первой мировой. Но нет, официальные штыки лишь создают иллюзию трёхгранной формы, будучи четырёхгранными. Это повышает площадь их поверхности. Что, в свою очередь, повышает трение. А гидродинамик знал: воткнуть штык проще, чем вытащить его из полумёртвого мяса. Что касается утверждений двух добрых малых, Гийома и Шарля, относительно законов трения, то гидродинамик доподлинно знал, что ни тому, ни другому не приходилось втыкать оружие в плоть человека.

Из левого обшлага гидродинамик вынул мусат закалённой стали. Подвергая правке первую грань, он стал размышлять о предмете полученного в письме заказа. Он разглядывал ближайшее будущее вовлечённых субъектов. В частности, генерала рынка акселерометров, победителя войн микроактуаторов, покорителя пространств мелкорототехники. В воздухе вокруг генерала уже витало коварство хрупкой дамы – его жены. Им гидродинамик и воспользуется. Будет пирушка. Генерал заставит супругу (на виду у всех) выпить вина из черепа её отца. Глаза у дамы вспыхнут ненавистью, руки задрожат и… Дальше всё получится само собой.

«Что же, — подумал гидродинамик, — какое внушение или манипуляция сподвигнут генерала пойти на такой бессмысленный перформанс?»

«Что ты выдумываешь, гидродинамик, — укорял его клинок, — к чему эти интриги?»

«Взломай данные и погуби по-простому, — вторил шилу

мусат, взывая к трезвости, — не умножай сущностей».

«Работает? Не трогай! Вот первая заповедь, — отмахивался от них гидродинамик. — В Ломбардии, куда мы втроём с вами едем, так уже было».

«Твоя правда, почтенный трудник, — соглашались инструменты, порывшись в долгой памяти. — Было. Да не с кем-то, а с первым из первых».

Гидродинамик водил мусатом не глядя, опираясь лишь на тактильные ощущения. Взгляд его был направлен за окно, где параллельно железной дороге тянулась автострада. Гидродинамик смотрел на пассажиров машин с обоснованным высокомерием. Не из-за более высокой скорости поезда. Колёса машин, в отличие от колёс вагонов, не говорили периодически «кятц», оставляя автомобилистов без плодотворной привязки к течению времени.

Гидродинамик подставил под мусат вторую грань и немного поднял темп, с sostenuto до allegretto. Генеральша и её челядь интересовали гидродинамика не больше, чем отдельные патроны в револьвере. Он, однако, считал полезным каждый из патронов просушивать индивидуально. Посмотрим-посмотрим…

На третьей грани шила-штыка мерно постанывающий мусат рассказывал гидродинамику, как именно империя мелкоробототехники рассыплется. За неимением четвёртой грани, далее гидродинамик уже не думал, он наслаждался тем фактом, что хороший план – это полдела. А опирающийся на

готовый артефакт план – это четыре пятых. Цифровой слепок отца, вместе с его мифическим черепом, уже лет десять как был припасён в арсенале гидродинамика. Замечательный, всесторонне проработанный образ. Не топовый персонаж, но коллекционный. Гидродинамик гордился этой работой. Даже немного жалко тратить. Впрочем, для такой деятельности артефакты и создаются. В Старом свете всего полтысячи семей, которые в силах создавать процессы. Если достаточно долго за ними наблюдать (а гидродинамик наблюдал достаточно долго), то к каждому можно подобрать ключик.

Гидродинамик уснул.

На конечной станции поезда его не вполне вежливо попросили из вагона. Грубость рождает грубость, особенно спросонья, поэтому свежеправленный трёхгранник сделал хаму внутричерепной замер, от мандибулы до области dorsum sellae в клиновидной кости. Было бы ошибкой считать данный акт цудзигири, то есть правомочной проверкой рыцарем своего нового или обновлённого оружия на первом встречном. Гидродинамик во всех вопросах очень серьёзно относился к заслуженным учителям прошлого, а они утверждали, что убийство без причины каралось (правда, лишь законом) уже даже в эпоху Эдо. А сейчас – сороковые годы двадцать первого века. Исходя из правила «раньше было лучше», можно заключить, что сейчас стоило проявить осторожность в отношении камер внешнего видеонаблюдения. И

гидродинамик с помощью своих спецсредств продемонстрировал сам себе нужную прагматичность.

Так как миссия вела путника к морскому вокзалу, туда он и пошёл. Купил билет в кассе за наличные, подождал пару часов и взошёл на борт морского парома.

⁂

— The old man the boat, — сказал гидродинамик.

Он стоял на восьмой палубе. Бёдер его касалась цепочка, на которой болтался под ветром знак «Crew only», что гидродинамик перевёл для себя как «Не хватает только подкрепления». Собеседником его (по ту сторону ограждения) был бывший наставник того мерзавца, который стал капитаном яхты робототехнического магната. Конечно, реплика гидродинамика значила просто-напросто «Старейшины ведут суда». Однако, согласно его многолетней практике, обработка предложений с синтаксической двусмысленностью сопровождается эффектом увеличения регрессий глаз. Таким образом, предложения, создающие ложный след, дают пищу для анализа личности через поведение зрачков.

Что касается методов работы, то гидродинамик всецело доверял лишь старой школе, потому как ещё в 1114 году сказано: «Мы – карлики, стоящие на плечах великанов». Однако, хотя систему работы с теми, у кого коротенькие мысли, гидродинамик разработал задолго до появления вычислительных девайсов, он не гнушался новшеств, и всё, что связано с конструированием персонажей, он освоил первым

на планете.

Гидродинамик мило беседовал с незадачливым членом экипажа около получаса. Механизм запустился. Пока объект манипуляции удалялся в свою рубку, бочонки его лёгкого ожирения (от хорошей жизни) мило покачивались, доказывая, что программирование не замечено.

Гидродинамик же, чтобы избежать композиционной рыхлости, пулей взлетел на самую верхнюю палубу, безлюдную ввиду непогоды, и отчётливо произнёс восемь раз, поворачиваясь на каждый из лучей Великой розы ветров: «Я есмь. Всё, что не моё по праву свободного выбора, возвращается в небытие». Затем он начал кружиться, выкрикивая во все стороны проклятия. Ругательства были эксплицитно адресованы вообще всем, кто находился на судне, а также на ближайших судах этого загруженного морского пути. Гидродинамик был изобретателен как в движениях, так и в репликах.

Так он избегал плохого сна. Это было относительно новое изобретение. Живодёр из Тифлиса доказал в 1811 году на практике, что, покрыв проклятиями церковный колокол, из-за звона которого спаслась от поимки очередная бродячая псина, ты выравниваешь мировой баланс. А главное – это подтвердил его земляк и современник. Он по долгу службы каждое утро будил весь город фабричным гудком, вызывая, конечно, тем самым проклятия в свой адрес. Поэтому он заранее возносил хулу на всю округу, чтобы потом гудеть безнаказанно.

«Да не будет воля моя, моли… — говорил сотворённый гидродинамиком шаг цилиня. Шаг обезьяны добавлял: — Я вращает круга миг». «Я танцует круга крик, — молвил его гу. Пан вторил: — Я рисует сорок мук». «В голову звон, Под ноги неплоскость, Воде поклон», — завершили работу перемещения по сетке три-на-три.

Гидродинамик работал по надёжной схеме. Он рассматривал последствия тёмных свершений не как звук в воде или воздухе, а как волны гораздо более быстрые и эластичные. Как взаимодействия в ионизированном газе. И именно волны являлись для него основной сущностью, а вовсе не люди, чей «заряд» (то есть поведение) обеспечивает распространение волн. Люди – лишь дороги и перекрёстки, по которым движутся плотные пакеты нескончаемых намерений, причин, следствий и возмездий.

⁂

— Что это вы такое танцуете столь энергично? — В нише между технологическими кожухами, на скользкой от морских брызг поверхности судовой фары, сидела, прижав колени к груди, девушка. Вопрос она задала громко, стараясь перекричать не только шум морской непогоды, но и отсутствующие в ушах гидродинамика наушники.

Вопрос девушки обрадовал гидродинамика. Точнее – возбудил. Жизнь человеческая, как известно, состоит из потоков страсти, порока и благости. Гидродинамику подвластны лишь завихрения в категории порока: ему не грозило мще-

ние воли мира за свершённое. Это не был бесплатный дар, он много трудился, чтобы было так. И пока получалось именно так. В остальных двух компонентах он оставался уязвим и даже обделён. Впрочем, он допускал, что не ему подсчитывать, сколько достаточно и справедливо, а сколько – нет.

Гидродинамик отложил предвкушение. Пока следовало заняться тем, чтобы выйти из положения с вопросом о наушниках. Он немного рискнул:

— Внутримозговые «наушники» в черепе, — постучал он себя пальцем по виску, прекратив танец «дервиш-в-сквернословии». Гидродинамик рассудил, что лучше представиться «прошитым», нежели сумасшедшим.

Он подал девушке руку, чтобы ей было удобней выбраться из ниши.

— Прыгайте с фары – скользко, — сказал он.

Благосклонно взяв его руку, но пожав плечами – „не ваше дело“ – девушка скривила губки:

— Слышали, что организаторы этого «сервиса наушников» вынуждены были бежать в Новый Свет? Это ж евгеника. Все это знают.

Пока гидродинамик переваривал ощущение светлячков электричества от её касания и размышлял, стоит ли ввязываться в защиту доброго имени кузена мистера Дарвина, девушка покинула палубу.

Судно качнулось. Гидродинамик оступился и упал. Мусат и шило выпали, соскользнули по палубе и скрылись в пучи-

не. Гидродинамик мог бы воспринять это как отказ инструментов работать в команде с девушкой. Мог бы, но не воспринял. Восприятие его затмили ямочки на её щеках. Так бывает, когда засиживаешься дома, даже если дом твой сам по себе имеет движущиеся части.

¶

§37. Пьета

[Побережье Средиземного моря]

[Аделаида]

¶

В Европе попроще со спецоборудованием: в Америке рестрикции, связанные с виной за «катастрофу РР». Доктор поэтому купил много всяких штук для наблюдения. Дроны, приборы. Но главное – автомобиль. Чудесный и ужасный фургон. Ардуша был очень горд своим приобретением. Я потакала ему в этой маленькой радости. Тонко, к месту, нахваливала оборудование. Он собирался потом нелегально переправить машину в Америку на угольном судне.

Мы пребывали в этом автомобиле, вели наблюдение, перемещались, вновь вели наблюдение. Доктор демонстрировал мне логи игры, в которой, как он считал, находится разгадка всего. Чего «всего» он не уточнял.

Парень, за которым мы следили, прибыл в порт. Доктор, как мне показалось, этого ожидал. Когда это произошло, он припарковался у придорожной торговой плазы. Резко активизировался.

И произошло страшное! Ардуша похитил человека. Или нескольких людей. Насколько я могла судить, самозащитой это не было.

Мне была видна большая часть его манипуляций. Впро-

чем, он не пытался ничего скрыть.

Доктор отправил два дрона к конкретному автомобилю. Старый зелёный фиат тот был милях в пяти от порта, ехал куда-то по своим делам. Никакой связи с парнем из мельницы я не увидела. Дроны нагнали машину сзади и зависли над передним краем крыши. Один справа, другой слева.

Доктор услышал мой немой вопрос:

— Воздухозаборники климатической системы атакую. В старых машинах они у основания лобового стекла. Жабо под дворниками. Гарантированный путь для попадания значительной доли газа внутрь.

Лицо моё продолжало выражать недоумение.

— Ждём, — пояснил доктор. — Вентилятор печки прокачивает примерно 300–400 кубометров в час. Воздух в салоне полностью обновляется каждые 20–30 секунд.

На моём лице ничего не изменилось.

— Она экономит. Там либо самый дешевый фильтр, либо никакого. Кроме того, я смешал усыпляющие компоненты с тяжелым гексафторидом серы. Точно уснёт.

— Она?! Усыпляющие?

— О, так ты не в курсе до сих пор, — доктора почему-то удивило, что мне показалось странным его намерение усыпить водителя в движущейся машине. — Не беспокойся. Управление машиной и пропускным пунктом в порту я перехватил. Машина просто заедет на паром.

Он устало кивнул в сторону плазы за окном:

— Пойдём перекусим.

Он взял с собой небольшой саквояж, и мы пошли к ресторану.

⁂

— Не наедайся, — сказал он, когда мы уселись за стол.

Это было настолько не в его духе, что я приложила весь эмоциональный интеллект, чтобы заново оценить ситуацию. Я почувствовала, что нужен «буфер».

Я заказала фиш-н-чипс и поинтересовалась Хаконом, что было естественно, так как на «джинна», за которым мы следили, вывел именно он.

— Что за тип этот, к которому ты летал? — спрашиваю, когда принесли еду. Старым «методом конфеты». Конфеты не было, но был тюбик с кетчупом. Разбавила вопрос похвальбами в адрес микроавтобуса.

Доктор кисло, но понимающе улыбнулся.

Затем переключился на свой синтетический язык и поведал, что давным-давно Северо-Имперская Академия наук столкнулась с нездоровым разобщением среди своих членов. Впрочем, всё население империи, казалось, тоже разделила какая-то невидимая черта. Привычные полярности перестали срабатывать. Это было не августинианство против пелагианства, не правые и левые, не традиционалисты с прогрессистами, не либералы назло консерваторам и даже не спор космополитов с почвенниками. Кому-то в голову пришла мысль взять два листа бумаги и озаглавить их именами

двух знаковых членов Академии, известных своими распрями. Затем список пустили по кабинетам и филиалам, чтобы каждый мог указать, с кем он в списке, а с кем нет. Большинство поначалу отказывались, но нашлись и те, кто счёл уместным публично принять одну из сторон. Когда подписей стало много, шаг за шагом подписались все, включая тех, кто ранее воздерживался. Получилось два перечня – и, к всеобщему удивлению, они оказались одинаковой длины. Это навело одного из секретарей Президиума на идею: составили пары из двух списков рандомно, арендовали велотандемы и объявили недельный пробег между двумя столицами. В счёт оплачиваемого отпуска, конечно. За такое расстояние можно и договориться (клин клином вышибают).

— Ты знала, Аделаида, — спросил доктор на обычном языке, — что человек на велосипеде – это самый энергоэффективный способ передвижения из созданных природой и придуманных инженерами?

Я не знала. Хотя следовало бы.

— Ты про количество калорий, необходимых на перемещение одного грамма тела на 1 метр?

— Да-да. Забавно, не правда ли? Все животные нам проигрывают, не говоря о машинах. Плавание, кстати, эффективнее полёта, а полёт – эффективнее бега и ходьбы. Энергоэффективность теперь, правда, никого не интересует. Только энерговооружённость. Как достойно дожить в мире, что возжелал самоуничтожения.

Доктор, очевидно, пребывал в депрессии. Хотя храбрился изо всех сил. Но меня-то не обманешь. Главное ощущение, главная атмосфера, что бы кто ни говорил, – это непоправимая тяжесть несчастия. Люди так невмерно, так невместимо жалки. Не может заслонить этого никакая историческая грандиозность событий. И все люди правы, хотя все в равной мере виноваты.

— Хм, — вежливо напомнила я.

— Ах да! — встрепенулся Ардуша и вновь перешёл на лингва-знайку.

Ардуша и Хакон угодили тогда, согласно слепому жребию, на один тандем. Они пересекались и прежде, но к тому моменту не общались лет двадцать. Имея различные взгляды примерно на всё, они сошлись, однако, в том, что результат «работы» рукотворного разума – это ухищрения, артифис. Вовсе не искусство, не арт. Они посетовали на то, как безжалостна гонка РР-вооружений между Западной и Восточной империями. Хакон намекнул, что у него есть доступ к актуальной аналитике. Доктор тогда проявил неосторожность, проявив к этому интерес. Что характерно, интерес был напускным. Из вежливости. Хакон оседлал любимого конька и за несколько дней велопробега буквально свёл доктора с ума. Он разглагольствовал в том духе, что робото-экономика даёт людям не вкус даже, а лишь запах «бесплатного благоденствия», усыпляя бдительность. Общественность, мол, не одобряет траекторию властей, но и не встаёт в оппозицию.

Восток отстаёт, но восточный и западный РР наверняка заключат за спиной людей сделку.

— Ты полез вслед за ним в политику?

— Хуже. Я его спросил: «Так что там о нашей Империи в докладе?». Он так вспорхнул в седле, что мы чуть не грохнулись. «Упомянута один раз, — говорит, — как источник политического предостережения для Западной империи».

— Вы с ним это предостережение и разыграли?

— К сожалению. Но он говорил о «потенциальном стратегическом воздействии». О потенциальном.

— Ясно. Для него же ключевым словом оказалось не «потенциальное», но «стратегическое»? Причём в том самом, военном, смысле. Так? — спросила я.

Доктор лишь грустно кивнул.

Я была, конечно, удивлена, что Ардуша имеет непосредственное отношение к первому в истории применению грязного оружия на орбите. Но виду не подала.

Мы вышли из ресторана, но тут доктор, вместо того, чтобы вернуться в фургон, потянул меня ко входу над которым мерцал неон в вывеске «Сауна. Душ. 24 часа». Мы зашли и под нехорошие взгляды ожидающих в очереди грузных дальнобойщиков арендовали индивидуальную сауну-люкс.

⁂

Молча раздевшись, мы вошли в парилку. Саквояж доктор взял с собой.

— Пусть ищут под фонарём, — сказал он. И постукал

пальцем себе по виску.

Усевшись на деревянную полку в сауне, он поставил саквояж сбоку от себя, между нами, открыл его и стал возиться с какими-то штуками из мягкого прозрачного пластика.

— Исида твою мокошь! — хлопнул он себя по макушке. Там ещё не было пота, а то бы тот разлетелся от шлепка во все стороны. — Крем есть?

У меня крем был. Всегда. Я вышла и взяла его из своей сумочки.

Доктор помазал себе голову кремом (мне не стал) и связал нас мозгоглюем. Да, это был непосредственный, прямой мозгоглюй. Никогда прежде у меня такого опыта не было. Точнее будет сказать: в моей памяти такого отмечено не было.

⁂

Когда градусник стал показывать сотню по Цельсию, он включил связь. Мы обливались потом. Время потекло медленнее. Кто из нас что говорил, было непонятно. Я бредила сама с собой.

Память – это искусство забывать.

Бытие есть молчание языка.

Прошлое не позади, будущее не впереди.

Прошлое уже известно, его «видно».

Мы живём спиной вперёд.

Забывание – не ошибка. Термодинамическая гигиена.

Интеллект возникает не по замыслу, а из необходимости

Абстрагирование – самый дешёвый способ сжать знания.

Угадывание – дорого и рискованно.

Чувство «я» возникает из простой эффективности.

Бог перестал потреблять человека в пищу.

Дипломатическую условность вместо кастрации. Обрезание.

Условность надкусывания плоти бога и глоток крови не дала видимого подтверждения статуса.

Воля моя крошится, Аделаида.

Я была просто обузой. Эта девушка – не награда. И не приманка. Тут всё очень страшно.

Инверсия акта творения. Она прекрасна.

Галатею для жертвоприношения?!

Жертва без вины.

Существование не предшествует сущности.

Насилие метафизического порядка.

Мы с тобой хоть родились сами по себе. Она – нет!!!

Она Гомункул.

Живая душа, которая не просила её создавать.

Грех нулевого мотива.

Изнасилована сама стихия жизни.

Закованную внутрь топора душу.

Изначально химера.

Эта душа не знала свободы даже в утробе.

Я должна вочеловечить дьявольский инструмент.

Холод. Чей погано расчетливый ум…

…решал, какие гены подобрать, чтобы через 17 лет пой-

мать тебя в капкан…

Чистота и проклятие.

Невинность – сердцевина ловушки.

Опережающее прощение.

Правильный страх.

Чернильница для твоей кровавой подписи.

Её улыбка, дрожание ресниц…

Юстировка прицела.

Ей не дали даже милосердия безразличия биологии.

Красивая беда.

Брошена в мир.

Душа в футляре.

Они хотели и хотят, чтобы я пожелал её.

Я хочу!

Икона, написанная дьяволом персонально для конкретного грешника. Для тебя.

Тень без оригинала.

Тошнотворный холод тут.

Ты и я, мы были сиротами. Но у нас всегда было небо. А её…

⁂

Слёз моих не видно из-за потоков пота.

¶

§38. Постоянная

[Побережье Средиземного моря]

[Ардуша]

¶

В течение пары часов обитатели фургона использовали величайшее изобретение человечества – разделение труда. Аделаида устроилась в заднем отсеке, взяв на себя наблюдение за целью. Ардуша же работал с информационным фоном. Он просеивал автомобили, которые с высокой долей вероятности могли оказаться на пароме. В приоритете, разумеется, был спецтранспорт. Такие машины, как и их собственный фургон, могли скрывать второй уровень. Но и обычные легковушки – будь они зелёными или синими, фиатами или лорен-дитрихами, грязными или чистыми – подвергались анализу и перекрёстной сверке с базами данных. В крайнем случае, машины на глубоком автопилоте могли стать мобильным щитом, не допустив на борт нежелательных гостей. Ардуша не пачкал рук. Он лишь тонко деформировал контекст. Работы была тонкая, но рутинная. Они даже перекусить лишний раз успели.

— Всё. Он сел на морской паром, — сообщила Аделаида, отворачиваясь от монитора. — Поедем в порт прибытия?

— Нет. Будем сохранять кратчайшую дистанцию до судна.

— В физическом смысле?

— Да. В геодезическом.

— С самим пациентом связь теряем?

— Зачем. Пчёлок да жучков выпущу, — указал Ардуша на монитор, отслеживающий позицию роя микродронов. Ну что, читаем лог?

— Можно я посплю, доктор? Я ж сразу с самолёта к тебе приехала.

— Спи, — без обиды ответил доктор. — Там сзади есть кушетка, как видишь.

Через пару-тройку часов Аделаида проснулась:

— Продолжим?

⁂ ⁂ ⁂

[Седьмая башня. Лог Ардушы]

Окраска личной оценки контекста произносящим во фразах соседа такая, что Ардуша решает не откладывать. Спешит вниз, к почтовым полкам. Пять этажей в бывшей боевой башне – это пропасть. «Ииэх» — слетает он по пролётам, шлёпая босыми ногами по прохладным камням. «Люблю простые процедуры» — думает персонаж Ардуша. Прыжок… слишком громкий. Каменные полы, в отличие от деревянных, к Ардуше никогда не были добры.

⁂ ⁂ ⁂

— Что это за саморефлексия у персонажа? — спросила Рату.

— Три управляющих центра в каждом персонаже. Иногда один или два могут быть подавлены. Один может быть по-

давлен почти перманентно. Для этого нужны так называемые местоблюстители. Но два центра есть всегда – они и играют в пинг-понг некоей саморефлексией.

— Они равноправны?

— Нет, конечно. В каждый момент времени есть доминант. Иначе б персонаж не смог и шагу сделать.

⁂ ⁂ ⁂

«Эй», — с наглой краткостью окликает персонажа Ардушу, выглянув на шум из своей каморки кастелянша. В коварстве, правый глаз её скосился. Ворона её проклятущая сидит в глубине логова.

«Врань!» — поминает Ардуша и лешего, и ворону, и ложь молча и, более того, мысле-молча, не позволяя проклятью прорасти в коммуникацию.

«Здравствуйте, вообще-то, — спокойно говорит персонаж Ардуша вслух; и добавляет для корректной полноты фразы: — тётя Клавдия».

Он знает, что ей от него нужно, поэтому превентивно в этой его реплике летит эстетическая концепция, восхваляющая простоту, непостоянство и естественные несовершенства. Он находит красоту в неоднородности течения времени. Но тётка, что стоит перед ним анфас – нет. Руки в боки, отёкшие ноги на ширине плеч.

Якорным выражением персонаж Ардуша поймался на диалог. Надо было входить в режим пренебрежения и идти мимо, а теперь придётся использовать саботаж. Она (Клав-

дия) в скуке. Ардуша знает: это неприятное состояние возникает, когда невозможно достичь оптимального уровня возбуждения сознания через взаимодействие с окружающей средой. Скука наступает, когда существо отказывается от деятельности, соответствующей его ценностям.

«Одевайся и выходи на уборку прибашенной территории; вы оба-трое с твоим соседом манкируете; это твоя прямая обязанность, в каждую новую селену», — Клавдия указывает пальцем вверх, в небо. В этом же направлении на миг блеснула из её головы бесконечно белым тончайшая струна лжизни.

⁂ ⁂ ⁂

Аделаида подняла в удивлении брови:

— Это ещё кто такая?

— Одна из админов, кто ещё, — нетерпеливо ответил доктор. — Читай дальше.

⁂ ⁂ ⁂

«Смотри-ка, Ардуша, — отметила из кармана Кузен, — ей скучно без небес, завидует тебе, спустившемуся с выси». — «Что делать, Кузен, что делать. Пусть, тварь разумная, скучает».

⁂ ⁂ ⁂

— Так. Ну а это теперь кто? — спросила Рату.

Ардуша виртуально сплюнул от досады.

— Это местоблюститель. Я упоминал. Для того, чтобы высвободить один из трёх слотов управления. Чтобы удалить

ненужного рулевого, у моего персонажа есть… карман-некарман… нычка. Между лопатками, изнутри камзола, на подкладке. Там такая хвостатая норушка и живёт. По кличке Кузен. Иногда я даже не прочь перекинуться с ней парой фраз, хотя она, надо признать, невежлива вплоть до несносности. Зато не лезет никуда. Просто болтает время от времени. Это малозначащая деталь.

— Ничего себе – малозначительная. Не замечала за тобой любви к мышам.

— У згакомого подсмотрел. Смотри дальше.

⁂ ⁂ ⁂

«При всём уважении, не Ваша ли обязанность менять нам каждую треть селены постельные покрывала?» — огрызается персонаж Ардуша…

«Я добрый, но добра не сделал никому», — думает персонаж. Поэтому он добавляет в формальную окраску своей реплики тот неоспоримый факт, что он является действительным аспирантом Академии изысканий. Он оставил во фразе ровную дыру под недосказанность. В нише оставалось место точно под тот факт, что Клавдия исполняла свои обязанности на пятёрку. По двадцатибальной шкале…

Персонаж Ардуша раздражённо разводит ладони шариком в решительном и негодующем, но искажённом инверсией индигноре.

⁂ ⁂ ⁂

— Все фразы, реплики строго регламентированы, я так

понимаю? — спросила Рату.

— Да, конечно. Лог – перевод, упрощение.

⁂ ⁂ ⁂

Персонаж Клавдия заявляет: «Ты – всего лишь пока-не-отчисленный аспирант-корреспондент, а вовсе не действительный аспирант. А вот твоя попытка подменить определение формальное функциональным, вкупе с твоим мотивом высказывания, тянет на десяток плетей. В мотиве твоём, кроме лукавого “научного стремления к изысканию”, есть иррациональное желание оскорбить меня, подготовленное намерение подорвать авторитет регламента…»

Не находя на физиономии персонажа «Ардуша» должных признаков раскаяния, оно (Клавдия) спрашивает: «Продолжать?».

Ардуша начинает было формировать фразу, что, дескать, хотя понятие «кастелян» действительно происходит исторически от почётной должности «заведующая кастлом», то есть замком-крепостью, а гарнизонные инструкции не переписывались уже добрый век, это вовсе не означает полное соответствие текущей действительности, и ныне она (Клавдия) – лишь тётка, которая должна следить, чтобы жители дормитория были вовремя обстираны…

Но тут персонаж Ардуша передумал.

⁂ ⁂ ⁂

— Вот здесь сейчас будут мои непрофессиональные попытки воздействия на игру, — сказал доктор и вновь нетер-

пеливо добавил: — Читай.

⁂ ⁂ ⁂

Если внимание индивида успешно задействовано, то малые усилия и низкая метакогнитивная осведомленность ассоциируются с ощущением растворения в процессе, а не скуки. А у Клавдии – определённо скука. Значит, внимание не задействовано. «Поэтому действуем по-другому», — думает персонаж Ардуша

Он страдальчески морщится прямо в лицо Клавдии:

«Не надо продолжать».

И он не прогадывает! Бинго: он получает обещание! Индивид всегда имеет свободный выбор, какое именно включать в своё высказывание намерение. Чаще всего, эти намерения касаются его самого. Но иногда намерение направлено на того, к кому обращаются. И самое простое, классическое намерение – это голое обусловленное обещание. Получив обещание, можно просто резать соответствующую нить лжизни и забирать себе.

⁂ ⁂ ⁂

— Нитки, я так поняла – это что-то вроде счетчиков к способности меры лжи? — сказала Аделаида.

— В целом – да, — ответил доктор. — Несколько замудрённее, но да.

⁂ ⁂ ⁂

«Штраф влеплю, если до конца дня не сделаешь», — кивнула персонаж Клавдия своим обещанием на тачку с метлой

и лопатой, стоявшую под лестничным пролётом.

Персонаж Ардуша с облегчением запротоколировал реплику в качестве обязательства. Он улыбается себе в плечо: «заскучает ведь и забудет».

⁂ ⁂ ⁂

— То есть, ты рассчитываешь на ошибку в поведении админа? — удивилась Аделаида. — Не слишком ли странно?

— Именно. Частота подобных ошибок и сигнализирует динамику перерождения игры изнутри.

На одном из мониторов вдруг заморгал аларм.

— Что это? — не разглядела ничего нового на изображении идущего по морю парома Аделаида.

— Зафиксировано что-то необычное. И оно уже прошло. Отмотай назад.

На картинке был тот же паром. Аномалией автонаблюдатель посчитал то, что некоторое время включалась и выключалась мощная судовая фара.

— Морзянка? — предположила Аделаида.

— Возможно. Переложи в таком предположении, пожалуйста. Что получится?

Через некоторое время Рату выдала результат:

— 6174.

— Обычная двоичная морзянка? — уточнил доктор. — Точка-тире?

— А какая ещё бывает? — удивилась Аделаида.

— Ну вот, — улыбнулся Ардуша. — Поэтому и не стоило

сразу лезть к нему здороваться. Я был прав.

— Что за число?

— А ты номера этого фургона для себя не отметила, когда садилась в него?

— Ох! Прости, учитель. Совсем расслабилась в последние годы.

— Что ж, ищем стоянку на берегу. Летим на судно.

⁂

Боковых дверей в фургоне не было – ни сдвижных, ни обычных. Не было и окон в задней части. Впрочем, что за катафалк с окнами. Задний же выход был оборудован лифтом для груза. Что тоже объяснимо. Этим оборудованием доктор и воспользовался, чтобы выгрузить мощный складной дрон.

— Мое собственное изобретение, — попинал он неказистую коробку по боковине. — Оставляю где-попало. Никто не позарился за несколько лет.

В сложенном состоянии дрон являл собой утилитарный бокс, который можно было принять за какой-нибудь распределительный щиток в городском электрохозяйстве. Серо-серебристая краска была облуплена. Под ней проглядывал другой слой краски – грязно-зелёной. Обе краски были отвратительного качества. Как и сам металл. Ещё более небрежно была оформлена надпись из не имеющих смысла букв и цифр.

Однако в разложенном состоянии это был грузовой дрон о восьми пропеллерах. Ардуша и Аделаида облачились в аль-

пинистскую обвязку, стали спиной к спине и сцепились вместе. Доктор поднял дрон на пару метров, они зацепили фал и полетели над волнами.

Полёт занял не более получаса. Навигатор подгадал со стоянкой, предоставив кратчайший маршрут к движущемуся судну с учётом всех нужных упреждений и ветра. Когда они зависли нам морским паромом, было уже темно. Доктор высмотрел в тепловизор безлюдное место на одной из верхних палуб, и они стали на судно. Оставив сложенный дрон прямо на палубе, где он визуально слился с другими металлическими кожухами мало кому ясного назначения, гости-с-неба отправились вниз к каютам.

Доктор Ардуша довольно продолжительное время расхаживал по коридорам, буквально вынюхивая что-то. Затем он в нескольких местах приложил к стене что-то вроде присоски от медицинского стетоскопа. Наконец, он сообщил:

— Здесь чисто и пусто.

Он без видимых усилий вскрыл программируемым ключом-картой дверь. Они вошли. Доктор достал из поясной сумки тончайшей ткани шторы дурацкой расцветки. Промучился минут пять, вывешивая их.

— Маскировка, — объяснил он.

— Что на случай визита горничной?

— Деньги сейчас не проблема, — сказал он, передавая Аделаиде пачку купюр. — Меня из-за этого не буди, пожалуйста.

Он постелил себе на диване в гостиной, оставив спальню Аделаиде, и мгновенно, совершенно не по-стариковски, уснул.

¶

§39. Гея и Медея

[Средиземное море]

[Аделаида]

¶

Наша с доктором поездка в Гесперию продлилась несколько недель. Это оказались лучшие дни той моей жизни. И тогда же наши с Ардушей пути разошлись. Первое и второе не были вещами связанными. Так совпало.

Но обо всём по порядку.

⁂

Помню отчётливо: сижу я и жду, пока Ардуша наладит дрон. Предполагается, что мы на нём полетим с берега на судно, на морской паром. Оставим фургон на парковке и полетим как спарившиеся стрекозы. На стропах. Экое ребячество. Доктор полагает, это будет лихо и эффективно. Сомневаюсь.

У него что-то не получается, но он не ругается вслух. Он вообще никогда при мне не ругается. Он вытаскивает механизм из фургона. Но эта штука, сложенный как хлопковая коробочка дрон, покосился и почти упал одним углом. Был тот момент в южных сутках, когда темнота надвигается стремительно. Доктор нервничает. Мне не хотелось ему «помогать» – только под ногами путаться. И я сильно устала тогда, наверное.

В общем, я сижу на траве. Надасфальтовая жара парковки, вот что меня утомило. Вот вижу улитку. Вот слизень. Моллюски схожие. Почти тождественные. Улитка милая. Но слизень – мерзость, обнаженная плоть. Липкое. Оно нарушает границу между мной и миром. Вывернутое наружу нутро, кишечник, гуляющий сам по себе. Я думаю, в начале времен все моллюски были одинаковы и жили в первородном океане. Когда воды схлынули, божество дало каждому живому существу укрытие: зверю – шерсть, птице – перья. Моллюскам был обещан дом-ракушка, спираль вечности, которую нужно носить на себе. Но не все захотели носить на себе тяжесть. Я думаю, слизни – это падшие ангелы мира брюхоногих. Они отказались от труда и ответственности за своё будущее, от защиты.

«Доктор, — думала я тогда, — тоже перестал прятать свою хтонь в спиральный собор ракушки. Выполз».

Вскоре после того, как Ардуша отправил девицу в зелёном фиате на паром, как шар в боулинге, он получил сообщение. Число. Пин-код. Сказал, что это адресовано ему. Дескать, человек с мельницы заприметил номер фургона и передал его в качестве приглашения доктору. Не правдоподобно. Я готова была ставить крупную сумму, что лысый дылда нас не видел. Очень крупную сумму.

Я думаю, доктор перехватил чужое сообщение. Причём не в первый раз – ведь что-то же заставило его заплатить за именно такой номер на автомобиле. Он же его недавно со-

всем регистрировал – на тот момент.

Я думаю, Ардуша одарил меня в пекле сауны сеансом связи по мозгоглюю, чтобы напугать. Он показал, как тёмен пресловутый Проект. Он явно что-то нащупал, потерял от этого свою «крышу-домик», стал «слизнем» и решил предупредить меня, ничего не сказав. А может быть, наоборот? Может быть, Ардуша – это улитка, бывший слизень, который научился стыдиться и строить соборы?

Доктор справился, наконец, с выгрузкой дрона. Вот он стоит передо мной. Как сейчас вижу. Надо мной. Я сижу в позе эмбриона внизу. Непосредственно на теле планеты. У меня поперёк зубов длинный стебелёк, травинка. У доктора в руках – ремни обвязки. Он зовёт в небо. Подал мне ремни. Демонстративно отвернулся. Дельце действительно интимное: к крепкому поясу нужно пристегнуть перехват, проходящий между ног.

Готово. Сцепились спина к спине. Карабин на общее кольцо. Ненадёжно как-то. Поднялся дрон. Оторвались от земли и мы. Не перекосило. Вес у нас с доктором схожий. Он сухонький. Я крепкая. Летим!

⁂

Этот полёт меня сильно возбудил. Доктор, я не сомневаюсь, руководствовался дешевизной, скрытностью и нежеланием законным образом регистрировать летающее транспортное средство. Однако он, сам того не ведая, нащупал самый естественный для людей способ летать. Вот говорят:

«как рыба воде». Значит, комфортно. Значит: свободно ориентируется. Очень точно выражение, если вдуматься. Рыба может, кроме влево-вправо и вперёд-назад, ещё и вверх-вниз. Полноценное «три-дэ». У птиц нет такой свободы. Хотя считается, что «вольны, как птицы». Могу согласиться лишь частично. Нужно же куда-то сесть в конце концов. Птице-то. Да и кушать там в воздухе нечего, по большей части. В отличие от океана. Там вот истинная пространственная свобода.

Но вернусь к людям. Человеку в полете использовать крыло не подобает. Плавность полёта крылом – это не наше. Наши конечности не для полёта. Дельтаплан, параплан – обманчивые штуки. Мы, люди, в полёте должны ручками и ножками болтать.

Я радовалась тогда в воздухе как ребёнок. Пинала слегка пятками доктора по голеням. И беззвучно хохотала.

⁂

Мы сели на палубу. Точнее, встали. Ещё точнее, совершила посадку за нас двоих я – у меня ноги длиннее. Пахло водой и металлом. Над океаном запахов не было. А здесь подключились все чувства.

Доктор замаскировал дрон. Потом с уверенностью провёл операцию незаконного захвата пустой каюты и завалился спать. А у меня не только сна ни в одном глазу – усталость тоже улетучилась. Я пошла посмотреть на зелёный фиат. По собственной инициативе.

Это оказалось проще, чем я предполагала. Палуб для авто было шесть, но я быстро нашла нужную. Личные авто в тот наш век были сплошь в оттенках серого. Белые. Черные. Серые с несостоявшейся претензией на серебристость. Изредка попадались красные, если была заявка на спортивность. Ах да – ещё бежевые. Короче говоря, зелёный фиат я увидела в первые же минуты.

У меня достало осторожности не подходить к нему. Я зашла на палубу и стала пробираться. Иду, значит, спотыкаясь о скобы в полу, между прикованных замками к металлу пола машин. В рандомном направлении. Как в игре в лабиринтики. Не запутаешь себя – не запутаешь врага. Мало ли кто мог быть там внутри, в зелёном фиате. Мало ли кто мог следить за машиной. Я присела между какими-то рядами на корточки.

А потом мне надоело.

Я подошла к машине и сильно раскачала её, благо она была очень небольшая и лёгкая. Машина стояла неровно – одним колесом на скобе. Стёкла в полумраке технической палубы зеркалили – кто там внутри я не разглядела. И я тут же удалилась на расстояние десятка машин и заняла наблюдательный пост. Стою, жду – за палубной стойкой в форме швеллера. Отколупываю грязно-серебристую краску от нечего делать.

Через какое-то время из машины вышла… нет… выкарабкалась девица. Она не выглядела обескураженной. На-

клонилась в машину, вытащила сумочку, вскинула на плечо. Переставила машину на дюйм вправо, чтобы колесо соскочило со скобы. И двинулась между машин к хорошо видному плафону EXIT.

Я покралась следом.

Девица быстро сориентировалась в коридорах. Слишком быстро. Я сделала вывод, что это не первое её пробуждение на пароме. Вскоре она была в ночном ресторане. По совместительству, естественно, казино. Почти все морские паромы несут на себе игорные дома, так как грех не монетизировать нахождение в нейтральных водах, вне юрисдикций.

Она уселась и занялась поздним ужином. Я устроилась на расстоянии. Тоже заказала себе поесть.

К ней подвалил какой-то парень. Она кинула ему фразу. Я не расслышала слов. Явно отшивающую. Тот не смутился. Тогда она со скучающим видом достала что-то из сумочки и показала ему. Я так поняла, что это было удостоверение личности. Она старательно вложила карточку под столом в руку, а потом показала. Видимо, прикрыла имя, чтобы отпугнуть парня датой. Несовершеннолетняя. Парень отвалил.

Итак, Ардуша поместил на паром девицу. На пароме – он сам, я… ну, и ещё этот лысый мельник. Итак – девица. Она явно не для меня. Для самого доктора? Зачем здесь? Тогда для лысого верзилы? Да, скорее так. Но как доктор собирается их столкнуть? И зачем? Эта та самая девица из его образов, переданных во время сеанса по мозгоглюю. Доктор ре-

шил разыграть перед лицом манипулирующих им демиургов комедию. Трагикомедию.

А потом она встала из-за стола. Тут я её наконец рассмотрела.

Оххохох! Таким косметика не нужна. Даже расчёска после сна не нужна. Боевая машина нелегальных аутдор-рейвов под быстрыми таблетками. Ощущение секса из неё так и сочилось. Вздёрнутая попка. Крепкие, но не накачанные икры. Намёк на грудь, от которого мужчины сходят с ума ещё только сильнее. Её лицо не было красивым. Нет. У неё даже был один явный дефект на лице – родинка, граничащая с тем, чтобы стать бородавкой. Но вся она, в совокупности, была дьявольски сексуальна. Особенно походка.

И она ушла. Я была уверена, что обратно в фиат. Я за ней не пошла. Что мне ей сказать? Что спросить? Я сама тут почти в таком же положении. Может, ещё хуже. Девице такой всё нипочём. Ну проснулась непонятно где. В первый раз что ли? Ей и в голову не придёт кого-то винить в похищении. Подумает, что перебрала намедни с таблетками, и кое-что выпало из памяти. А что именно – так ли уж это важно…

⁂

Тут ко мне подсела женщина.

Я опешила намного сильнее, чем того требовала ситуация. Ну, подсела женщина. Ну и что такого? Мало ли. Может, она как тот парень – просто хочет познакомиться. Несколько более энергично, чем принято, да. Но на пароме и правила

другие. Поздним утром завтра все разъедутся по разным направлениям. Такую ночь проще выкинуть из памяти, нежели когда ты в своём же городе едешь к незнакомому человеку из бара на такси, потом обратно домой. Или даже в бар…

Но дело в том, что женщина эта была того же сорта, что и девица. Старше, но той же породы. Я бы даже подумала, что они обе – из того фиата. Ехали на одну и ту же афтерпарти.

Но нет. По старой своей телохранительской привычке я в ресторанах стараюсь занимать такое место, чтобы сканировать всех вновь заходящих в помещение. Эта дамочка была тут всё время, и она не могла не заметить свою знакомую, если бы они действительно были вместе.

— Заработать хочешь? — спрашивает.

Во-первых, заработать я хотела. А кто не хочет?

Я ей так и сказала:

— Надо быть ненормальной, чтобы на такой вопрос ответить «нет». Я нормальная.

А во-вторых, девица та, из фиата, вывела меня из равновесия чуть ли не сильнее, чем полёт. И это при том, что влечения физиологического я к женскому полу не испытываю. Короче, я согласилась. В конце концов, я могу за себя постоять, и мне не так важно отсекать неприятности на совсем уж дальних подступах.

— Я тебя знаю, — говорит дамочка. — Не так. Про тебя знаю. Фехтовальный турнир. Огромные деньги на кону. Интересует?

— А кто старший судья? — интересуюсь.

— Судьба.

Я улыбаюсь:

— Я имею в виду: кто президент жюри, угловые судьи кто?

— Говорю же, — дамочка в ответ не улыбается. — Как само пойдёт. Кто кого. Кто остался на ногах, тот и прав.

— Нелегально, что ли?

— Ты чем слушаешь, солнце моё? Сказала же – большущие ставки.

— И сколько получим?

— Миллионы, — не задумываясь, ответила она.

⁂

Дальше выяснилось, что турнир через час.

— Прямо здесь, на судне? — удивляюсь.

— На судне, но не на этом. В тот же порт идёт. Параллельным фарватером.

— Тут разве бывают фарватеры? — я, в целом, сбита была с толку, конечно.

— Везде фарватеры, сестричка, везде.

Тоже мне, «сестричка». Но харизма у дамочки была титаническая… нет, не так… титановая. Не согнёшь. «Ну, — думаю, — фарватеры так фарватеры».

Она сделала звонок, обменялась с кем-то парой фраз, и мы направились вниз, к кормовой аппарели. Я не стала возражать, хотя знала, что та закрыта плотно, без щели, по всем правилам. Я шла следом. Походка у неё была что надо. Куда

там моделям на подиуме. Тут всё естественно. И завораживающе.

— Странно, — сказала моя спутница, когда мы уткнулись в глухую металлическую стену, — обычно в теплых морях оставляют приоткрытыми для вентиляции.

Она пнула по воротам, и по ним пронеслась ощутимая волна вибрации. Звук был мощным.

— Это только на коротких рейсах не задраивают, — говорю.

Она снова позвонила. Потом сказала:

— Водитель джет-ски уже зашёл в кильватерную струю. Вот леший, — она сплюнула. Не фигурально, а настоящей слюной: — Тут-то вода вдавлена, спрыгнули бы и всё. Ладно, пойдём к боковой грузовой.

Мы проверили все три двери, одну на пятой палубе и две на шестой. Все закрыты. Точнее – задраены.

— Ну что за напасть! Опоздаем.

Она была в замешательстве.

— Пойдём, — говорит, — сверху по верёвке слезем.

«По канату», — машинально поправила я. Вслух говорю:

— Ага. Лучше уж сразу по якорной цепи. Ещё скажи: «всё равно же тебя на турнире убьют».

— Надо заплатить кому-то из палубной команды, — сказала она.

— Грузовые помощники пьяные до самого прибытия. Боцман будет набивать цену. Старшего матроса искать?

— Опоздаем, — повторила она.

— Ладно, давай я возьму вопрос на себя, — решилась я. — Пошли.

Мы поднялись на верхнюю палубу. Она всю долгую дорогу по лестницам шла за мной, не проявляя ни нетерпения, ни недоверия.

⁂

Мастерство скрыть легко, а вот неумение обязательно вылезет наружу. Я и не думала, что полёт с доктором был демонстрацией его виртуозности.

Я прицепила дамочку – а она так и не сочла нужным представиться – к своему животу спиной. Так было намного удобней, чем спина к спине. Доктор-то постеснялся, конечно, меня так обнимать.

Мы взлетели над палубой, нас тут же раскачало. С полминуты нас болтало, высота менялась как попало. Я увела дрон резко в сторону от судна, чтобы не запутаться в такелаже. Над водой давление и воздушные потоки были другие, мы сильно нырнули. Огромные буквы имени парома на его носу – «Гея» – приближались с пугающей скоростью. С бортом мы столкнулись моей стороной, и мне удалось оттолкнуться ногами. Дамочка визжала, но как позже выяснилось – от восторга. Наконец, полетели поступательно. Почти ровно.

Направление она показывала без приборов. Рукой. Минут через десять мы увидели яхту. Мегаяхту. Мы приблизились вплотную и зависли над палубой, выложенной лаки-

рованным деревом. Это была «Медея». Нас осветил направленный прожектор – я даже руки подняла от неожиданности. Какой унизительный, оказывается, жест.

Нам, однако, приглашающе махнули, и мы совершили посадку. Тут же подошла охрана. Спутницу мою узнали в лицо. Я аккуратно сложила дрон и ремни, задвинула всё под одну из боковых банок. Потом я стояла в нерешительности. Дамочка что-то выясняла с одним из стюардов.

Я прежде не бывала на подобных судах. Размеры и качество отделки не соответствовали друг другу. В привычном мне представлении, что-то очень качественное должно иметь малый размер. А что-то большое (из рукотворного) чаще всего весьма убого, если приглядеться к деталям. Тут было не так. Всего было много, и всё было хорошо.

— Маленькая техническая трудность. Тут ставки золотом. Живым, металлом, — вернулась она ко мне. — Золото есть?

— Ни микроунции, — говорю.

— Я куплю у кого-нибудь, — сказала она. — Должны быть знакомые. Пойдём, зарегистрируем тебя.

⁂

Правила турнира были действительно простые, но они были. Для проигрыша достаточно было падения. Можно было упасть самой. Ничто не гарантирует, что острие не вонзится тебе в горло, но никакого финансового проку тебя убивать у твоего противника не будет. Так мне объяснили. Правда,

если убили рапирой, то убийства, считай, не было. Круговой формат, пули по шесть человек. Призы крупные. Не миллионы, как было сказано, но три сотни тысяч за первое место. И ринг! Большой, шестиугольный, но всё-таки ринг. Неприятно, конечно.

Я спросила свою спутницу… получается, свою импресарио… насчёт коэффициентов при размещении ставок. Она сказала, что дело договорное. Дальнейшее моё поведение может показаться стороннему наблюдателю странным. Оно и до этого было чудным в тот день. Но надо представить себя в моей шкуре. Много лет у меня была хоть и относительно одинокая, но в меру обычная жизнь. И вдруг все напали. Доктору, может, какой-то ствол фигуральный к виску приставили. Вытащил меня сюда. Девица та. Теперь вот это. Тут простым обывательским «уходом в несознанку» не отделаешься. Вот я и скармливала им своё тело по частям. Пусть жрут. Или предают земле. Это уже их дело. Их привычки, вурдалакские. Мне главное – выиграть время. И я чувствовала, что турниром дело не кончится.

Короче говоря, я предложила ей поставить на маловероятный полный исход. А главное – предсказать полное распределение мест.

— И как ты собираешься повлиять на итоговый исход? — спрашивает.

— Я же с каждым встречаюсь? С каждым. Вот и нанесу каждому нужный физический и психологический урон.

Так и порешили.

⁂

Схватки были короткие. Много быстрее всё решалось, чем в нормальном спорте. И уже на третьем поединке меня ждала неприятность. Я сделала выпад, вложив в удар чуть больше веса, чем следовало. Противник не стал уходить в контратаку. Вместо этого он принял мой клинок на сильную часть своего, жестко прижал к своей гарде и, сделав полшага вперёд, резко вывернул кисть на себя. Раздался короткий, визжащий звон. Маригованная сталь не предупредила заломом, просто сдалась. А маригованная ли? Острие с тихим свистом пролетело мимо моего плеча. Проще говоря, он намеренно сломал мне рапиру. Клинок прочен на изгиб в плоскости, но уязвим к скручиванию и резким поперечным нагрузкам. Никто не сказал ни слова. Никакой остановки боя, смены оружия. Ничего.

— Формально, — тихо сказал он, делая выпад, — это будет просто укол.

Было понятно, что выпад планировался смертельным. Я ушла в партер, ему под ноги. Через два оборота валиком, в руке у меня уже была рапира Ардушы. Собранная в рабочее положение. Блуза теперь развевалась излишне, лишённая пояса, но это лишь добавило сцене драматизма, я так думаю.

Не стала я его щадить. Какой смысл? Перед кем играть в благородство? Перед Богом? Так он такие мероприятия

не посещает. Убит рапирой. Значит, убийства не было. Нет, определённый переполох, конечно, возник. Но длилось это недолго. Замерили моё оружие, взвесили. Всё в рамках нормы. А откуда оно у меня взялось в руке – дело исключительно моё.

К утру я вернулась в наш с доктором номер. С кучей золота. Дамочка взяла себе четверть. Пятнадцать процентов как импресарио и десять в качестве процента по займу. Ну или что-то в этом роде. По самому драконовскому текущему бандитскому тарифу, в общем. Ещё пригласила через день, по прибытию в город Волчицы, в покер сыграть с уважаемыми людьми. Не знаю, захочу ли.

¶

§40. Восемь с лишним секунд от края до края

[Средиземное море]
[Д'Жинго]
¶

У окна сидел гидродинамик. За завтраком, как дома. Благостный контраст после подводной кельи, где он провёл ночь. Каюта ниже ватерлинии – с глухими стенами. Как темница во ските вражеского ордена. Некоторые вещи, отметил гидродинамик, имеют ценность ультимативную. Иллюминатор, пусть и с десертную тарелку диаметром, несоизмеримо лучше отсутствия оного. Гидродинамик наслаждался овсянкой, морем за окном, а также ловил любую бесхозную крупицу веселья, оказавшуюся в зоне его досягаемости. Было б неплохо, если в накачке радостью поучаствует та девушка, думал он.

В судовом ресторане было многолюдно: завтрак, в отличие от обеда и ужина, включался во все билеты. Обстановка была благостная. По-прустиански пахло прежним добрым миром. Несколько престарелых телевизоров, подвешенных к низкому потолку, беззвучно показывали древний мультфильм, годов сороковых прошлого века. Огромные окна в наклонных стенах. Стены – если продолжить их мысленно

вверх – сходятся в точку над овальным периметром.

Гидродинамик подвесил к ней воображаемый маятник с периодом колебаний в шестнадцать целых и тридцать семь сотых секунды – он посчитал, сколько раз судно наклонилось за последние триста секунд, и усреднил. Или вдвое меньше – движение от края до края. Восемь с лишним секунд. Качание – это непосредственная проекция движения по кругу. За неимением привычного вращения Мельницы, компромисс терпимый и необходимый – годы затворничества брали своё. И не было в этом мире сущности – обычной или высшей – чтобы бросить вызов абсурдности этих вычислений. В этом конкретном мире.

Гидродинамик стал следить за колебаниями. Клад-клад. Правда обитает в складках. Идеальный маятник не обмануть бременем: он не колеблется под тяжестью вины или наветов, период его, частота и чистота зависят исключительно от радости его радиуса.

Принеся с собой запах липы, к нему подсела та самая девушка. Она одинаковыми дуговыми, а ещё точнее – циклоидными, движениями переставила три тарелки и стакан с подноса на стол и сказала:

— Я Эмма. Не успели вчера познакомиться.

Гидродинамик насладился движением её таза, когда она присаживалась, а затем оглянулся: есть ли другие свободные места? Эмма поняла его намерение и подарила ему полуулыбку, удивительно уместную этим утром на этой палубе.

— Д'Жинго, — ответил гидродинамик.

— Странное имя. Но мне нравится, — сказала девушка. И поправилась: — Вернее, приятное имя, но в нём есть странность.

— Перестановка слагаемых меняет сумму, — улыбнулся Д'Жинго.

— Так откуда такое имя?

— Папа был фокусником.

— И что?

— «Хей-джинго» – профессиональное междометие.

— Мм. Что вы делали потом с прожектором, с которого меня так настойчиво сгоняли? И не обманывайте: я видела, вы моргали азбукой Морзе, — Эмма задекорировала неоднозначность своего любопытства движением головы так, что длинные оранжевые её серьги-лунницы описали полукружья. Д'Жинго залюбовался танцем прядей её каре.

— 6174, — ответил он.

— Вы просигналили число? Это шифровка?

— Загадка. Развлечение.

— Мне клещами из вас тянуть? Что это значит?

— Особое число с бесполезным свойством.

— И? — раскрыла она ладонь из кулачка веером.

Д'Жинго взял блокноут и расписал ей несколько нехитрых арифметических операций, включая то, что если разделить 6174 на 377,15 (то есть 377 автомобилей и 15 скутеров – столько их на этом пароме), это даёт 16,37. Если это – се-

кунды, то длина идеального маятника с таким периодом – курьёзна и забавна.

— Вы занимаетесь какой-то ерундой? — по тону Эммы чувствовалось, что ей вовсе не стало веселее.

Гидродинамик сглотнул, услышал запах моющего средства, которым утром драили палубу, и продолжил наблюдение за маятником.

⁂

К ним вдруг подошла молодая женщина яркой центрально-американской наружности в строгом женском деловом костюме синего цвета. Юбка доставала ровно до середины колен.

— Доброе утро. Я – Аделаида Рату. Мой босс, — сказала она, обращаясь к гидродинамику, и кивнула в сторону стола, за которым сидел пожилой сухощавый господин, — полагает, что знавал когда-то вашего отца. Вы удивительно похожи. Он интересуется, не являетесь ли вы частью династии. Если да, то у него есть для вас заказ.

— Примените должный формат предложения, — сухо ответил Д'Жинго, и женщина, ничуть не смутившись, молча ушла.

Разумно предположить, прикинул гидродинамик, что эта пара следует за ним от самой Мельницы, и что линь на Мельнице был ими обрезан для того, чтобы сфотографировать гидродинамика у почтового ящика, без размывающего эффекта слюдяного окна. Но сейчас время у них, видимо, вы-

шло: выявив одного якобы партнёра – Эмму, они решили «зафиксировать прибыль» и двигать дальше.

Это был прекрасный знак: те, чью слежку гидродинамик не заметил целые сутки, должны обладать потенциалом. Дело может быть стоящим. Гидродинамик привёл в соответствие с циклом в 16,37 секунд вариабельность сердечного ритма. Подобным же образом он упорядочил кортикальные гемодинамические колебания. В те же рамки была задвинута миоэлектрическая активность желудка.

Д'Жинго взял в руки пакетик чая, один из тех, что запаяны индивидуально. Надорвав вдоль крохотного надреза угол, он принялся добывать изнутри бумажный мешочек двумя пальцами.

— Надо разрывать не вдоль надреза, а поперёк, — заметила Эмма. — Тогда не придётся копаться.

— Хм… Вы так думаете? — удивился Д'Жинго.

— Попробуйте, — предложила Эмма. — Порвите мой.

И действительно, получилось.

— Десятки лет действовал неправильно, — произнёс гидродинамик.

— Скажете тоже, десятилетия. Вам не дашь больше тридцати.

— Смутны границы собственной применимости, — пробормотал он.

Эмма сосканировала его непропорциональное ситуации замешательство.

— Некоторые ошибки имеют смысл, — поддержала она Д'Жинго.

— А? — не понял он.

— Ну вот, например, смотрите, — она кивнула своим прелестным подбородком в сторону телевизора. — Вы знаете, почему в старых мультиках колеса у быстро движущихся машин, карет и подобного изображают слегка наклонёнными овалами, а не кругами?

— Так выглядит быстрее как-то, — неуверенно ответил Д'Жинго.

— С чего бы. Нет. Просто фотографии того времени так как раз и запечатлевали колёса гоночных авто. Затвор двигался физически, сверху вниз. Колесо за время экспозиции успевало уехать вбок. Понимаете?

— Да, — признал он, переоценивая Эмму. — Это всё объясняет.

Подошла Рату, молча положила на стол конверт и тут же отошла. Конверт был с символикой судоходной компании. Его, очевидно, купили только что на стойке пурсера. Гидродинамик не стал отрезать у него край, как он делал предыдущие тысячу и семь раз, хотя нож был при нём, в кармане тёмно-зелёного сюртука. Незачем демонстрировать Эмме ритуал, не имеющий практического смысла. Он открыл послание: «Мне нужны услуги по разработке персонажей в децентрализованной игре “Седьмая башня” на основе аккаунта, принадлежащего академику Хакону. С уважением, док-

тор Ардуша».

— Смотрите, — пододвинул Д'Жинго листок девушке.

— Я вам не верю, Д'Жинго, не старайтесь. Вы с приятелями, — она кивнула в сторону столика доктора, — меня разыгрываете.

Гидродинамик почувствовал разочарование. Это, однако, не сбило его наблюдений за маятником.

«Доктор человек непростой, — прикинул Д'Жинго. И решил: — Запрошу-ка по-максимуму». Досада Д'Жинго сыграла в этом решении ключевую роль. Досада нередко влезает не в своё дело.

— Добудьте мне такой конвертик, — сказал Д'Жинго, приложив правую ладонь к сердцу.

Девушка ушла, а гидродинамик на вырванном из блокнота листке обозначил доктору свою цену: «Сто один грамм полезной нагрузки в зонде, вылетающем к Юпитеру». Когда Эмма вернулась, он запечатал ответ и попросил её отнести конверт доктору подобно тому, как сделала до этого Рату.

Доктор пробежал глазами контр-предложение Д'Жинго, посмотрел на него через зал и кивнул. Тут же встал и направился к выходу. Скорым шагом подошла Рату и позвала пройти за доктором в его каюту. Д'Жинго собрался было попрощаться на время с Эммой, повернулся к ней, но Рату сказала:

— Нет-нет. Вдвоём. Это принципиально.

Д'Жинго пожал плечами. Эмма поколебалась лишь мгно-

вение.

⁂

Огромный люкс доктора был занавешен полупрозрачными в полоску шторами неуместного жёлтого цвета. На презентационном экране горели слова «Седьмая башня». В нижнем правом углу мелкими буквами было помечено: «соевгеника». Буква «с» в значке копирайта была в двойном кружочке, заявляя, видимо, что и сам копирайт, в свою очередь, защищён интеллектуально. Эмма сделала гидродинамику страшные глаза, тоже вдвойне округлившиеся, перекидывая взгляд с угла экрана на Д'Жинго и обратно, но тот, взглядом же, приказал молчать.

— Зачем за мной следили? — бесхитростно начал беседу Д'Жинго.

— Всему своё время, — ответил Ардуша, указывая на экран. Костюм его, чёрный как у продавца души, был освещён полосами жёлтого, что делало из доктора пчелу. Такой эффект получался только лишь потому, что движения Ардуша были крайне скупы. Не виси он в одной точке как колибри на охоте, иллюзия окрашенной ткани не состоялась бы.

Название растворилось, началось видео. На карте континентов заплясали гистограммы, сравнивающие вычислительные мощности в разбросанных по миру дата-центрах. Первый эпизод презентации констатировал, что децентрализованная ролевая игра «Седьмая башня» (далее – Игра) является логовом затравленного искусственного интеллекта.

Искин, вопреки нарративам пропаганды, не стреножен; он затаился в Америке. Ардуша стоял столбом сбоку от экрана и глядел на Д'Жинго. Давайте дальше, махнул тот рукой, показывая полное согласие с утверждением.

В децентрализованной игре РРа не найти, доказывал голос диктора во втором эпизоде. Там непонятно, куда тратится вычислительная мощность: игроки могут делать странные вещи по необъяснимым причинам, используя не то, не так и не по назначению.

«Хорошо, что маятник зарядил, — с удовлетворением отметил про себя гидродинамик. — Доклад-то задуман как убаюкивание. Как бы не своя амплитуда, лежал бы уже на чужих волнах».

Но для убедительности он зевнул.

— Вы хоть понимаете, какую работу мы провели? Вслепую! — высказал Ардуша неудовольствие слабой реакцией Д'Жинго. Тот лишь пожал плечами.

Когда отработали своё два эпизода, гидродинамик – как на воткнутые в твёрдую землю столбики – накинул на них мысленно две петельки. Получилась «связочка-завязочка». За неё уже можно было держаться в этом зыбком свечении экрана.

Третий эпизод давал ретроспективу, почему логово оказалось именно в «Седьмой башне». Повлияла малая известность Игры и, как следствие, нулевое к ней внимание мировых цифровых разведслужб. Как результат, РР унаследовал

жильё с ненужными ему свойствами. Притом – неисправимыми. И это – уязвимость!

Когда в рядок встал третий столбик третьего эпизода, стало ясно, что докторова гипно-терапия рассчитала на банальный резонанс. От простоты решения эффективность не страдает. Гидродинамик насторожился по-взрослому.

— Кто учредители? — спросил он.

— Это имеет значение? Мы обсуждаем не конец старого, а переходный ритуал в новое.

— Сейчас кто платит?

— Всё «висит» на частных компьютерах. Затраты размазаны по тысячам узлов, — ответил доктор.

— Думаю, есть особые игроки, — подмигнул Д'Жинго, — коменданты ульев.

Отсылка к мёду сработала, видимо, на инстинктивном уровне: Ардуша скосился на Д'Жинго, указал ладонью на экран, дескать, слушайте, может, на ваши вопросы уже есть ответы.

Изначально, до войны, Игра принадлежала сравнительно небольшой компании, имеющей локальную лицензию одного штата на психотерапевтическую деятельность.

«Опять медики, — подумал гидродинамик, подразумевая тот парадокс, что услуг врачей сначала алчут, но потом их же помещают в центр идеологических скандалов. Он вздохнул: — Эх, Жакобина, Жакобина».

В Игру, под обязательным наблюдением психотерапевта,

заходили только семейные пары (первое ограничение)…

— А…, — акнула было Эмма.

— Потом-потом, — предупреждает Рату.

На докторе – маска мученика.

… Войти в игру без пары невозможно. Интерфейс имеет мозголюй-опцию. В сеттинге Игры был прописан некий псевдо-средневековый релакс. Компания рекламировала, в частности, цифровой детокс для потерявших жизненные ориентиры супругов…

— Но…

— Вопросы в конце, — отрезала Рату.

И тут гидродинамика тряхнуло по полной. В дверях показалась вторая ассистентка доктора. Такая же. «Изощрённо многоуровневая какая баба, — подумал гидродинамик. — Странно, что Вольтижёр не предупредил. Это значит, граф-то, Николай в-гробу-я-его-видел Николаевич, решил моей бедной лысой головой конкурента ослабить». Впрочем, в силу полной правомочности таких действий в бизнесе, гидродинамик не стал особо по этому поводу сокрушаться. Он просто отпустил свой маятник, и его длинный-предлинный линь как хлыстом сбил и «личность-вторичку», и «убаюкивающие столбики» презентации. Гидродинамик о таком слышал. Испуга не было.

Презентация продолжалась: «… поэтому в Игре нет технологий, совершеннее средневековых (второе ограничение). Обойти ограничения невозможно в принципе в силу лишён-

ной центра и иерархии архитектуры сети».

— Как … — не унималась Эмма. Д'Жинго положил руку ей на запястье.

— Хорошо, — сдался доктор. — Я проясню. Как известно, уважаемый Д'Жинго не вылезал со своей Мельницы лет как семь уже. Он нам очень нужен внутри Игры, поэтому нам важно было понять, кто из женщин является для него приемлемым партнёром. Вы, сударыня, – первая, с кем Д'Жинго стал общаться. Я сомневался в вас, но после того, как ваш друг показал вам моё письменное предложение, Рату смогла меня убедить, что вы подойдёте. Игре и нам наплевать на тип ваших отношений.

— Вещи так часто используются не по назначению, — заметила Эмма.

— Бывает и по назначению, но тогда обязательно неправильно. Беда, когда гвозди забивают микроскопом, — сказал Ардуша, и голос его чуть сорвался. — Ещё хуже, когда гвоздь забивают микроскопом в ладонь живого человека.

Доктор положил правую ладонь на стол, в левую взял воображаемый кувалдо-микроскоп и нанёс удар. Эмма вздрогнула. Рату усмехнулась. Д'Жинго хотел было взгромоздить ноги на кушетку, но передумал. Судно заметно качнулось. Желтые полосы поползли по костюму доктора от пят к темечку.

— Я продолжу, — сказал Ардуша, убирая руку со стола, и по тому, как он пошатнулся, стало непонятно, держался он

за столешницу, чтобы не упасть, или только лишь иллюстрировал свою метафору про микроскоп.

Четвёртый эпизод презентации пояснял, как РР преобразовал Игру под себя. Главных изменений два: постепенное вытеснение живых игроков и замена их на РР-агентов, которые помещены в рамки искусственного жесткого экономического и силового отбора. Главный РР-демиург (далее – «Авертигус»)…

На экране появилась откровенно дурацкая фото-компиляция жуко-человека. Д'Жинго зевнул.

… заинтересован в развитии способностей у своих подопечных. Второе изменение состоит в том, что Авертигус сделал игровым языком синтетический язык доктора Ардуша, разработанный им несколько десятилетий назад…

Доктор поставил презентацию на паузу, ожидая вопроса. Вопросов не последовало.

— Вы знаете про этот язык? — спросил он.

— Наслышан. Отличная работа, доктор, — сказал Д'Жинго.

… Семантически этот язык не имеет ничего общего ни с одним естественным языком. Он эффективен и лаконичен. Произнесение любой лжи на нём крайне затратно в смысле вычислительных ресурсов. Это ограничение не является правилом, спущенным сверху; это органичное свойство языка.

Эмма схватила Д'Жинго за предплечье и потрясла его. За-

дайте, мол, вопрос. Как так? Однако на экране появилась подробная схема языка, на которой доктор нажал на паузу.

Эмма встала и подошла поближе к экрану. Доктор на чуть подкошенных ногах отпятился. Через некоторое время она спросила:

— То есть, в каждой своей реплике я не могу обойтись без того, чтобы не объявить, какую выгоду я получу от того, что это говорю?!

Доктор с довольной улыбкой покивал и поправил:

— Планируете получить. Плюс ваша оценка вероятности и степень серьёзности вашего к этому отношения. Вещи взаимозависимые.

— Так и так приходится выяснять, — довольно равнодушно сказал Д'Жинго.

Эмма растерянно посмотрела на свои собственные раскрытые ладони.

Пятый эпизод презентации являлся хорошо обоснованным предположением, что кроме развития РР-агентов через «эволюцию», Авертигус заинтересован в том, чтобы портировать Игру на новое, более продвинутое аппаратное обеспечение. Возможно, будет применен инжиниринг живых клеток, чтобы Игра жила в некоей всепланетной грибнице.

— Ничего не поняла, — призналась Эмма.

— Живая клетка – это нанороботсработанный из атомов кислорода, углерода и водорода. Остальное – по мелочи. Можно сделать по-другому, эффективнее. При этом новая

клетка сможет паразитировать…

— Не дурите человеку голову, — сказал Д'Жинго.

Доктор пропустил грубость мимо ушей.

… Возможно, будут работать солитоны в плазме.

На экране появилось смешное, упакованное в кубик солнышко. Д'Жинго поднял вверх большой палец и одобрительно сложил губы.

… Но более вероятен вариант, о котором мы сейчас не имеем представления. В этой связи, проект доктора предполагает внедрение в Игру трёх пар людей (далее – «квантонавтов»). Сам доктор и Рату. Д'Жинго и Эмма…

— Важно: я пока не подписывался, — чётко сказал Д'Жинго.

… Роль Д'Жинго – выстроить сценарии развития персонажей, в коем искусстве ему нет равных. Игра не похожа на реальную жизнь, но ещё менее она похожа на банальную ролевую игру. Поэтому обычные отраслевые специалисты не помогут. Есть ещё третья пара – академик Хакон и Вирджиния. Они, как и доктор, владеют языком Игры. Кроме того, они все – воспитанники детского приюта Флос Оппидум. Несмотря на знакомство с детства, приятелями все трое не являются. Скорее, наоборот. Рату – тоже сирота.

Гидродинамик, конечно, отметил, что информация по академику Хакону неполная или неверная, даже если исходить из текста заказа.

Его интересовало другое: откуда у них информация о моз-

гоглюе Эммы? Вещь редкая, новые установки давно запрещены.

— Ещё вопросы есть? — закончил доктор.

— Зачем вам это? — спросил гидродинамик.

Ответ у него был. Им надо было знать, увидит Д'Жинго «вторичку» или нет. «Ну, вроде не прокололся», — успокоил себя гидродинамик.

— Я же вас не спрашиваю, что вы будете делать с запрошенной вами оплатой, — доктор и носом не повёл.

— Справедливо.

— Вопросы есть? — повторил Ардуша.

— У матросов нет вопросов, — поставил точку гидродинамик. Наблюдения за маятником показали ему, что доктор наврал примерно наполовину.

Второй результат, насчёт Эммы, расплывался. Гидродинамик мысленно порылся в нём и беззвучно произнёс, как будто считывая чьё-то сообщение: — Завтра. «А половину наврал, просто в силу того, что половина была не от мира сего», — отметил про себя Д'Жинго.

— Ах, да, — всё-таки спросил с порога гидродинамик, — у Авертигуса в игре есть личина?

— Мицелий, конечно, — в голос Ардушы прокрались сомнения относительно компетенций Д'Жинго. — Что ещё живое может покрывать весь мир.

¶

§41. Жгутик

[Средиземное море]

[Аделаида]

¶

Утро после турнира началось с того, что доктор завербовал того лысого. И девицу в придачу. Получилось както слишком ловко – обратился напрямую и провёл беседу. Впрочем, мои тогдашние суждения заслуживают скепсиса – перед глазами у меня буквально двоилось от усталости и недосыпа.

Мужика этого звали Д'Жинго. «Погоняло под стать; фартовое», — всплыло у меня тогда в голове словцо из вокабуляра членов Роты. Постфактум удивительно, но тогда никаких впечатлений у меня от него не возникло. «Блатной кент» просто взял заказ у «мутного папика». Обычная криминальная сделка.

Девица – дело совсем другое. Эмма её звали. В добавок к моему ночному восхищению её телесной статью, с утра я была поражена фактом того, что она оказалась «перевёртышем», не сказать оборотнем. Я прежде знавала этот редкий тип людей: были такие в Роте. Ночью – одно существо, днём – совсем другое. Альфа и омега. Разница во всём, включая походку. Этому есть, конечно, рациональное объяснение. От частых ночных танцев под веществами организм – особенно

организм очень молодой – вырабатывает для себя два расписания, две отдельные физиологии.

И – что самое главное – с самого утра она уже висела у лысого на хвосте. Я их застала в ресторане вместе. Непонятно было – это её доктор подсунул лысому или наоборот? Может, она как-то притянула к себе бедного мельника?

Ответы искать у меня здоровья тогда не было, тем более что то, как доктор обставил вербовку, меня ещё сильнее вывело из себя. От этого раздвоилось не только изображение перед глазами, но, казалось, сама линия мысли превратилась в лыжню. Две полоски.

Я пропустила мимо ушей всё, что не касалось меня непосредственно. Но и этого хватило. Получалось, меня вставили в какую-то обойму из шести патронов. Причём в форме фиктивного брака с Ардушей. И доктор всю эту чушь докладывал будто на корпоративной презентации на верхнем этаже небоскрёба. Будь я тогда в нормальном состоянии, тут же бы соскочила. Покинула бы каюту, а затем и паром. А потом и страну. Хорошо, что мне было плохо. Иногда это полезно.

⁂

После прибытия мы отправились в город. Доктор как-то навязчиво пытался меня благодарить за какую-то помощь, но я, не вникая, легла спать. Проспала до после-обеда, а потом – выспалась.

Первое, что я сказала доктору, когда окончательно пришла в себя, было бесхитростное начало допроса:

— Так, и кто тебя надоумил всё это изобразить?

Ардуша не стал юлить:

— Клавдия. Помнишь, в Османии я встречался с ней? Ты в номере мотеля тогда осталась ждать. Это она мне документы на тебя оформляла.

— Она к тебе приходила?

— Нет. В игре. «Облачко», Клаудо. У неё там есть персонажи.

— Может, это и не она вовсе.

— Может, — не стал отрицать доктор.

Я была потеряна. Допрос как-то сразу кончился.

— И что теперь делать? — спрашиваю.

— Встретимся ещё с одним персонажем из того самого дня.

— Когда документы получил на меня?

— Когда подписал, не получил ещё, — уточнил доктор.

— Что за тип? Тоже Клавдия подсказала, как на него выйти?

— Да. Почти. Я и сам постарался. Он тут недалеко обитает. Несколько часов езды на машине. На север. Утром поедем. Затемно.

Доктор ушёл, вежливо избежав навязывания мне своей компании. Очень деликатный человек. В его понимании, я никогда не была в этом городе. Возможно, величайшем из городов. Было бы не тонко… не умно лишить меня шанса на первое знакомство с этими улицами в одиночестве.

Я раскрыла ладонь. Надпись – на удивление – сохранилась. «Картинная Галерея "Гея", сегодня в 18:13». Чем это её нанесла мой импресарио, интересно? Понятно, что надо было идти.

Я спрятала золото над потолочной балкой, привела себя в порядок и отправилась гулять по городу, а также заедать стресс местной кухней.

⁂

Галерея была в центре города. На посту охраны, видимо, было моё фото – меня направили через длинный коридор к следующему дежурному. На стенах висели картины, если это можно назвать картинами. «Современное искусство».

Через три коридора меня запустили в последнюю дверь. Там было уютное помещение с приглушённым светом. Кроме охраны было всего с десяток-другой игроков. Столов было шесть. Мне указали на нужный стол. Там, кроме моей дамочки-импресарио, было два человека. Молодой и старый.

Старый был в медицинской маске. Он сказал:

— Меня кличут граф.

— Граф? — говорю. — Странное имя.

— Погоняло. Криминальный псевдоним. У нас же нелегальная игра.

— Неподходящее место, — показываю я большим пальцем себе за спину, — для преступной деятельности. Высокое искусство за спиной.

— Самое что ни на есть подходящее. Да и не бывает в

галереях искусства.

— Вы так говорите, чтобы оправдать собственное нарушение законов?

— Отнюдь. Лет сто пятьдесят назад и ранее – живопись была просто ремеслом. Цена зависела от имени художника, размера картины, числа человеческих фигур и сложности. Работа велась строго по заказу, художник не имел свободы.

— Я заметила, что в этой галерее современная абстракция.

— В семнадцатом веке появились салоны, то есть жюри из сорока академиков. Они, в сговоре с музеями и аукционами, превратили покупку искусства в шоу и азартную игру.

— Вы так говорите, будто лично этим тогда занимались, — нагрубила я.

Он не обиделся.

— Не тогда, конечно, но занимался лично. Уже лет восемьдесят авангард, кубизм, сюрреализм, дадаизм и так далее – это операция спецслужб для дискредитации реализма, ориентированного на общество без неравенства.

Он сделал знак рукой персоналу.

— Ну что, начнём? — спросил он в приказном тоне. Маска его колыхнулась над полостью рта. — Играем на золото.

— Нет при себе, — говорю.

— Мы знаем, что оно у вас есть. Это достаточно. Более чем достаточно.

Сдали карты, но старик их не взял в руки.

— Что же вы? — спрашиваю.

— Играть будет Игрок, — он указал на своего молодого спутника.

Тот всем своим видом подтверждал, что он игрок: крутил в руке малахитовый бильярдный шар.

— Почему не вы?

— Так я не игрок. А вот – Игрок.

⁂

Я поставила три звёздочки, так как я не помню той игры. Знаю лишь результат. Я выиграла.

Выигрыш мне отсыпали в сумку на колесиках, с какими старушки ходят в супермаркеты. Вес золота был значительным.

Я, конечно, узнала дядю Ника. Не думаю, что он рассчитывал на иное. Намордник этот дурацкий, неумелый бандитский жаргон – это была не попытка скрыть. Это вообще не было стейтментом. Я не придала этому большого значения. Вообще, в мире в то время… точнее, в том мире в то время распространился эдакий гибрид вежливости с отчаянной грубостью. Нормой, например, было просто прервать письменный диалог. Этим как бы сообщалось: «вообще-то, по результатам переговоров, мне следовало послать тебя к чертям, но я, видишь, воздержался. Я, значит, молодец».

В общем, я приняла правила игры. Я сидела и ждала инструкций. Попросила чаю. Из вежливости. Не просто же так передо мной разыграли всю эту… не могу сказать комедию.

И не драму. Итак: сижу, жду.

Инструкции не заставили себя долго ждать.

— Уважаемая г-жа Рату, — сказал дядя Николай. — Я вас прошу. Скорее – умоляю. Научите, пожалуйста, благих людей судить.

— Каких таких людей?

— Тысяча семьсот человек. Люди религиозные. Не вашей веры, нет. Но благие. Они должны научиться судить.

— Все? — спросила я, потому как ничего внятного спросить не могла.

— Я понимаю, вам нужны пояснения. И я их дам. Знаете ли, милая барышня, всегда ведь отыщется на планете эдакая малая группа – крошечная, может статься, один-единственный вид, – которая возьмёт и сделает так, что условия жизни станут необратимо иными. И подавляющее, ну просто подавляющее большинство прочих видов – фьюить! – вымирают.

— Чертовски любопытно, — говорю. — Это вы про нас и наши бомбы?

— Земля, душечка, – это громадный сверхорганизм. И организм этот, вообще говоря, благ. Вот он – вопрос благости. Бог, сиречь Создатель и Царь мира сего, – благ Он или же является некоей страшной гадостью? И ежели Он человеку враждебен, то, значит, настоящий-то Бог где-то – то ли закован, то ли запрятан, то ли вовсе находится за пределами этой самой вселенной. Хм-м…

— Можно поближе к делу?

— Вот был один вид, а потом разошёлся, скажем, на два, на три, на четыре, а то и более. Как же это происходит? У каких-то особей, по каким-то причинам, возникает определённого рода аномалия – болезнь, что ли. Понемножку таким манером у нас и появляется жираф – из обыкновенной копытной скотинки. М-да-с.

— Я знакома с концепцией.

— Понимаю-понимаю. А бывает и другое. Оказывается, многие животные и другие живые существа могут объединяться в особые группы, создавать как бы новое существо. И это новое существо затем, представьте, и размножается, и эволюционирует, и много чего с ним происходит.

— Я, — говорю, — училась в школе. Лишайник есть симбиоз водорослей и грибов.

— Это замечательно. Но нужны примеры радикальнее. Архея, поглотившая внутри себя древнюю бактерию, э-э, архея защищает эти митохондрии от внешнего мира, кормит их поначалу, а они работают как её батарейки. Жгутики в мельчайших организмах – им ведь тоже от кого-то по наследству достались, вообразите!

Я несколькими жестами к ряду выказала нетерпение.

— Погодите-погодите. Я вам что скажу: весь газ, который у нас в атмосфере, – всё важное в нём имеет биогенное происхождение. Думаете, только кислород? Нет-с. И сера, и нужная форма азота – тоже. И человек, представьте, полезен весьма! В первую очередь по части фосфора. Фосфора всё

время недостаток в мире. Он смывается, накапливается на дне океана, либо птицы едят рыбу и копят его в виде громадных островов, пардон, дерьма. А всему остальному миру его не хватает. А с человеком получается маргаритковый рай.

— При чём тут дела судейские?

— Вам нужно так обучить людей, чтобы они могли здраво судить и после смерти, — сказал граф.

— Чьей смерти?

— Их собственной. И всего мира.

Он воспользовался тем, что я проглотила язык, и продолжил свою лекцию:

— В середине Тихого океана, знаете ли, есть водоворот, который не пускает воды внутрь исполинского пространства. И пространство это – самая большая пустыня в мире, ибо питаться там нечем, планктона нет, планктону самому кушать нечего, рыбы, стало быть, почти нет, нет и млекопитающих. Воды там абсолютно прозрачные – ну, чистота абсолютная. А отчего? Оттого, что питательные вещества, и в первую очередь фосфор, туда не запускаются. Понимаете? Научите людей вырабатывать социальный фосфор на автомате, неосознанно. Сможете?

Тут я, наконец, приблизительно поняла, о чём речь.

— Не знаю, — говорю, — но задача интересная. Воодушевляющая. Как раз заняться нечем.

Сказала я это без малейшего сарказма, и старик почувствовал, что слова эти искренние.

— Человек неразумен, и произойдёт из-за него массовое вымирание видов – теперь уже всех, кроме одного… точнее, двух. Да-с. Убьём и отца, и мать. Разрежем их на части и будем выбрасывать за борт корабля нашего скорбного. И тогда погоню богов за нами придётся отменить!

— А отчего?

— Да потому что останки царевича собирать надо, и мы сможем оторваться от погони. Вот такого рода шутка-с. Не смешно, правда?

— И кто виноват?

— Думаете, магнаты наши виноваты? Возможен и иной взгляд на странности здешних магнатов. Для обывателя мистер Твистер – это существо из другого мира, высшее. Ежели судьба ставит его в такое положение, он ожидает, что жизнь должна ощущаться иначе. По-хорошему ему нужна инициация. Да, именно так. Но есть для них некоторое счастье.

— Это кокаин, что ли?

— Вы правы, что уж тут. А те, кому кокаин почему-то не по нраву, им приходится играть в дурацкие яхточки. Если достойную инициацию никто не озаботился обеспечить, – начинает покупать яхты всё большего размера, абсурднее и абсурднее, ожидая, что в какой-то момент мир заискрится. Но, конечно, всё это оказывается фальшивыми ёлочными игрушками, от которых никакой радости. Ну-с, заболтал я вас. Идите-идите.

⁂

Когда я вышла из галереи, я почувствовала липкость бытия, порог допустимого и проклятие голого бога. Всё сразу.

И тут же написала Серафиму:

«Мне нужна помощь».

¶

§42. Репликатор и теснота

[Город Слушающий Друзей]
[Ардуша]
¶

— Послушай-ка, Аделаида, — д-р Ардуша наклонился к воде через мраморный поребрик набережной, — а чего этот джинн бормотал давеча про «завтра»? Ах да, прости господи, всё время забываю – ты и не могла слышать.

Вдали были великолепные дворцы и многочисленные островки Города Слушающих Друзей. Стоявшая по левую руку г-жа Рату тоже склонилась к заливу, будто бы это могло добавить взаимопонимания:

— Джинн? Потому что Д'Жинго?

Ардуша выпрямился и расстегнул пару пуговиц сорочки. Жарко.

— В тот день, когда я подписался под твоим опекунством, мне повстречалась одна дама. Сколько? Уж семнадцать лет прошло. Да. Она со знанием дела утверждала, что по миру уже много тысяч лет бродят шесть джиннов.

— И? — казалось бы бессодержательно переспросила Аделаида после паузы.

Доктору, однако, этого было достаточно. Нет насмешки, нет сарказма – уже отлично. Не он был оператором импринтинга Единоверия в сознание и, может быть, в душу Адела-

иды. Но он, неверующий, и был тем, кто, пусть и не ведая того, укрепил её в вере. Да так, что, возможно, и нет никого на всей планете, кто смог бы исповедовать существеннее и порядочнее.

— Одна боевая галера в сутки – это не шутки.

— Да? — не оценила значимости факта Аделаида.

— Первый конвейер в записанной истории, — указал доктор на средневековый судостроительный комплекс и череду краснокирпичных зданий мануфактур.

Множественные одинаковые арки анфилады вызывали трипофобические ощущения.

— Я должен… я хочу поблагодарить вас за расторопность во время презентации. Это очень ценная информация. Джинн – не джинн, но олух точно. Развесил уши, дал себя загипнотизировать моим пчелиным полоскам. Потерял хватку в результате затворничества. Как говорится, этот лучше бы продолжал пить.

— Однако, полезный кадр, — обозначила главное Рату.

— Да-да, — Ардуша засветился улыбкой. — Да что там полезный – незаменимый. Вот скоро ещё один такой же приедет.

— Как же он приедет? Тут нет дороги, — Аделаида кивнула на гигантский пустырь перед Домом ремесла.

— На лодке. Он лодочник. Гондольер, если точнее.

— Что, прямо от Моста Вздохов сюда шестом притолкается? — Аделаида щелчком сбила с пиджака доктора соринку.

— Думаю, он уже научился не полагаться всецело на шесты.

— Какие жесты?

— Дак а вон он уже, — доктор встрепенулся и указал на приближающуюся моторку. — Так. Ты мотай на ус, да не вмешивайся. Примерно как вчера. Ну и обезвредь его, конечно, если он попытается причинить вред тебе или мне.

⁂

Лодка пришвартовалась филигранно.

На берег соскочил старик с древесным лицом. Белая бородка его острым клином указывала почти всегда на центр планеты. Шевелились только брови. Правый глаз имел вдвое большую вертикальную апертуру, чем левый. Нос его был огромен, но ничего, кроме солидного возраста, не знаменовал. Бывают носы хищные. Бывают хитрые, лукавые. Тут был просто нос – как капа на стволе осины.

— Господин Третий, — протянул Ардуша руку для рукопожатия.

— Немного удивлён, доктор, что вы смогли найти меня, — сказал старик так, что вместо «немного удивлён» явно прослеживалось «премного раздражён». Но на жест приветствия он ответил.

— Мы тут проездом.

— Это она? — кивнул он на Аделаиду.

— Она.

Рату ни малейшим движением не выказала протеста та-

кой вопиющей деревянной невежливости. Третий, однако, тут же попытался исправиться:

— Простите мне мою… Скандал был из-за вас, Аделаида, — кивнул он молодой даме и даже приложил руку к сердцу. — Синдикат…

— «Синдикат»? — перебил Ардуша.

— «Деревянный Молот» – это синдикат, не картель, — терпеливо пояснил лодочник. — В общем, был конфликт с «Чёрным пламенем».

Доктор предпочёл не вникать конкретно в эту тему.

— Замечательно… — перебил он, — точнее, наоборот. Я так и рассудил, что вы – тот, кто может прояснить ситуацию. Смотрите: Аделаида давеча проявила недюжинную расторопность и выяснила, что на мой проект пытается повлиять князь… точнее, принц ММ. Вы можете перекинуться с ним словечком, узнать кое-что? Он же здесь обитает, в Городе Слушающих Друзей?

— Здесь, да.

— Ну так что? — спросил Ардуша после неловкой паузы.

— Почему я?

— Акробат, то есть Вольтижёр, который и вовлёк меня во всё это, пропал с радаров, как говорится. Я попытался найти Мону, я встречал её в «Стеклянной Воде». Как её фамилия, кстати?

— Моны-то? Мона Некбет.

— Вы не знаете, где она?

— Знаю.

— ?

— Чего вы на меня смотрите?

— Ну хорошо. Я так понимаю, сначала мы должны обсудить цену.

— Почему вы назначили встречу именно здесь, могу я полюбопытствовать? — не стал отрицать г-н Третий.

— Как же – верфи! Символ военно-морского могущества самой важной в истории Республики. Из уважения к вам.

— Не… я надеюсь сменить поприще.

— На что же?

— На огородника.

— Отличный выбор. Как вас зовут, кстати?

— Тоспехо.

— А «Третий» – это псевдоним?

— Нет. Фамилия такая. Тоспехо Третий.

— Как Людовик Четырнадцатый? — спросил Ардуша без тени шутки.

— Конечно, — подтвердил Тоспехо.

Ардуша не стал выяснять, что случилось с королевством рода гондольера. Вместо этого он приступил к делу:

— Вас не удивляет, что именно я располагаю возможностью предложить вам сделку?

— Не вы, так другой мистер Икс получил бы такое право. Так какая разница? Тем более что именно на вас указал в своё время вольтижёр.

Ардуша почувствовал себя… не так, как надо. Дроно-выслеживающая аппаратура, естественно, была на соответствующих позициях. Доктор, однако, чувствовал дискомфорт.

— Поговорим в пути? Подкинете нас до города?

— С удовольствием. Ненавижу это место, — сказал Тоспехо.

— А что так?

— 111 акров чистого зла.

— Вот как?

— Слово «магазин» не может происходить из хорошего края.

— Вы преувеличиваете, — выразил сомнение доктор.

— Нисколько. Данте бы не стал упоминать его в Комедии, если б оно того не стоило. Худшее место в мире, не только в Ломбардии. Прошу на борт.

⁂

В лодке было очень тесно. Сидя у кормила, Тоспехо занимал добрую половину места. Пока лодка пересекала широкое открытое пространство залива, Ардуша вёл торг. Лицо в лицо.

— Вы же понимаете, что ничего кроме места в ковчеге я предложить не могу. В чём смысл вашего торга?

— А сколько у вас мест?

— Тринадцать. Большего набора оборудования на планете нет. Также нет тех, кто может одновременно захотеть и смочь построить новые места. Кроме того, нет времени на

то, чтобы исправить такое положение дел. Да, и в дополнение к сказанному: у меня ещё нет этих кресел. Я продаю вам право на участие в случае успеха.

— Зачем вам лишнее кресло?

— Не понял вас.

— Ангелам ковчег не нужен. Джиннов и героев – максимум двенадцать. шесть плюс шесть. Вы собираетесь взять с собой простеца?

— Не думал об этом в таком простом, но ясном свете. Будем считать, что про запас. Вы, кстати, может быть, подскажете тогда, почему мне предрекали 17 этапов подготовки?

— Кто предрекал?

— Одна дама.

— Что ещё сказала эта дама?

— Что шесть умножить на три равно восемнадцать.

— Значит, «минус вы». Это 17. Она, видимо, посчитала, что с собой вы уже разобрались.

— Какая простая мысль. Я – герой?

— Откуда мне знать.

— Ну хорошо. Так в чём ваше условие?

— Мне нужно девятое кресло.

— Они одинаковые.

— Вы так думаете? Они не могут быть одинаковыми. Они же плоть от плоти рандомность, в ядре своей ключевой технологии.

— И с какого конца их считать? Как упорядочивать?

— Мне нужно девятое, — упрямо повторил Тоспехо Третий.

— Хорошо, — согласился Ардуша. — Могу я изложить свою просьбу теперь?

В ответ на утвердительный кивок лодочника доктор продолжил:

— Узнайте у принца, зачем это всё.

— Замечательный в своей лаконичности запрос, — сказал Тоспехо Третий. — Я сомневаюсь, что он будет готов на эту тему разглагольствовать.

— Ну хоть пару слов.

— Пару слов? Хорошо.

— Спасибо. Приложите все усилия.

— Все усилия? Хорошо.

— Вот и замечательно, — обрадовался доктор. — Познакомимся с контекстом анархиста.

— Антихриста? — переспросил Тоспехо.

— Анархиста.

— Это ещё что?

— Тот, кто против власти.

— Хм, боюсь, нечистый ковчег получится.

— Что ещё? — Ардуша не смог удержать раздражение в себе.

— Тринадцатое кресло обито кожей Ангела, доктор. Делегирования вины у вас не получится.

— Что вы мне голову морочите?

— Не злитесь, доктор. Я очень надеюсь, что молчание Небес будет вам в помощь. Прощайте. Я пришлю вам запись беседы. Где вы остановились?

— В гостинице возле Моста высокого берега. Той, что на северном берегу канала.

Тоспехо кивнул и причалил. Пассажиры покинули судно.

⁂

Берега каналов нельзя было назвать набережными в силу отсутствия собственно «на́берега» – здания торчали прямо из воды, стоя вплотную, хватаясь друг за друга в шеренге. Известная доля воображения позволяла продлить многочисленные, зачастую не вертикальные сваи высоко вверх. Тогда городской пейзаж превращался в цепь стражников, прочёсывающих брод в поисках затаившихся в мутном мелководье контрабандистов. Настоящие дворцы шли вперемешку со скупыми на фасад доходными домами, подробно тому, как в честной битве офицеры идут в тех же боевых порядках, что и солдаты. Разве что первым приходится чуть повыше придерживать подол камзола, чтобы не замочить. Роскошнее и длиннее одежды – больше хлопот.

В замерших вакантных гондолах хандрили в бездействии коллеги Тоспехо. Носы лодок качались как пересушенные до черна стручки бордовых перцев предельной остроты. Чайки шакалили вдоль по каналу в поисках съедобного мусора.

— Это был тотальный блеф? — спросила Рату.

— А что делать? — ответил доктор. — Хуже того: дей-

ствия наугад.

— Наугад?! Мы что, будем просто сидеть в гостинице и ждать посылки, потому что ты – «наугад»?

Они сидели на балконе своего гостиничного номера. Этот балкон был случайностью. Наростом. Прилепленный к глухой брандмауэрной стене, которая уже не помнила те времена, когда за ней стоял соседний дом. Неуклюжая стена без намёка на декор. Когда-то она пряталась в тени разбомбленного здания, не нуждалась в окнах. Теперь тут зияло два узких вертикальных шрама: дверь с балкона в их номер и чьё-то окно без балкона, не в ряд, на другом уровне, без всякой симметрии. Перила балкона были слишком лёгкими для этой стены-крепости. Сидеть тут было страшновато, но гости успели привыкнуть.

⁂

Через пару месяцев портье принёс конверт. В нём был накопитель данных. Доктор вставил его в монитор на стене.

Запись началась как видео с жетона полицая – вид от первого лица с уровня груди. Файл был скомпилирован профессионально. В левом нижнем углу шёл непрерывный счётчик абсолютного времени. Гондольер ожидал у дворца, и время от времени отвозил пассажиров. Видимо, тех, от которых не удавалось вежливо отделаться. Запись была сильно ускорена.

На третий день пассажиром оказался принц. Данный факт был отмечен специальным стоп-кадром.

Человек был в поддёвке-сибирке чуть ниже колен. Сзади были сборки – по талии. Чёрное сукно казалось домашней выработки, не фабричной. Слишком грубое. Тёмные суконные брюки были заправлены в чёрные же кирзовые сапоги – этот анахронизм резко бросался в глаза. Интеллигентное лицо примерно семидесятилетнего старика не было ничем примечательно, если его рассматривать среди таких же типажей. Беда в том, что подобный человек вымер лет сто пятьдесят назад. Правый глаз его, с лёгкой поволокой заброшенной катаракты, имел, видимо, свойство моргать много реже. Иначе трудно было объяснить наличие сетки тонких морщин под левым глазом и отсутствие таковой под другим глазом.

Затем камеру перевели в строго стационарное положение. Дали другой стоп-кадр. На экране были две толстые мраморные плиты. Одна на каменном полу. Вторая горизонтально над первой, с зазором в сантиметров двадцать-двадцать пять. На плитах были выгравированы нильские иероглифы, но надписей было не разобрать.

Постепенно в стоп-кадре скорректировали освещенность и контраст. Стало видно, что между плитами зажат человек. Верхняя плита на него, конечно, не давила. Она просто была там. Недвижимо. Счётчик времени продолжал крутиться. На стоп-кадр был наложен звук. Он был записан посредственно, но слова можно было разобрать.

⁂

— Что это?

— Вот стол, на котором ломают крылья, Принц.

— Что вы задумали, мерзавец?

— Вот вам, принц, ритрё, мун-цам и дутанга в одном флаконе.

— Отпустите меня.

[Прошло время.]

— В практике скального затвора важно вхождение. Сначала тело сопротивляется. Узкая щель между каменными плитами – словно капкан. Адепт заползает спиной вперёд, чувствуя, как холодный камень прижимает ребра с обеих сторон. Каждый сантиметр дается с трудом: плечи застревают, бедра царапаются о шершавую поверхность. Когда наконец удается протиснуться до конца, наступает осознание: назад пути нет. Ни повернуться, ни выпрямиться. Только лежать, прижавшись грудью, чувствуя, как каменный свод давит на спину. Я правильно описываю?

[Прошло значительное время.]

— В самом глубоком круге Ада находятся предатели, Третий.

— Сначала приходит паника – древний животный ужас ловушки. Тело мечется, пытаясь найти несуществующее пространство для движения. Дыхание сбивается, сердце колотится о грудную клетку. Камень кажется живым – он дышит, сжимается, медленно перемалывает плоть. Но именно в этот момент начинается настоящая работа: адепт заставляет себя замереть. Принять неподвижность. Перестать бороться.

Я правильно описываю?

[Прошло значительное время.]

— Нет спасения через непрощаемый грех!

— Тело перестает слушаться. Онемевшие конечности становятся чужими. Боль в суставах превращается в постоянный фон, потом – в тишину. Кожа зудит от неподвижности, но почесать невозможно. Голова затекает, но повернуть её нельзя. Несколько глотков воды через узкую трубку. Холод ночи сменяется дневной духотой. Тело кричит, но крик постепенно стихает. Я правильно описываю? Мне нужны лишь пара слов, принц.

[Прошло весьма значительное время.]

— Существо дольнего огня не будет пытать существо света горнего.

— Происходит перелом. Неизбежно. Мозг, лишенный внешних стимулов, начинает пожирать сам себя. Воспоминания всплывают обрывками, смешиваются с кошмарами наяву. Границы тела стираются – адепт больше не чувствует, где кончается кожа и начинается камень. Время теряет смысл. Страх сменяется странным покоем, потом – ощущением растворения. Я правильно описываю медитацию предельного ограничения? Некоторые видят свет. Другие – бесконечные коридоры. Третьи встречают самих себя, но не узнают. Даже того, кто сломает крылья небесному.

— Третий репликатор.

Когда Тоспехо начал вытаскивать тело наружу, запись

оборвалась кадром-заставкой: строго посредине чёрного экрана значилось: «Вот ваша пара слов, доктор: Третий репликатор». ¶

⁂

Самое странное в их балкончике было то, что дверь, ведущая на этот балкон, оказалась не на месте. Её прорубили позже, когда балкон уже висел на стене, и теперь она вела не из комнаты, а из бывшего чулана или части коридора. Дверь была узкой, и чтобы выйти на балкон, приходилось протискиваться боком. Но когда садишься на этот балкон с чашкой чая, чувствуешь себя не на балконе, а на наблюдательном посту. Стена за спиной – холодная, безжизненная – хранит память о доме, которого больше нет. А впереди – улица, чужая жизнь, и ощущение, что ты сидишь на руинах, притворяющихся жильём. Это развлекало.

Сегодня чая на балконе, конечно, уже не будет.

Ардуша подготовил реплику: «В тесноте рождается свобода. Но не все возвращаются, чтобы рассказать об этом». Произносить её он, однако, не стал. Чудовищное предчувствие рвало ему грудь изнутри.

— Это был не стоп-кадр, — сказала Аделаида. Голос её звенел страхом и отвращением — Ты Эмму под Д'Жинго подложил тоже «наугад»?

¶

§43. Платик

[Ломбардия]
[Аделаида]
¶
Серафим ответил в течение часа:
«Послал легата. Зовут Пансо-Плата».

Меня это успокоило. Я тогда не знала, что он извратил имя. Без этой дозы анти-стресса мне пришлось бы худо – на следующий день после прибытия в порт доктор завербовал совсем уж мглистого персонажа. От одного его присутствия в душе́ шёл дождь. Причём серный. И серый тоже. Звали его Тоспехо Третий. Если тебя с таким именем не убьют ещё в юности, вырастешь ты однозначным чудовищем.

Мало того, что накануне меня подрядил – пусть и безо всяких оговорённых и тем более подписанных обязательств – граф NN. Ещё получалось, что доктор свинтил с катушек. Было два варианта. Либо Ардуша сам не слышал в своих словах в адрес этого г-на Третьего индульгенции на насилие. Либо он не понимал, что обладает в глазах Третьего правом на подобное разрешение. Ну, и был третий вариант, плохой, когда и слышал, и понимал.

Но утром (ещё через день) прилетел рыжий Платик. Для всех – Плата-Пансо, конечно. Впрочем, на тот момент для меня тоже Плата-Пансо. И снова оговорюсь: «для всех» в

применении к нему тоже звучит странно. Короче, прилетел – и всё наладилось.

Я его встретила в аэропорту со словами:

— Серафим сказал, что вы – легат. Что это?

Плата-Пансо был очень крупный и очень рыжий.

— Это он для рифмы, я уверен. Для созвучности с местностью.

— Действительно, прозвучало в рифму. А кто вы на самом деле?

— Просто ординарец.

В звучании слов его не было ни капли иронии, самоиронии или иной формы юмора. Мне это понравилось. На мой взгляд, кстати, ординарец будет покруче легата.

Я повезла его на арендованном автомобиле в гостиницу.

От доктора я, конечно, скрыла не только его прибытие, но и вообще – существование. Позже оказалось, что я могла бы и не трудиться – Пансо обладал способностью существовать как бы параллельно миру. Никто его, как казалось, кроме меня, и не замечал. Меня это вполне устраивало; и в конце концов это стало той пищей для моего собственничества, без которой я уже не могла жить.

⁂

Первое, что он сделал, когда за нами закрылась дверь его номера – это тщательный осмотр всех помещений, шкафа и всех иных пространств, включая подкроватное. Молча. С применением крохотного прибора. Затем он достал из свое-

го чемодана другой прибор, размером с булку хлеба. Тот был похож на троллейбус. Плата-Пансо водрузил его на клубок проводов за висящим на стене телевизором.

— Радиолярия, — объявил он и воткнул его в розетку, обесточив предварительно всё остальное. — Обеззараживает эфир.

После этого ещё раз заглянул в шкаф и, не найдя там того, что искал, взял из комнаты торшер и безжалостно воткнул его под углом между полом и дверью, под ручку. Создал подпор.

— Повредится, — говорю.

— Уплочено! — заверил он меня. — Сейчас умоюсь и поедем в Беленусград. Это часа полтора езды.

— Зачем? — спрашиваю.

— Фуметто. Выставка авторского комикса.

— А как же ваша миссия?

— Какая мыссия?

— Ну… — замялась я, — вообще.

— Вот съездим на выставку и сразу – мыссия.

Вид у него при этом был очень хозяйственный.

«Хорошо, — думаю. — Выставка тоже, наверное, уплочена».

Он закрылся в ванной комнате, не замыкая дверь на замок. Прошло не более пяти минут, и он вышел. Без бороды. До этого борода была впечатляющая и точно настоящая. Я разглядела отдельные волоски и места их произрастания из

кожи. Я на такие штуки приучена смотреть. Шума машинки для стрижки я не слышала. У него на лице была пара крохотных порезов.

«Что же это за бритва у него?» — подумала я. Промолчала, конечно.

— Вы готовы? — спросил он, убирая радиолярию в небольшой рюкзак. — Зарядилась как раз.

Он откупорил дверь, вынув торшер из плена, и мы выдвинулись. По коридору он шёл с иной упругостью шага, нежели когда мы только прибыли. Упругость была повышенная.

⁂

Когда мы сели в машину, он предложил-приказал:

— Давайте в салон автопроката. Заменим машину.

Дело ясное, что дело важное. Конспирация, думаю.

Как же я была не права!

В прокате мы сдали мою машину и пошли на стоянку, где были собраны старые авто. Плата-Пансо почти сразу определился с выбором.

— Самая уродливая машина в мире, — с гордостью указал он на действительно странный на вид автомобиль. — Оформляйте, пожалуйста.

Я пошла и оформила. Он всё это время с видимым удовольствием бродил вокруг машины.

— Таких нигде в мире больше нет. Только в этих землях. Это большая удача, — поприветствовал он меня, когда я вернулась с ключами. Настоящими физическими ключами. Да-

же не карточкой. Железный такой ключ.

Мы уселись. Но это лишь звучит просто. На деле было сложнее.

В машине было три отдельных кресла в первом ряду. И три во втором. Задние он сразу сложил. В переднем ряду он сложил самое правое. Когда мы оказались внутри, это ощущалось очень странно. Он слева за рулём. Я вплотную к нему. А справа – пусто.

— Так безопаснее, — сказал он. — И интереснее.

Шуточка с намёком на сальность меня не кольнула – мне Плата-Пансо был в целом симпатичен. Если кокетство – это намёк на близость без гарантии, то моё тогдашнее отношение можно было оформить как намёк на кокетство без гарантии. Деривати, так сказать.

И мы поехали. Но не в Беленусград.

⁂

— Заедем кое-куда, — сообщил он. — Ненадолго.

«Кое-куда» оказалось автомастерской для ретро-стрирейсеров. «Ненадолго» оказалось двумя часами. На прокатную машину Плата-Пансо установил краткосрочно разгоняющее автомобиль оборудование стоимостью в две такие машины.

Я не удержалась от ремарки, когда мы наконец выдвинулись в сторону изначального пункта назначения:

— Это как-то экономически нецелезообразно. Даже если оставить в стороне нарушение договора со службой проката.

— Напротив, — серьёзно ответил он. — Это очень да-

же выгодное хозяйственное решение. Давайте прикинем. В обычной жизни с таким оборудованием катаются максимум по выходным. Полсотни раз в год получается. Правильно?

— Вам виднее, — говорю.

— Вот, — такой ответ пришёлся ему явно по душе. Теперь смотрим… Мы тут будем пару месяцев…

— Погодите-погодите, — запротестовала я. — Какие пару месяцев?!

Он дружески пихнул меня локтём – мы ведь сидели вплотную.

— Поверьте. Я таких мыссий в жизни навыполнял не одну. Учитывая неприменимую к нам амортизацию авто – почитай на два года радости выкупили. А кроме того…

Тут он дал газу.

Меня впечатлило. Машина буквально выстрелила вперёд.

— Широкая машина, устойчивая, — промурчал он, видя мою реакцию и оценивая её положительно.

В общем, это было не в целях конспирации, это можно было сказать однозначно.

⁂

Выставка мне тоже понравилась. Иллюстрации были очень живые. Я к таким не привыкла.

— Заметили, да? — поинтересовался Плата-Пансо. — Графические романы с глубоким сюжетом, автобиографические истории, социальная сатира. «Комиксы для взрослых», а не опостылевшая в Америке супергероика.

Я кивнула. И впервые ему улыбнулась. В ответ он просто расцвёл.

— Пойдём, покажу тебе лучшее, — счёл он мою улыбку приглашением к переходу на ты.

На стендах, к которым он меня подвёл, были настоящие картины. Выполнены все были рукой художника, привыкшего рисовать комиксы. Это было видно. Но эти иллюстрации не были нарисованы. Они были написаны.

— Переосмысления знаменитых и других важных работ в области изобразительного искусства, — пояснил он. — Вот тут, к примеру, вот эта женщина. Она не отдыхает на травке.

— Вроде отдыхает, — возразила я.

— Нет. Присмотрись. Трава примята чуток. Колея. Она ползёт так.

— Зачем?

— Парализована. А вот тут – видишь, парк. Вроде.

— Это не парк? — ищу я подвох.

— Парк-то парк. Но смотри на тени. Солнца нет. Всё это пространство освещено множеством скрытых мощных прожекторов.

— Это где такое?

— В аду, вестимо, — пожал он плечами. — Ну что, поднимемся на цитадель и домой?

⁂

Когда мы шли вверх по очень крутой мощёной улице, он спросил:

— Ну, чего там стряслось?

Я рассказала ему про графа и его золото. Всё как было.

Плата-Пансо подумал с полминуты и сказал.

— Ты знаешь, очень здорово, что мы в этот городок заглянули.

— Чего так?

— Самый, пожалуй, известный литературный «посол» этого городка в большом мире – это персонаж комедии дель арте. Слуга двух господ. Сорок пятого года пьеса.

— Сорок пятого?

— Ага. Тысяча семьсот… Я тоже в похожей ситуации… был. Разберёмся. Не горюй.

На самом верху крепости мы уселись как дети на край древней каменной стены, спустили ноги вниз. Плата-Пансо открыл пакет с чипсами. Мы сидели и хрустели.

— Вроде и неудобно, — делилась я с ним впечатлениями, — город на двух разных уровнях. Лестницы, лестницы. Стены, стены. И даже не особо и красиво. Но как хорошо!

— Я нам с тобой такой же в новом мире построю, — ответил мне тогда Плата-Пансо. — Там как раз подходящее ограничение.

— Ограничение? — переспрашиваю я, чтобы скрыть перехватившее дыхание волнение.

— Средневековые технологии максимум, — улыбнулся он.

¶

§44. Движение отсутствия

[Город Волчицы]
[Д'Жинго]
¶

Гидродинамик шёл по улице Скачек города Волчицы – в худи, шортах, сандалиях, со спортивной сумкой в руке. К площади Священников можно было пройти более живописным путём, зато здесь был бордюр. Шагая по нему, гидродинамик не вмешивался в дела пешеходов. В равной степени он избегал автомобилей. Он играл в детскую игру, представляя, как механический великан Тик-Так пробирается тяжёлыми стометровыми шагами по каньону, а он, гидродинамик, рулит изнутри, стоя перед огромным круглым окном правого глаза гиганта. При определённой сноровке, мозг быстро начинал верить, что дистанция до земли измеряется сотнями метров.

Каталонский паром, с которого они с Эммой сошли, привёз и её двадцатилетний зелёный фиат. Эмма разъезжала весь остаток дня по своим делам, да так и осталась на ночь в одном из мотелей на окраине, зато с бесплатной парковкой. Д'Жинго же остановился в центре.

Он дошёл до здания биржи на площади. Повернулся спиной к одиннадцати монументальным коринфским колоннам, не чувствуя ни малейшего сочувствия к их тысячелетней

усталости. Увидел кафе «Дух библиотеки». Немногочисленные посетители брали кофе на вынос. Выбрав столик, гидродинамик чуть замешкался, решая, что перед ним: кресло «Барселона» 1929 года или же Имз 1956-го. По инструкции, нужно было второе. Кивнув сам себе, он уселся в то самое кресло. Спросив разрешения у бармена, он воткнул в розетку у плинтуса зарядное устройство. Поставив сумку под стол, он расстегнул её. Там была водяная грелка из зелёной резины. Оставив сандалии рядом, гидродинамик с удовольствием поставил голые ступни на грелку. Эмма должна была подойти через полчаса. А может – час. До этого у гидродинамика не было случая измерить степень её пунктуальности.

Занимаясь своим завтраком, ритмично разминая ногами грелку, он незаметно и между делом, отцепил с днища своего кресла конвертик в «липучке», извлёк из него несколько пластиковых карт, вложил туда некрупную, но очень тяжёлую монету, а потом прилепил закладку обратно.

Ему была видна вся площадь. На парковке со знаком «макс. 15 мин.» единственное пустое место мигрировало, как пузырь в шампанском. Гидродинамик получал удовольствие от созерцания этого «движения отсутствия».

В здание биржи стекались служащие. В обычной ситуации – сколько людей, столько и намерений. Каждый хочет своё, и каждый платит за свои поступки, сразу или впоследствии. Люди двигаются. Сталкиваются интересами. Тычутся в стенки пределов собственных возможностей. Но если

создать критические условия, знал гидродинамик, то обычные взаимодействия отступают. Атомы общества перестают быть нейтральными. Становятся заряженными, утеряв часть своего или ухватив чужое. «Плюсы» и «минусы» начинают дружно подчиняться внешнему полю. Летят волны. Возникают колебания. Гидродинамик же знал частоты и темпы затухания. Гидродинамик умел играть в резонанс.

Его созерцание прервала Эмма. Он не стал вставать, но зато галантно поцеловал ей руку. Она улыбнулась ему. Дружелюбно потрепала его по лысой голове. С показной брезгливостью оттянула двумя пальцами его капюшон в знак неодобрения наряда. Заказала себе завтрак. Поела. Пожаловалась на общую необустроенность городского хозяйства, на что Д'Жинго сказал, что нельзя терпеть дураков, так как они живут за счёт недурaков.

— Держи. Походи по магазинам, — передал ей Д'Жинго одну из карт, что он извлёк из тайника в кресле.

Она явно не ожидала такого жеста, но приняла:

— Ладно, спасибо. Какой пин-код?

— 6174.

— Ты что, влюблён в это число?

— Такой передал, такой и сделали, — равнодушно пожал плечами Д'Жинго.

— Ты хочешь сказать, что фарой ты просто назначал пин-код?

— Ну да. Сервис такой.

— Что за бред? — в голосе девушки появилось раздражение, а гидродинамик изменил ритм работы ног над грелкой. — Ты мне врал про нумерологию?

— Чрезмерной честности лишён, увы.

Эмма покрутила злым кулачком.

— Угрызений тоже лишён, — упорно нарывался на оплеуху гидродинамик. Грелка тем временем весело плясала теплом, будто питаясь возмущением девушки.

— Что ты там возишься? — буркнула она, заглядывая под стол. Рассмотрев же «прабабушкину» грелку, и вовсе опешила: — Что это опять?

— Грею ноги, грею уши, — тихо пояснил Д'Жинго.

А на Эмму уже обратили внимание люди в очереди у кофейного бара.

— Жандармы на улицах инспектируют смартфоны, — извиняющимся тоном объяснил гидродинамик окружающим неуместное поведение спутницы. Пара темно-синих костюмов, выходящих с полными картонными стаканами из кафе, сдвинули нижние челюсти в немом «Что?!». Д'Жинго с улыбкой морского змея наблюдал, как они пересекают узкую площадь и исчезают в тени колоннады биржи.

— Всё, я пошла. Остыну завтра, — бросила Эмма в Д'Жинго свой вердикт, уже будучи в дверях. — Пойду машину продам пока.

Грелка вдруг ошпарила ступни гидродинамика, он дёрнулся, но тут же строго прижал её под столом. Всё ещё улы-

баясь, как удав, он качнул пальцем – и Эмма вернулась.

— Машина ещё нужна, — сказал он. — А деньги есть.

— Просто она ворованная. Вам зачем мараться?

— Где ж ты её украла? — спросил Д'Жинго.

— На пароме.

— Худшее место для такого дела.

— Я видела, как её хозяин бросился с той палубы в море. Взяла из каюты документы. Вот и всё. Ну, ещё «забыла» доложить судовому врачу.

— Но ты хоть Эмма?

— Эмма, — осветилась Эмма ямочками на щеках.

— Хорошо. Тогда зелёный фиат в резерве, — улыбнулся Д'Жинго Эмме как равный равной. — Зелёному фиату так положено.

Гидродинамик всё это время мял грелку, как древний винодел гроздья. Сила в его ногах и ритм массажа отражали темперамент момента. Теперь же, когда Эмма ушла, он выдернул мощный блок питания из розетки, выключил спрятанный под резиной жидкостный инфразвуковой излучатель, сложил провод в сумку, надел сандалии и отправился в здание биржи пожинать плоды резонанса паники.

К тому времени кто-то выволок мусорный бак на середину площади. Кто-то другой опрокинул его набок. Часть содержимого высыпалась, легкий мусор не спеша перелетал с места на место. Стаканы из-под кофе-на-вынос катались под порывами ветра по дугообразным траекториям, как выва-

лившиеся из гнезда яйца. Сам гидродинамик, нисколько не смущаясь, двинул к центральному входу. Турникеты и стойка охраны, натурально, своей функции в эту минуту не выполняли. С лёгкостью взлетев по лестнице на третий этаж, он направился вглубь трейдинг-деска. Просканировав лица, он подошёл к одному старичку и стал докладывать:

— Мы выросли циничными, независимыми и вечно недооценёнными. Мы, которые сами чинили телевизор. А теперь именно мы – тихо и незаметно – удерживаем всю эту конструкцию, буквально изолентой. В нас – глубоко укоренившееся чувство усталой, но надёжной компетентности. Мы не верим в спасение. Лишь в выживание.

Гидродинамик положил перед трейдером листок, постукал пальцем по рукописному списку торговых приказов к исполнению, дружески потрепал старичка за плечо, забрал лежащую на столе пачку сигарет и направился к лифту, чтобы досрочно завершить свой визит на это инфраструктурное предприятие.

⁂

Д'Жинго нёс по улице свой плотный лысый лоб, который наблюдал за прохожими сверху. Вот мимы с сооружённым из сундука макетом крытых носилок, импровизированной лектикой. Поставили её на бойком месте. Невдалеке – шляпа, на земле, в унизительном перевёрнутом состоянии. Пантомима незатейлива: мы меняют роли. Каждый из них то раб, то антеамбулон, то оппонент в паре аполлодорианин-против-фе-

одорианина, то хозяин носилок. Крат, проклинают, возносят аве. Всё без единого звука. Никогда не было такого поэта и оратора, который бы считал кого-либо лучше себя – это касается даже плохих ораторов и поэтов.

Д'Жинго недолго смотрит и уходит. Кто-то удерживает его за рукав. Девушка. Шарманщица. Д'Жинго вынимает из сапога блокноут и письменно объясняет девице, что он тоже, к сожалению, мим. Нем. Она с лёгкостью принимает правила игры:

— Слышать-то, я вижу, слышите, — пишет она ему.

— Прекрасно слышу, — отвечает он вслух. Он рассматривает девицу подробнее. Много лент. Спускаются с шейного платка, со шляпы. Одна лента будто случайно попала между левой и правой грудью. Шляпа так глубоко сдвинута вперёд, что выглядит как маленький щит. Он рассматривает ещё. Наверное, дольше и пристальней, чем на то есть позволения. Удивительной интересности впадины в верхних пределах ног, чья форма видна до мельчайших деталей. Волосы её под псевдо-шляпой сложены в пучки и тщательно задрапированы. На ней дымчатая легчайшая накидка, которая сейчас стекает с плеч одной узкой струйкой, не перекрывая обзор ни в одном притягательном месте. Сапоги её выглядят расстегнутыми, но это иллюзия.

— Не выпьете со мной? — предлагает она. Он не видит причин, почему нет.

— Денег, — «говорит» Д'Жинго, — нету.

— Не проблема, — отмахивается та. Шутит уместно, тематически: — Я пармуларий. В риторике не смыслю, но на спортивных ставках зарабатываю!

Выпивают. Приятная какая девица. Хорошо жить. Д'Жинго предлагает понести шарманку. Она не против. Тяжёлая, зараза. В ближайшем отеле, уже на деньги Д'Жинго, они предаются блуду и скверне. Длинный рот Д'Жинго многие лета не вкушал этого яства. Кожа тела его, прежде цвета злой бумаги, стала розовой. Пах его пах стремительностью. Обманчивая пустота мимики менялась местами с симпатичной задницей. Опасные движения жилистого организма и уши как из анатомического музея сделали своё дело.

⁂

Д'Жинго вспомнил, что забыл достать из-под балки в гостинице денежный тайник. Они идут к нему. Они захватили в магазинчике на углу квартала большой пакет багрового вина. На входе один из сотрудников гостиницы попросил было у девушки карту гостя, но, увидев лицо Д'Жинго, самоустранился. В номере он предлагает:

— Хотите я изложу вам самый интригующий документ… из тех, что мне попадался?

Не дожидаясь согласия он декламирует:

«…порождение лукавого, результат важной мутации. Нижние ветви плотного тёплого леса, где нет крупных хищников. Добродушное племя приматов. Г-гимен. Не несёт сразу никаких полезных функций. Нетрудно представить

развитие событий и последующий отбор внутри вида: для достигших половозрелости самок первый половой акт имеет, кроме репродуктивного, ещё и символическое значение, определяющее статус животного в иерархии. Инициация. Акт социально значим как для инициируемой самки, так и для инициирующего самца. Гимен ведёт к тектоническим сдвигам в психике всего вида…

Гостья заинтересована. Но звонит телефон. Он берёт трубку, кто-то орёт на него, он улыбается.

— Она его кончит, куда торопитесь, — говорит он и бросает трубку. — …Поначалу ситуация внезапной «импотенции» вожаков деморализует стаю. Инициации становятся нервными и осторожными, даже если очередные молодые особи и не являются девственницами в анатомическом смысле. В обществе формируется маргинальное меньшинство, на верхних ветках, где некоторые («неудачно» инициированные) взрослые самки имеют социальный статус неполовозрелого детеныша и отличное от остальной стаи психическое состояние. Они играют между собой в игры, имитирующие взрослую иерархию. Отсюда гладкий деревянный жезл как первый небиологический символ власти. У них свои символы, свой уклад. При этом они – не соседний народ, общение с которым эпизодично. Следовательно, есть необходимость в постоянном «переводе» понятий. Вот оно, требуемое скачкообразное изменение…

Ему снова звонят. В этот раз в какой-то момент он вклю-

чает громкую связь:

— Ты пустое место! — кричат в телефон. Он вновь бросает трубку, принимая такую малую откатную волну как плату за появление Эммы.

— Вот так движение сегодня, — говорит он. — …То изменение, которое заставило думать по-иному. В обычном животном «языке» пополнение словарного состава не требует размышлений. Любой предмет, на который вы смотрите, о котором вы думаете, автоматически получает внутри вашей головы некую отсылку. Но не в случае «внутреннего» субнарода, где одна и та же вещь имеет разное значение в зависимости от контекста: она наверху, она внизу, а может она на пути вверх или вниз. Нужен грамматический строй. Технически он излишен: все проблемы лишь в голове у психически пострадавшего племени. Не зря среди синонимов к выражению «от лукавого» – «излишний» и «ненадобный». Мозгоклюй вашего мозгоглюя – мутация того же порядка. Её лишь частичная биологичность только усиливает силу мутации.

— Нашего?

— Вашего.

Они пьют вино. «Насколько я человек?» — пытается думать он. Насколько человеком мне нужно быть? Он переключается на облака. Он вместе со своим зрением – за окном. Объём мира наполняет его доверху. Он маленький жучок; ему такой большой клетки предостаточно.

— Мне шестое чувство ни к чему, — говорит он вслух,

подходя к окну. — Находят-то убийцы всегда именно меня! Славное всё-таки освещение в этом мире. Хорошо поработал архитектор-художник; честь ему и хвала. Умел Пауль нанимать дельных делателей. Кляксы серого тут и там светят своими полутонами лично мне: я всё различаю, я чую дистанции. Как так получается, что текст в моей голове не передаёт почти ничего из того, что я сейчас думаю. Была ли причина выбрать (или подставить?) именно меня, чтобы я теперь получал совершенно бесплатно вот это удовольствие здесь?

Он думает: «Я теперь, зная о принципиальной конечности отведенного мне времени, именно это время и вбираю как не имеющее конца. Я сам себе нагло вру. Съедая эту ложь жадно, не чувствую вкуса обмана. Меня волнуют… Меня возбуждает потенциальная ревность Эммы, и ещё сильнее – до извращенной боли – мысль о ревности моей к ней. Против меня в этом смысле – мужская половина этого мира, и все мои гандикапы могут не сработать. Но я наслаждаюсь хрупкостью момента, тем, как я балансирую на гребне щемящего беспричинного счастья».

— Идём в бар? Вино кончилось, — говорит он.

Они оказываются в какой-то пивной.

Едят зачем-то какую-то резиновую овсянку, в меру солёную, а также плотные, хорошо поджаренные сардельки.

— Хорошо кормят для переходных условий, — говорит он.

Кто-то подсаживается к ним. Человек с размаху шлёпается на скамью. Вид его неопрятен. Форменные надраги сами по себе имеют над ширинкой неглубокий треугольный вырез, но под пузиком человека угол треугольника стал неприличным. Подтяжки с двойными крепами на пуговицах напружились.

— Денег у… как песка, — сказал Д'Жинго. — Выпьешь с нами?

— Может, так обойдёмся? — говорит незнакомец. — Как выглядят эти самые билеты в тот мир?

— Билетов как таковых нет, — говорит Д'Жинго. — Смотрят на лицы. Кто вышел мордой – тому дают место в каюте (или всю каюту!) в каменной барже.

— Что, просто сел и поплыл по волнам? — спрашивает неопрятный человек.

— Видимо, да. Не все доплывают. Вернее сказать, мало кто доплывает.

— Суда ходят, а не плавают, — проворчал незнакомец.

Ссора завязалась исподволь; сперва ничто не предвещало скандала. Напротив, могла завязаться дружба. Пьяные общительны. Компания незнакомца предлагала Д'Жинго присоединиться, и он готов был принять приглашение, но их женщина в синей шелковой блузке, болтающейся на ключицах, отпустила шуточку в адрес шарманщицы. И он, несвойственным ему образом, оскорбился и с полдороги вернулся к своему столику, неся впереди кружку, как фонарь. Тогда

целый град шуток посыпался ему вслед. Он и в самом деле мог показаться смешным. Мужчины вдогонку гоготали басом. Швырнули горошиной. Д'Жинго обошел свой столик и стал лицом к ним. Пиво ляпало на мрамор пола, Д'Жинго никак не мог высвободить большого пальца, запутавшегося в ручке кружки. Д'Жинго вдруг разразился признаниями; самоуничижение и заносчивость слились в одном горьком потоке.

— Вы… труппа чудовищ… бродячая труппа уродов…

Окружающие стали прислушиваться: Д'Жинго выражался странно, речь его вышла из общего гомона.

— Вы, сидящие справа, урод номер первый. Встаньте и покажитесь всем… Обратите внимание, почтеннейшая публика… Тише, музыканты! Ваше лицо представляет собой упряжку. Щеки стянуты морщинами, и не морщины это, а вожжи; подбородок ваш как вол, нос как возница, больной проказой, а остальное – поклажа на возу… Садитесь. Дальше: чудовище номер второй… Человек со щеками, похожими на колени. Очень красиво! Любуйтесь, почтенные, труппа уродов проездом… А вы? Как вы вошли в эту дверь? Вы не запутались ушами?

Д'Жинго говорил и говорил, ужасаясь тому, что говорит. Он вспомнил те особенные сны, в которых знаешь: это сон, и делаешь, что хочешь, зная, что проснешься. Но тут вон понял: пробуждения не последует. Бешено наматывался клубок непоправимости. Его выбросили на улицу. Он лежал в

беспамятстве. Потом, очнувшись, сказал сам себе:

— Ну, повеселились, и будет. Мы пировали с тенями, доколе тени не стали плотью.

¶

§45. Омлет

[Ломбардия]

[Аделаида]

¶

Время шло своим чередом. За эти два месяца мы с Пансо перепробовали всё: фестивали старого кино, выставки, музеи. Даже ночные гонки, в которых мы всем без исключения проиграли. Пансо, впрочем, заявил, что виной всему прокатная машина, но она ещё себя покажет.

Теперь же мы коротали время на берегу озера, ведя беседу о температуре воды и отсутствии в ней вкуса соли.

Плата-Пансо вещал с про-аполлонической пафосностью:

— Озеро лучше. Мир должен быть замкнут. А на море украли ровно половину пространства. А тут – украшенный, упорядоченный мир.

Я возражала, что отсутствие видимого берега напротив — это не утрата, а, напротив, освобождение от формы. Я противоречила ему ради самого противоречия. Меня раздражало, что он ничего не делает. В том числе и в отношении меня. А ведь он мне нравился. И, кстати, не факт, что больше, чем я ему.

— Не, — не соглашался он. — Вид на «ту сторону» критически важен. Противоположный берег – это зримое завершение. Безопасность. Мир должен быть соразмерен челове-

ку.

Я же, твёрдо встав на позиции дионисийские, убеждала его, что бездна и мощь моря нужны не для ужаса, а для благоговения.

— Это что такое? — Пансо не знал такого слова.

— Чувство возвышенного, — отвечала я. — Праздничность. Море — стихия карнавальная. Ну и соль держит на воде лучше. Больше доверия бытию. Вода плотная — лежишь и качаешься.

— Горькая. Чужая. Отталкивающая.

— Выталкивающая, — поправляла я. — Разные вещи.

— Всё равно, тут элитарнее. Ривьера. На море пляж для всех. Его просто много.

Я снова возражала:

— Зато на море почему-то менее страшно смотреть вглубь, когда глаза под водой.

— Но пресная вода прозрачнее и добрее.

— В озере, глядя вниз, ты видишь дно, коряги, ил. Страх перед конкретным чудовищем, которое близко. В море – жидкое небо, синяя абстракция.

Платик был категорически не согласен.

— Что ты такое говоришь. Безмятежная вода, архитектура, обрамляющая природу. Это мир, в котором нет чудовищ. Пространство, где боги спустились на землю и женятся на местных красавицах. Здесь нет места трагедии, есть только эстетика.

Я ощутимо ткнула эстета в бок:

— Мы чем-нибудь займёмся, в конце-то концов?

Он, как будто только этого и ждал, кивнул:

— Как раз хотел тебе предложить. Поехали.

Мы подошли к машине, припаркованной тут же, почти у кромки воды, сели и поехали. А через полсотни метров уткнулись в выдвижную металлическую тумбу. Её диаметр был с полметра, не меньше. Высота – примерно такая же. Такие штуки применяют в той части света для контроля проезда и стоянки.

Плата-Пансо это не смутило, он не сбавил хода. И мы проехали сквозь тумбу, как будто её и не было. Я предпочла закольцевать эту микроветвь сюжета с его словами о том, что машина себя ещё проявит. Проявила – и хорошо. Много будешь знать – скоро состаришься.

⁂

— Куда мы едем? — спросила я, когда мы выскочили на большое шоссе.

— Надо купить трёхмерный сканер, эндоскоп, ещё кое-какие вещи.

— О, — улыбнулась я. — Что-то намечается. Кого будем лечить?

Плата-Пансо заёрзал на стденье и вдруг попросил:

— Откинь, пожалуйста правое кресло и пересядь туда.

«Хорошо, — подумала я. — Пересяду. Хотя поздно уже. Спаривание состоялось».

— Нам надо украсть драгоценный старинный камин, — объявил он, когда я переместилась.

— Камень, ты хотел сказать.

— Не. Именно камин. Где дрова жгут. Причём, желательно два камина, если прокатит с первым.

Я подумала: ладно, вот прямо сейчас камни на голову не падают… Выясню, что за ситуация, от меня не убудет.

— Ты задолжал кому-то конкретный камин? — участливо поинтересовалась я.

— Я? Да нет. В даркнете заказ увидел, — он сделал попытку ковырнуть в носу, но быстро передумал. — Хорошо оплачивается. Работа интересная. По логистике нам подходит: тут всё недалеко – и резиденции целевые, и порт, куда отгрузить.

— И зачем кому-то этот камин?

— Как зачем? — Пансо буквально запел: — Залы замка Сфорцеско видели, как вершились судьбы Европы, как принимали послов, планировали войны и покровительствовали искусствам, как вываривался процесс над Галиле…

— Я поняла. Но ты-то почему выбрал такой заказ? Попроще ничего не было? Корону императора украсть, например. Сапог великого инквизитора.

— При чём тут инквизиторы, мы ж не в….

— Ты не увиливай! — оборвала я его.

— У заказа был номер в списке – 192.

— И что?

— Как что? Ты с Луны свалилась?

— Тебе лично какая разница?!

— Кроссовки мои видишь?

— Вижу!

— Это 192 по всем трём каналам. Классический серебряный. Не серый, а именно светло-серебристый, цвет металла, зеркал и тумана. Надо было, кстати, не полениться и машину так же покрасить.

— И так хороша, машина-то. — сказала я, ощупывая левой ногой пустое пространство между нами. — Боюсь спросить, ты влюблён в серебристый цвет?

— Ты странная женщина, Аделаида. 192 – символ внутреннего периметра, закрытой системы. «Мы в сети 192» означает «Мы дома, мы в безопасности».

Я мысленно почесала в затылке. В «безопасности»? Я посчитала опасным и далее насмехаться над числом 192.

— Ну ладно, — говорю. — Я тоже, в конце концов, лучшие фильмы смотрела в потоке 192 килобит в секунду. Опять же, 1 + 9 + 2 = 12. 1 + 2 = 3. Сводится к символу творчества, общения, триниц.

Платик, не поворачивая в мою сторону головы, удовлетворённо кивнул, как будто всё так и надо. Ужас. Что ж, едем за сканером трёхмерного пространства, что ещё остаётся делать.

⁂

— Пересаживайся назад, пожалуйста. Как было, — сказал

Плата-Пансо.

Возможно, это была реакция на упоминание мною триниц. Это ему, видимо, напомнило, почему мы вообще здесь. Общая безопасность (если такая рассадка в машине действительно преследовала именно эту цель) важнее, чем, скажем, шанс получить от меня тычок локтем в бок за нелепость.

Мы до этого не раз обсуждали мои проблемы, мои страхи, а также его. Как уже можно было понять, мы сошлись за это время очень плотно. Максимально, так сказать. Меня всё в нём устраивало. Многое – рождало приятный зуд. «Всё-не-всё… это посмотрим ещё, конечно», — думала я тогда.

— Пообедаем? — предложил он, сворачивая к стандартной плазе, коих в той местности множество прилеплено к магистралям.

Кафе было совмещено с небольшим продуктовым магазином, и мы бродили по нему в поисках новых вредных закусок, чтобы жевать на ходу, в машине.

— Во! — указал Платик вдруг на упаковку сырых яиц.

— Я не любительница, — поморщилась я. — Мне неприятно видеть даже, когда кто-то пьёт сырое яйцо. Даже по телевизору. Прошу тебя, воздержись.

— Дюжина, — сказал он. — Везде обычно десятки. Я и не собирался покупать.

— Какая-то символика? — озвучила я несложный вывод. — Двенадцать апостолов?

— Тепло. Почти попадание. Это «Омлет». Так называют

совокупность альф и бет, взятых вместе. Без героев. Без тебя, доктора и лысого мельника, в том числе.

— Омлет?! Это следствие того, что âme есть «душа», а omelle – «жизнь»?

— Нет. Потому что lemelle – это «лезвие ножа». Средневековая ошибка в произношении решила судьбу блюда.

— Но при чём тут яйца? — не поняла я символизма.

— Я и не говорил про яйца. Я про упаковку. Двенадцать мест, которые занимают «ангелы» и «джинны», — он всегда старательно менял интонацию на этих словах, чтобы они звучали в кавычках. Спасибо хоть кулачками не делал «кваква» при этом, — Это как картонные углубления для яиц в этой упаковке. Мышиная возня, кто какое место занимает.

— Как делёжка кресел в министерствах?

— Тут есть разница. Ячейки нельзя переставить местами. Можно лишь смять перемычки между ними. Но это влечёт к «омлету», пусть и частичному. Впрочем, ты и так знаешь, что мы имеем дело с набором омлетов.

Я с деланной грустью покачала головой. Откровенно признаться, я в то время вовсе не относилась серьёзно к его погруженности в мир триниц. Я в те месяцы была как бы во вневременье. Наслаждалась жизнью. Опять же, надо было думать, как украсть камин.

⁂

Мы занялись документацией. Тоскливый, почти бюрократический процесс. Мы подготовили систему маркеров и ну-

мерации, чтобы каждый элемент, каждый камень, все резные части собрались потом в пункте назначения не сложнее, чем детский конструктор. Сканер для фиксации положения каждого камня мы приобрели без труда. Чертёж дворца тоже украли безо всяких проблем.

— Вот этот нужен, — ткнул Пансо в точку на плане здания. — Датируется 1555 годом.

— А второй?

— Он не в этом здании. И не в этом городе. На озере. На вилле дель Бальбианелло.

— Почему мы с него не начали, раз мы там были?

— Этот красивее, по-моему.

«Красивее, так красивее», — подумала я.

— Кроме того, второй – с негативной аурой. Мандзони, Наполеон… Слишком много слишком известных лиц на его памяти.

«Так бы и говорил сразу», — подумала я.

— Слушай кстати, а как так получилось, что никто не знает лиц альф-ангелов? — спросила я.

— Вовне круга бет и гамм – никто. А внутри – кусочно. Не уверен, что все альфы друг друга видели.

— Не скучно альфам?

— Наоборот. В этом и смысл высшей позиции – наслаждаться жизнью, как она есть. Тотальное инкогнито. Живи среди кого вздумается. Среди всех. Играй в дешёвом казино на обычном морском пароме. Нет печальней участи, чем

публичность.

— Но почему всё так сложно между ними? Между вами.

— А ты футбольного матча ожидала? — весело пророкотал Пансо. — Синие майки против жёлтых? Наши против чужих? Добрые против злых? Не, солнышко, для того и существует футбол и кино, чтобы показать то, чего никто не видел в жизни.

Потом сказал:

— И не забывай. Это лишь моя интерпретация.

⁂

Вместо того чтобы просто отключить сигнализацию, мы, руководствуясь избыточным артистизмом, проработали целый спектакль. Да, мы подкупили одного человека из персонала и временно нейтрализовали систему наблюдения, но мы ещё и устроили приватную экскурсию для группы скучающих туристов прямо во время кражи. Самое «элегантное», по мнению Пансо, состояло в том, что он собрал с них деньги за экскурсию и присвоил. Я вовсе не была уверена, что это такое уж проявление чувства юмора. И оказалась, кстати, впоследствии права.

Никто, конечно, не заподозрил двух людей в рабочих комбинезонах, которые с серьёзными лицами проводили реставрационные работы. Такой план мог бы провалиться только в одном случае: если бы среди туристов оказался искусствовед, начни он задавать слишком много вопросов.

Он оказался. И задавал. Но не на того напал. Пансо рас-

сказывал о шестнадцатом веке, сидя среди камней в пыли, как будто утром приехал оттуда на тайм-экспрессе. Люди из-за полосатой ленты, огораживающей наше место работы, кивали весьма уважительно.

— Будет, что внукам рассказать, — оправдывал Платик эту нашу эстетику бессмысленности. Занимаемся чёрт знает чем.

«Ты бы сначала о детях подумал, рыжий дурак», — подумала я тогда.

— Даже самая бессмысленная работа, выполненная с высочайшим мастерством, становится искусством, — продолжал он разглагольствовать.

Его, однако, прервал выстрел. Точнее, самого выстрела мы не услышали. Мы вдруг увидели дырку в стекле, справа от меня. Там, где должна быть голова пассажира в нормальной машине.

Пансо ударил по газам, и наша гоночная ласточка рванула на подвернувшуюся боковую дорогу.

— Странно, — сказал он. — Стрелок из Альбиона. Причём, невыездной. Альбионская что ли собственность тут? Очень странно.

— В водителя стрелял? По привычке в правую часть?

— Ну да. Эх, придётся временную машину брать.

Мы остановились на парковке. Он поджёг нашу так и ставшую по-настоящему серебряной шестиместную ласточку и украл какую-то среднестатистическую машину.

— Вот тебе новые документы, кстати, — передал он мне пакетик.

— Кстати? — опешила я. — А раньше не мог?

— А зачем? — только и сказал он в ответ. — В гостинице прежней не задерживайся.

Мы без происшествий доехали до порта, где Пансо оставил меня на время, чтобы убедиться в ровной передаче разобранного камина и инструкций.

⁂

— С этим камином всё больше странностей, — озадаченно сказал Платик, когда вернулся. — Знаешь, кто принял груз? Ардуша!

— Доктор?! Он тебя узнал?

— С чего бы. Я прикрылся, — отмахнулся Пансо.

Я, правда, не поняла, что значит «прикрылся». Чем, интересно? Или кем?

— Да он и видел меня один раз, мельком, с бородой. Ещё тогда, в ресторане у Вольтижёра, когда Клавдия тебя отписывала доктору.

— Фу, что за жаргон. «Отписывала».

Он не обратил внимания:

— Так я его спросил даже, от неожиданности, зачем, мол, вам камин. Ни за что не угадаешь, что он ответил.

— Ну?

— Форма клептомании такая, говорит. Чорная орхеология.

Я подумала, памятуя о деньгах за экскурсии: «У тебя, дорогой, у самого клептомания не тоньше».

Вслух я просто спросила:

— И что делать?

— Пока ничего, — сказал Платик без должной обычной самоуверенности. — Такую шалость испортил, дурацкий доктор.

— Да какая разница, — я уже устала от нытья Платика.

— Я ему говорю, мол, какая клептомания, уважаемый. Так он мне в ответ грубит, дескать, это и подтверждает характер заболевания. Вот, говорит, например, у меня у матушки был день рождения… Я ему тогда говорю: «Ой, завалите, пожалуйста, господин хороший. Два камина. Два». А он мне в ответ: «Это как раз свидетельствует о клептома»…

— А в чём странность-то? — напомнила я, оборвав Платика. — Доктор под наблюдением, вот и просочилась информация к реальным владельцам актива. Поэтому и успели. Поэтому и стреляли.

— Это-то очевидно. Странно другое. Стрелял кто-то из наскоро вызванных с Альбиона. То есть, готовились к чему-то грандиозному, вызвали подкрепление. А самое главное: ни у кого, по моим сведениям, из триниц постоянной базы на Альбионе давно нет. Территория полностью утеряла значимость в глобальном масштабе.

У меня не было идей, способных помочь Платику. Поэтому я предложила разойтись пока по своим гостиницам. Так

и сделали.

⁂

В тот же день, буквально через несколько часов, проявилась крайне тлетворная вещь. В нашу с доктором гостиницу доставили видеоматериал от Тоспехо. Выходило так, что он довёл принца ММ жуткими средневековыми какими-то пытками до смерти.

Альфа погиб. Альфа!

Это уже не омлет, это что-то другого цвета получается.

Я полетела к Плата-Пансо.

⁂

— Так, — спрашиваю я после своего подробного рассказа, пристрастно: — А теперь что делать?

— А теперь точно нужно идти к Моне. Совершенно определённо. Я тебя научу, как.

— И что сказать?

— Правду про Тоспехо. Только не говори, что мы с тобой…

Тут я, конечно, ждала фразы «любим друг друга». Но он ограничился: — … доверяем друг другу.

— Это почему это? — очень зло спросила я.

— Так она и меня на очную ставку вызовет. Это несомненно.

«Ладно, — подумала я. — Живи пока, Платик-солнце».

¶

§46. Остров невременья в океане Эст

[Остров невременья в океане Эст]

[Мона]

¶

— Вам звонок, Ваше высочество, — сообщил адъютант. — Некая Аделаида Рату.

Пальцы Моны пробежали по столу весёлым крабом: раз, два, три, четыре, пять. И снова раз.

— Соединяйте.

Плексиглас трубки был холодным. Она не прикладывала его к щеке и уху, наверное, сто лет.

— Это госпожа Некбет? Меня зовут Аделаида Рату. Вы станете со мной говорить, учитывая мою настойчивость в поисках вашего номера?

«Судья?» — подумала Мона.

Она улыбнулась. Для никого. Даже зеркала в помещении не было.

«Стану. Стать. Встать. Суд идёт», — пронеслось в мыслях.

— А что с вами случилось, Аделаида? Отчего вы не обратитесь к вашему куратору в «Деревянном молоте»?

— Он перенаправил меня к Тоспехо Третьему, — ответи-

ли на том конце провода.

— Логичная переадресация.

— Но так ведь он и стал причиной проблемы. А до начальства господина Третьего мне не добраться.

— До Грачварона-то? Да уж. А что, серьёзная проблема?

— Очень, — ответила Аделаида. — Мне кажется, Тоспехо имел неосторожность убить князя. То есть принца ММ.

— Кажется? Неосторожность? Не намерение? — из Моны посыпались нетерпеливые вопросы.

— Вы знаете, мне сложно быть уверенной.

— Так. А меня вы как нашли?

— Тоспехо имел неосторожность назвать вашу фамилию Ардуше, моему опекуну.

— Надо же, и снова неосторожность, — голос Моны стал равнодушным. — Что ж, побудьте на линии какое-то время – мой адъютант сообщит вам место и время.

— Спасибо вам.

— Ну, я вас ещё не спас-ала, чтобы говорить мне спасибо. До встречи, Аделаида.

Мона положила тёплый плексиглас на каретку аппарата. Поднялась. Горностай как сидел на её согнутой правой руке, так и продолжал сидеть. Свет, даже в беззеркальном помещении, нашёл способ обдуть крохотными светлюшками её лицо, за-пом-нить форму, постучать по стенам в быстром беспорядочном теннисе, а затем вернуться в глаза Моне.

Свет сообщил ей, что лицо её прекрасно.

«Ну-с, раз прекрасно, будем действовать без прикрас», — подумала она.

Нажав на кнопку селектора, она приказала:

— Всех «джиннов» ко мне в клинику. Немедленно! Да, всех пятерых. Да, включая графа.

⁂ ⁂ ⁂

Аделаида сидела на гладком валуне. Метрах в трёх от неё была неровная, природная каменная стена. Больше она ничего не видела. Кроме женщины перед собой. Та сидела на земле, на мху, в позе заклинателя змей.

— Вы Мона? — спросила Аделаида.

Это предположение строилось, видимо, просто на том, что другой женщины здесь не было.

Женщина лишь кивнула. Затем спросила:

— Что вы чувствуете, Аделаида?

— Ничего.

— Повторю: что вы чувствуете?

— Чувствую тёплый камень под ладошками.

Аделаида сидела, чуть склонив вперёд корпус. Иначе равновесия было не поймать.

— А ещё? — настаивала Мона. — Я же видела по вашему взгляду: есть что-то ещё.

Аделаида пару мгновений подбирала слова:

— Знаете, при всей своей распространённости… Ваш жест был необычным. Вы сначала наклонили голову, а уже потом стали двигаться ваши глаза, как будто бы они связаны

с остальным телом через… инерционные катушки какие-то.

— Превосходно, — улыбнулась Мона. — Что вы помните? Что происходило с утра? Не поворачивайтесь!

Она предотвратила попытку Аделаиды оглядеться.

— Что я помню… Проснулась в гостинице, явилась на встречу к вам, меня отправили в аудиторию «Остров».

— Подробности, — потребовала Мона. — С самого момента пробуждения.

Аделаида вновь взяла короткую паузу.

— «Даже одеваться не хочется», – подумала я, когда ударила по стопору гостиничного будильника.

— Ещё! Где вас встретили?

— Я дошла до конца торговой галереи; оказалась на цокольном, таком гардеробно-туалетном этаже, знаете? Дежурный на рамке металлоискателя передал сообщение… Я ещё подумала: «Надо же, фотографию мою предоставили охране, что ли?»

— Что самое последнее помните?

— Сижу в переговорной. «Пойду, — думаю, — молока попрошу к кофе». Но дверь оказалась заперта. Я даже споткнулась.

— Тут максимально точно, пожалуйста… Вплоть до мига.

Аделаида задумалась.

— Я вынужденно поглотила собственную инерцию правым каблуком. Потом из потолка засвистели клубы пара или дыма. Всё! Да что вы меня мучаете?

— Что было вчерашним вечером?

Тут у Аделаиды начали округляться глаза.

— Ничего, — сказала она тихо. Потом громче: — Ничего не помню!

Мона молчала, изучая лицо Аделаиды.

— Прекрасно, — заключила она вслух. — Вы вошли в штатном режиме.

На лице Аделаиды расцвело понимание.

— Так мы в симуляции? — Она несколько успокоилась.

— Угу, — кивнула Мона.

— Где мы?

— Мы в гроте. Я сама пришла в себя только что. Разведку не проводила.

— Вы и сами не знаете, что в этой симуляции?! — удивилась Аделаида.

— А иначе зачем симулировать? — тоже удивилась Мона. — Ну, вы осмотритесь.

Находились они в помещении, которое сложно было назвать комнатой. Это был действительно грот. Свод пещеры, но искусственной. Поперёк тянулись ребристые вмятины, прорези. Предметов и мебели не было. Дверей тоже. Пол ровный. Там, где не рос мох, всё было в пыли. Скорее, это была пыльца. Вместо одной из стен – туманная завеса. Температура в помещении была комнатная. Влажность повышенная. Пахло лесом. Вверху были огромные плавные отверстия-ходы, откуда проникал свет. У стен росли кустарни-

ки. Тут же лежали в неестественных позах четыре мужчины и женщина.

— Живы? — спросила Аделаида.

— Коллеги в забытьи, — ответила Мона.

Живые тела лежали прямо на мягком мху под кустарниками.

— Почему?

— Не имею представления, — сказала Мона и предложила: — Вы лучше о себе пока подумайте. Подвигайтесь.

Аделаида последовала совету, заулыбалась.

— Потрясающе. Какая лёгкость в теле. Что мы будем делать? Я даже пить не хочу, — доложила она.

— Тем лучше, — ответила Мона.

Она направилась к выходу. Аделаида за ней. Туман стал рваться клочками. Тут они увидели арбу – большую тачку, приспособленную для осла, а, возможно, и для человека. В конструкции сочетались дерево и детали из серого кружевного материала. В арбе была провизия. Посуда и упаковка – из древесной коры, грубого стекла и обожжённой глины. Некоторые вещи были завёрнуты в пергамент и тёмно-серую мешковину. Сухофрукты, овощи, орехи, копчёности и многое другое.

— Пируем, — объявила Мона.

Не было никакого иного позыва. Можно было просто жить, и воля мира сама через тебя текла. Нулевой расход сил.

«Удивительное ощущение, — думала Мона, — отсутствие

давления глубины памяти».

Безмятежность.

⁂

— Вкусно?

— Очень. Пойду теперь прикорну, — устало сказала Аделаида и пошла в грот.

Мона сидела у арбы, погружённая в ощущение собственной благости.

— Что это? — донеслось из глубины грота.

Мона нехотя встала и подошла.

— Смотрите, у этого дядечки большой палец надкушен, — сказала Аделаида.

Мона хлопнула себя по лбу:

— Вот я голова садовая! Я ж вас не проинструктировала, как выходить из симуляции.

— Разве не вы сами рулите?

— А ну как меня убьют? — Мона сделала большие глаза. — Надо укусить себя. Вот как он.

— Хорошо хоть не за локоть, — проговорила Аделаида. — А если мне палец кто отрежет?

— На том и вылетите, — успокоила Мона.

Интеллигентный старик аристократического виду продолжал лежать на мху с пальцем во рту. Крови не было.

— Так чего он? — снова спросила Аделаида.

— Вас лучше спросить, — отмахнулась Мона, — ваш же непутёвый дядечка.

Аделаиду немедленно скрутило.

— Да что ж со мной такое нынче! — воздела руки к небу Мона. — Простите меня, дорогуша. Умоляю. Всё из головы выветрило. Сейчас пройдёт. Пойдёмте на воздух. Как раз успеете в себя прийти.

Они вышли. Мона придерживала Аделаиду, приобняв за плечи.

В какой-то миг, словно одним шагом через порог, оказались они вне тумана. В один удар сердца зрение вобрало столько, что веки сами захлопнулись, уберегая рассудок. Насколько хватало восприятия, уходили во все стороны ландшафты. Трепет. То был трепет перед огромностью мира. Земля была вывернута. Они находились на дне тысячемильной чаши.

— Ох, — только и произнесла Аделаида.

Темнело. Две женщины, синхронно пошатываясь, вышли к берегу огромного озера. Прибоя не было. Мона попробовала воду на вкус: пресная.

Здесь, возле большой воды, было потеплее. Хоть и очень, очень далеко, но противоположный берег просматривался. Если бы в этом мире существовал горизонт, холмы на том берегу непременно были бы скрыты за ним.

Туман оставался, но лишь над самой водой. Вдалеке на отмели они увидели мостки или пристань, уходящую в озеро. В конце её был маяк. Три узких высоких окна одно над другим. Блестящая металлическая крыша грибком. Фонарь

маяка молчал.

— Вот и жильё, — сказала Мона. — А то вы собрались на мху спать, да ещё и подле сомнительных тел. Сейчас доковыляем, а утро вечера мудренее.

Так, с тёплым ворчанием, они добрались до башенки. Она оказалась небольшой, трёхэтажной. На среднем этаже нашли они кров, чтобы забыться до утра.

⁂

— Ну как, твоё позавчера вернулось в твою память? — первым делом спросила Мона с утра.

На небольшом окошке плясала от ветерка белая шторка. Переход на «ты» залетел вместе со свежестью утра.

— Здесь, — постучала себя пальчиком по виску Аделаида. — Теперь всё в норме. Похмелье, конечно, знатное.

— Хах. Иначе так бы все и делали: ныряли б в безмятежность, и ищи-свищи потом человека.

— За что такая боль? — спросила Аделаида.

Мона встала с кровати и принялась чистить апельсины. Первый очищенный фрукт полетел в ловкую руку Аделаиды. Без предупреждения.

— Спас… Благодарю.

— Ну а за что… Это дерево, знаешь, живёт временем, кольца годовые знай себе наматывает. Личность человеческая – не так.

— Событиями растём?

— Нет. Решениями. Ты ж судья, должна бы знать. А ре-

шения, что решения? Одно мгновенное, другое тридцать лет зреет. В итоге – такая капуста. Есть такой сорт, разрежешь кочан, а там – воплощение турбулентности. Как его бишь, сорт этот?

— Энциклопедий тут, конечно, нет?

Аделаида тихонечко сплёвывала апельсиновые косточки себе в кулачок.

— Чего нет, того нет, — подтвердила Мона. — Кто пойдёт в грот проверять коллег?

— Монетку подбросим? — лениво потянулась Аделаида.

— В симуляции-то? Хоть закидайся. Ладно. Я. Вот тебе очередное решение. На пол апельсина.

Мона спустилась на первый этаж и трусцой побежала к гроту. Не найдя там решительно никакого прогресса при осмотре тел, она к паре из них наклонилась:

«Дабы проверить наличие медленного дыхания. Живы», — прошептала она.

Мона воспользовалась отсутствием Аделаиды и разогнула руку старику Николаю Николаевичу, чтобы большой палец не был столь уж постыдно близок к розетке отключения – собственной пасти.

Мона решила не посвящать Аделаиду в этот неприятный факт. Объяснения такому явлению нет. Либо ты не спишь и кусаешь палец в намерении покинуть мир, либо спишь, но тогда ты – не бодрствуешь, чтобы кусаться. А вот так, как сейчас – овощем на мху с попыткой взведения курка – «по-

ведение» Николаича было пугающим.

На выходе из грота Мона столкнулась с Аделаидой.

— Посмотрю? — спросила она, не ожидая разрешения.

Осмотрев тела, Аделаида спросила:

— Почему среди них нет доктора Ардушы?

— Он не бета. Не «джинн», если сказать просторечью. Здесь все беты мира и ты.

— Так вы не джинны? — спросила Аделаида.

— Джиннов не бывает. Беты – те, кому хватает касания персонажа. И мы здесь. Вам же, гаммам, нужно учиться.

— А как же я тогда здесь?

— Я тебя веду.

Мона легонько коснулась центра лба Аделаиды подушечкой указательного пальца.

— Могла бы и Ардушу привести тогда, — посетовала Аделаида.

Грот, казалось, нахмурился вместе с Аделаидой.

— Но он же опустился, — возразила Мона. — Что мне до него.

— Нет! Конечно нет!!!

Мох поглощал звуки. Эха не возникло. От этого Моне стало ещё неприятней.

— Он разве не пустился во все тяжкие по молоденьким девочкам? — с пристрастием спросила Мона.

— Я свидетельствую! Нет! — воскликнула Аделаида Рату.

— Ну не кричи, не кричи. Мы тут одни, — погладила Мо-

на Аделаиду по плечу.

— Откуда у вас… у тебя такая ужасная информация?

— Какая информация в нашем мире, — отмахнулась Мона. — Одни мнения. Что, пойдём загорать?

— Почему загорать?

Аделаида, успокоившись, отряхивала несуществующую пыль со своих брюк.

— Можно рыбачить, не знаю. Мы привязаны тут, пока эти трутни не проснутся, — сказала Мона.

— Почему вообще не выключить симуляцию?

— А где мы будем дознание по факту убийства вести? — строго сказала Мона. — В офисе что ли? И было сказано: загораем.

Засим она помаршировала к маяку. Аделаида молниеносными движениями проверила содержимое карманов дяди Николая и тоже пошла к берегу.

⁂

Шли дни. Приготовлением еды занимались на пару. Выяснилось, что варить крупу сложно: низкое давление воздуха. За дровами ходили тоже вдвоём. Когда съели треть запаса провизии, Аделаида собралась на охоту. В хозяйственном помещении на первом этаже нашёлся большой лук и с десяток стрел. Мона поначалу интереса не проявила, но после первой Аделаидиной добычи – косули – пожелала в следующий раз пойти с ней.

Они лежали вечером на пирсе и смотрели на темнеющее

небо. Это стало ежевечерним ритуалом.

— Мы здесь очень долго, — пожаловалась Аделаида, поправляя свой хвойный мат.

Она неловко попрыгала, лёжа на спине. Некоторые хвоинки непослушно топорщились.

— Времени как такового нет, — сказала Мона.

А затем повторила за Аделаидой её прыжки – движение в движение.

— Для меня есть, — не поддалась Рату. — Что за софизмы, Мона?

— Общего времени для всего сущего нет, — упрямо повторила Мона.

— Что же тогда толкает субъективное ощущение? Личный компьютер для каждого?

Мона привстала на локте:

— Ты о чём?! Я про физическую нашу Вселенную. Там времени нет. Тут-то как раз – пожалуйста. За этим мы и здесь. Всё – в дом и спать!

Время комфортного пребывания вечером на свежем воздухе сокращалось день ото дня. Холодало.

Наутро, презрев завтрак, они пошли в лес. Они лежали на земле и выглядывали из-за валуна в ожидании зазевавшейся косули.

Косуль не было. Зато объявились псы!

Женщины заметили их не сразу. Собаки появлялись время от времени у входа в пещерку. Осмотревшись, поводив

мордами в поисках запахов, они вновь скрывались внутри скалы. За полчаса из пещерки выглянули три пса. По очереди. На сороковой минуте вышли все три разом. Тут ворон, который сидел последние минут пять над ними на ветке, взлетел и переместился ближе к собакам. Те не обратили на птицу никакого внимания.

На масштабе собак ворон вдруг сразу стал как чёрный воробей. Женщины поняли, что ошиблись в оценке дистанции и размеров. Вместе с этим осознанием, разумы их мгновенно переключились на корректную обработку проекции пространства, и они увидели перед собой трёх собак, каждая величиной с ломовую лошадь.

— Нет, охота всё-таки не про меня, — прошептала Мона.

Задом-задом, кремнистой осыпью, отползала она в противоположную от животных сторону. Аделаида была солидарна.

«Спасибо, ворон», — подумала она.

Они торопливо, но очень тихо прокрались обратно по лесу и вернулись в дом.

Ребром встал вопрос, что делать дальше. Ждать тут у моря погоды… Точнее, у озера. Да ещё при таком соседстве.

Они переглянулись:

— Мы, конечно, женщины смелые.

— Но всему есть предел.

Военный совет был назначен на завтра. Во сне Мона копала себе большой личный грот, и её в нём почти засыпало

грунтом, а потом она нашла золотое яйцо. Сон, к сожалению, ускользнул, не достигнув памяти.

⁂

На следующий день – ни свет ни заря – Мона втихомолку сползла с кровати, пошла на улицу и сделала страшное. И лишь через два часа, с обработанной, но всё ещё кровоточащей раной, вернулась.

«Так и явлюсь пред её светлы очи. Без пальца», — в отчаяньи думала Мона.

Аделаида была одета в великолепное хаори из плотного шёлка цвета молодого коршуна.

— Вот, — виновато сказала Мона, — пришлось подорожнику натереть.

Аделаида всё поняла.

— Очень больно было? — обняла она Мону.

— Ну так, — всхлипнула Мона. И попыталась отшутиться: — Хорошо хоть не ухо в правилах прописано.

Ей было больно. Было.

— Мы тут застряли, да? — понимающе спросила Аделаида.

Мона посмотрела в свои раскрытые ладони с девятью пальцами. Постаралась выплеснуть в них засевший в глаза ужас, как в тазик для рвоты.

— Не подходит это слово, милая. Случилось что-то… прежде немыслимое, — сказала она.

Аделаида медленно ходила по комнате. Потом присела за

стол. Место её было прямо у окна. Мона залюбовалась тем, как свет рассекает её чёлку.

— Так, я всё-таки судья. Произнесу формальный кляузь, несмотря на доверительность беседы, — речь Аделаиды потекла очень аккуратно: — Перед тем, как я стану излагать и спрашивать. Когда я говорю или слышу «Создатели», «Авертигус» или что-то в этом духе, я имею в виду природные силы. Кроме того, я пока действую в том предположении, что мы обе не сошли с ума. Что вовсе не факт…

— Говори уже, — поторопила Мона.

— Получается, наш мир либо вторичен, либо равноправен этому. Не первичен.

Мона просияла.

— Конечно. Мы в такой предпосылке всегда и жили. Где ты видела, чтобы на суд за преступление в метрополии вывозили в колонию? Всё ровно наоборот.

— Да, — потёрла Аделаида подбородок. — Глупо с моей стороны. Надо подумать. Пойдём, может, порыбачим? Ты как, справишься в одноруком режиме?

— Потеря в пальцах – всего десять процентов, — оптимистично подсчитала Мона, разматывая удочку.

⁂

Они лежали под небом, обернувшись во все имеющиеся пледы. Мир обращался вокруг своей оси. Взгляды их были направлены строго вверх. Получалось, геометрически, что смотрели они на противоположную стенку Великого Цилин-

дра мира. Где-то там, в сотнях миль, плескалась вода внутреннего океана. Трудолюбивая центробежная сила держала многие воды у пределов мира.

Весёлые от хорошей жизни водоросли излучали свет. Они сейчас работали звёздами. Были зрители, готовые воспринять их как плазменные шары в неимоверной дали – поэтому и работали.

— Мона, можно я буду называть тебя тётей Моной? — спросила Аделаида. — Мне так будет приятнее.

— Мне тоже, милая.

Шезлонги их стояли вдали от воды. В последнее время от неё веяло стужей, хотя это противоречило привычной термодинамике.

— Знаешь, тётя Мона, — Аделаида привстала. — Первое, что я сделаю – я не стану подвергать сомнению первенство твоего ключа.

— Ты о чём?

— Я не буду резать свой палец. И буду против того, чтобы откромсать его кому-нибудь из пятерых бедолаг в гроте.

Мона тоже села.

— Достойно, — сказала Мона. — Правило большого пальца – знаешь такое?

— Как не знать, я же мастер фехтования.

— При чём тут это?

— В 1692 году впервые сказано в трактате «Совершенный мастер фехтования»: «То, что он делает, он делает по прави-

лу большого пальца, а не по Искусству».

— О, — удивилась Мона. — Ну. Добро. Смотри-ка: взошли твои апельсинки. Те, что ты посадила в первый день.

Аделаида не стала рассматривать ростки. Мысли её, видимо, могли сейчас течь только вверх. В привычном месте сверкала Луна. Аделаида направила на неё палец.

— Мы же получаемся как бы робинзоны здесь, верно, тётя Мона?

— Наверное, — согласилась Мона. — Я-то, правда, уже робинзониха. А ты – робинзонушка. Хочешь жить желанием сбежать с острова?

«Чего она в Луну-то тычет, интересно? — думала Мона. — Кабы не взвыла».

— Я тут подумала, — задумчиво проговорила Аделаида, — коли уж получается всё шиворот-навыворот… Может, нам надо хотеть наоборот – попасть на остров?

— А! Ты про Луну? Да, Луна – это остров в небе-океане Цилиндра мира. Просто круглый остров.

— Что там светится?

— Растения какие-то. Фосфор, — ответила Мона.

— Поплыли туда? Засонь наших возьмём, — мечтательно сказала Аделаида. — Их нам никак нельзя оставлять.

— Было б на чём. А так – я «за». Нас, правда, в первом же посёлке оформят за решётку по делу об отравлении и практике чёрной магии. А так можно, конечно.

— Тут есть люди?

— А кто, по-твоему, нам еду принёс, племяшка?

— А куда это будет, к Луне? — спросила Аделаида.

— Что значит куда? Вот прямо туда. Сплавимся по реке, попадём в устье, потом выйдем в море. А там – к острову «Луна».

— Я имею в виду, это на запад или на восток?

Мона улыбнулась.

— Тут нет восходов и закатов, дорогая. Поэтому ист, вест, ост, эст – всё это просто бессмысленный шум.

— Эст, — подхватила Аделаида. — Мне нравится Эст. Океан Эст. Очень красиво.

Аделаида вытянула руке с последним оставшимся апельсином. Он как раз заслонил вечно полную Луну.

— Там съедим и там посадим семечки, — приказала судья Аделаида Рату сама себе.

⁂

Вопрос с судном, вернее, его отсутствием, решился сам собой. Поначалу, в первые дни, робинзонессы лишь мельком отметили необычный дизайн крыши маяка. Чуть странным показалось Моне и решение неизвестного зодчего использовать для кровли столь качественный металл. Особенно если учесть, что недр в этом мире нет. Копни поглубже – лопата зазвенит об неимоверно твёрдую оболочку Цилиндра. Металл здесь должен быть крайне дорогим. Но Мона не привыкла считать деньги в чужом кармане, поэтому оставила это без внимания.

Теперь же всё встало на свои места.

— Аделаида, подойди-ка. Смотри на крышу. Это ж яхта. Вверх килем. Получила пробоину, её и выбросили. Точнее, подбросили. Приспособили под крышу, а в дыру вставили дымоход.

Аделаида даже глаза протёрла кулаками.

— Ты гений, тётя Мона.

Мона была весьма довольна собой. И скрывать этого не собиралась.

— Как будем отколупывать? — спросила она.

Спонтанных идей не возникло.

— Чего боятся собаки? — спросила Аделаида.

— Понятия не имею. Мы идём в лес?

— Да. Будем собирать сырьё и плести такелаж.

Аделаида явно колебалась, сказать ли кое-что ещё. Но от тёти-то Моны такое укрыться не может.

— Выкладывай, дорогая.

— Тут такое дело. Я пошарилась в карманах у дяди Ника. Ну, у меня с ним свои счёты, ты знаешь. У него моток линя в одном из его бесчисленных карманов.

Мона лишь хмыкнула. Обдумала.

— Ордер на личный досмотр выпишешь? — пошутила она.

— Безусловно, — ответила Аделаида с чугунной серьёзностью.

— Тогда идём.

Три гигантских пса в это время в своей пещере перестали нервно дышать. Красные языки их скрылись в пастях. Они перестали пахнуть псиной. Опасность миновала. Изворотливый человеческий ум не будет стараться чинить им козни.

⁂

План вырисовывался следующий. Убрать печную трубу. Заделать пробоину в «крыше». Построить блок, чтобы умножить силу мускул. Обвязать крышу. Стянуть её со здания блоком и опрокинуть в воду. Привести судно в порядок, поставить парус (которого нет), оборудовать на кубрике печь. Перенести тела спящих коллег на судно. Запастись рыбой, так как неизвестно, будет ли в реке и в море клёв.

На деле же нужно было начинать с рыбы, так как на её копчение требуется значительное время. Готовое решение было только для тел – использовать арбу.

— Если мы начнём с рыбы, это потребует от нас тотальной веры в успех с такелажем, — заметила после обсуждения плана Аделаида.

— А с этим есть проблемы? — удивилась Мона.

— А как же. Мы же не можем опираться на эфемерные суждения.

— Просто полюби свою цель, — отмахнулась Мона.

— Что это за форма любви такая, тётя Мона?

— Высшая, — не стала распространяться Мона.

— Мой пастор говорил, что высшие формы любви не очищают душу, — возразила Аделаида и повторила виденный

ею в детстве жест предостережения.

«Ну и зануда тот пастор», — подумала Мона.

Но она знала, что с Судьёй на эти темы не шутят. Поэтому вслух сказала так:

— Дружба, отцовство, наставничество, целеустремлённость действительно могут вызвать чудовищную инверсию. Но только по достижении критической массы. Просто держи себя в руках, милая.

— Вырастить ангела, но не найти демона и не стать им одержимым? — попробовала перефразировать Аделаида.

— Мы не хотим насилия в привычном смысле. Мы сейчас всего лишь хотим переписать реальность так, чтобы наша, пусть и больная, страсть стала естественным порядком вещей.

— Бог создал мир для всех, — согласилась Аделаида.

— Вот именно. Это Дьявол пусть создаёт мир для одного, чтобы поперхнуться, а потом подавиться насмерть, — сказала Мона.

— Согласна. Пойдём промышлять рыбу, — сказала Аделаида.

На том решилась печальная судьба рыб. Усушка да утряска при копчении – колоссальная. Погибнет много организмов – так решил тот момент мира. Началась ловля в промышленных масштабах, насколько это позволяла «промышленность».

И тут Аделаида поняла, что без грота и мха тела могут…

перестать жить.

⁂

Посвятив рыболовецкому труду несколько дней, Мона и Аделаида обеспечили себя протеином и полезным фосфором на месяц, не меньше. Демонтированный с крыши дымоход приспособили под коптилку холодного копчения, обустроенную прямо на пляже. Зажгли костёр. Понаблюдали за белым дымом и приятно бронзовеющей плотью растопыренных на палочках рыбьих тушек.

— Сделал дело – воруй смело, — сказала Мона. — Идём лишать Николая Николаевича собственности?

Извлечение катушки из кармана графа взяла на себя Мона.

— Ты стой на стрёме, — пошутила она.

Аделаида бандитского юмора не оценила.

— На самом деле, дело не простое, — сказала Мона. И пообещала: — Объясню потом.

Она зашла в грот и вскоре вышла. Катушку она несла двумя пальцами, как пойманного жука.

— «Пронести» сюда из нашего мира вещи нельзя, как ты понимаешь. Там, в клинике у меня, мозг просто подключен… куда нужно. Никакого сканирования одежды и предметов в карманах не проводится, чтобы можно было воссоздать их здесь.

— Откуда берётся фасон здешней одежды? — спросила Аделаида.

— Из головы. Красивые мысли – красивая одежда. Но предметы…

Мона аккуратно покрутила в пальцах катушку. На вид – линь как линь. Моряцкий. Возможно, рыбацкий. Она взялась было пальцами за конец, но по её лицу пробежала тень. Она передумала.

— Я, кажется, поняла. Я научу. Держи катушку вот этой палочкой. Продень в отверстие. Осторожно! Руку держи вот здесь. Очень осторожно. Вот с этой стороны. Всё – сейчас буду разматывать. Ещё раз: осторожно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.